

Наталья Анатольевна Баева

РОЖДЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

ББК 83.3(2Рос-2Сев) Б12

Баева Н.А.

Б12 «Рождение читателя». — Севастополь: НПЦ «ЭКОСИ-Гидрофизика», 2014.—
166 с.

ISBN 978-966-442-089-8

«Мы не понимаем своих детей, а они - нас! Что делать?!»

Попробуем вспомнить и предложить им те книги, на которых выросли три-четыре поколения русских читателей...

Книга для неравнодушных учителей и для мыслящих подростков.

А также для родителей, желающих воспитать своих детей в русле национальной традиции.

ББК 83.3

ISBN 978-966-442-089-8

©Н.А. Баева, 2014

ОТ АВТОРА

Почему детям предлагаются только и исключительно книги, «подёрнутые пылью веков»?

И предлагаются они не только начитанными бабушками, но и издателями, и педагогами? Неужели действительно все лучшие книги написаны при свечах? Вопросы, которые всерьёз заинтересовали старшеклассников – людей не очень начитанных, но любознательных.

Результатом этих обсуждений, обмена читательским опытом и стала эта книга. Можно ли её использовать, как рекомендацию по внеклассному чтению? С некоторыми оговорками можно. Рассказы о книгах расположены по возрастам – для младшей школы, для средней, для старшей. Но подбор авторов ни в коей мере не дублирует школьную программу – речь идёт исключительно о тех произведениях, которые нам, школьникам семидесятых лет прошлого века, никто не «задавал», о тех, которые мы, страстные книголюбы - книгожоры, читали просто потому, что «потрясающе»!

И тем, кто не боится потрясения от путешествия в другие миры, надо просто открыть КНИГУ...

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ЛИТЕРАТУРА?

Вопрос этот может поставить в тупик не только взрослого, но даже и самоуверенного подростка. А ведь старшеклассник по определению обязан знать ВСЁ!

В самом деле... математика и физика в основе всей нашей технотронной цивилизации, биология в основе сельского хозяйства, а химия – медицины, очевидно практическое назначение геометрии, географии, астрономии... Но есть ли назначение у словесности? Неужели она, как и все прочие искусства, придумана людьми лишь для отдыха от напряжённых трудов? Нет, по данным археологии искусство (в том числе и искусство слова) старше не только науки, но и сельского хозяйства, и даже религии! Значит, несёт какую – то незаменимую информацию. Но какую?

Ответ может быть таким: у двух полушарий человеческого мозга разные функции. Вся наша система образования направлена на бесконечную тренировку только одного полушария – левого, ответственного за причинно-следственные связи, за логику. Собственно, достойным изучения и признаётся всё то, что логично. И при этом правое, эмоциональное полушарие не развивается. Это кажется нормой пусть не всем, но, увы, слишком многим. Книга, живопись, музыка (не «музон»!) оказываются чем – то необязательным, и в итоге нормальным уже кажется человек... с единственным работающим полушарием. С половиной головы. Инвалид.

Такое понимание назначения художественного слова верно, но верно только отчасти. У этого объяснения медицинская, узко – специальная, натуралистическая «окраска». А ведь вопрос поставлен очень давно, задолго до торжества научно – технической революции.

Сохранился рассказ о том, как Пётр I во время своего визита во Францию спросил радушных хозяев: «Зачем придумана художественная литература?» Ему, царю-инженеру, было совершенно ясно назначение литературы по различным специальностям или исторической хроники. Конечно, надо знать о том, что есть и помнить о том, что было. Но – писать о том, чего не было? Зачем?

Французы ответили: человек может на совершать таких ошибок, что исправить их – жизни не хватит. А читая книги о чужой жизни, он учится на чужих ошибках. Книга бичует дурные нравы и воспеваает добродетели, она – учебник жизни! И государь сделал потрясающий вывод:

- Надобно и нам литературу завести.

Сходная ситуация в романе **М.-А. Нексе «Дитте – дитя человеческое»**. Деревенская девушка научилась читать по книжке, единственной на всю её начальную школу. Потом она устроилась работать в городе, в семье писателя. И была потрясена увидев целую стену книг:

- Зачем столько?!

- Скажу, если прочтёшь хоть одну, - ответил хозяин и снял с полки «Робинзона».

Теперь каждую свободную минутку Дитте спешила оказаться в обществе моряка из Йорка. Она готова была подсказывать герою, как наладить хозяйство, а временами словно сама перевоплощалась в героя и вместе с ним ликовала при виде случайно проросших колосков... но при этом не забывала чистить хозяйские башмаки и готовить обед. Как будто два человека в одном теле... колдовство?! Наивную Дитте это даже испугало! Возвращая книжку, она сказала:

- Я прожила вторую жизнь.

- Верно, девочка. Сколько книг прочтёшь, столько жизней проживёшь!

Итак, развитие определённых зон мозга и передача коллективного опыта. А что ещё? Чтобы получить ответ, надо поточнее задать вопрос. Например, «Что остаётся от исчезнувшего народа»?

- Сказки... мифы... литература?!

- А кто остаётся в истории самыми известными представителями своего народа?

- Поэты... писатели... литераторы?!

- Не учёные?

- Нет. Их открытия понятны не всем. И потом открытие могут забыть – и открыть заново в другой стране. А бывает, одно и то же приходит в голову разным учёным в разных странах! Потом спорят за первенство. Но невозможно разным людям написать одинаковые стихи!

- Россия не была самой «научной» страной, она была «литературной»!

- Да любой народ знают и уважают, если он создал свою литературу. Это же – лучший вклад в общую копилку цивилизации!

(Интересно, что с этим согласны и те, кто к школьным урокам литературы вполне равнодушен)

- Значит, твоя национальность – это и «твоя» словесность? Да, и с этим соглашаются даже те, кому не нравится конкретно своя национальность или «своя» словесность. Сами делают вывод о назначении литературы. Это предмет, образующий нацию, это – цемент народа!

И обязательно возникает вопрос: «А если убрать цемент?»

Что – либо запретить в эпоху интернета почти невозможно. Жечь книги на площадях – это вышло из моды. А ведь многие в своё время в Германии начали читать, увидев костры из книг. Захотелось узнать, что это от них скрывают?

Но ведь можно высмеивать «бесполезные» знания, можно их замалчивать, а можно и... подменить! Если предложить новому поколению книги, пусть даже вполне доброкачественные, но не те, на которых росли родители?

- Точно! Так и завоёвывать никого не придётся – уже через пару поколений внуки будут стыдиться своей национальности!

Уверенный вывод – и тут же недоумевающие взгляды – неужели это именно то, что происходит с нами?!

Если уж мы взяли себе в образец заокеанский светоч – Америку...

«Они» столкнулись с проблемой «нечитания» подростков на два поколения раньше нас. И поняли, шестым чувством ощутили, что это грозит утратой национального самосознания! А к таким вещам «развесёлые» янки относятся более, чем серьёзно.

И тогда была развёрнута широкая пропагандистская кампания. Подросткам внушалось: «Если ты, белый американец, гордишься своей страной и своей нацией, ты обязан о стране и нации хоть что-то знать! Вот десять (всего десять) книг, не зная которых ты не имеешь права считаться американцем!» И далее список из десяти романов, действительно прекрасных, и пониманию подростка вполне доступных.

Психологический расчёт оказался безошибочным. Десять книг – это не сто, такая скромная цифра не пугает, а между тем Главные Романы Америки открывали читателю такой мир крупных характеров и сильных страстей, что просто невозможно было удержаться от соблазна прочесть и одиннадцатую книжку, и двенадцатую...

Ещё в восьмидесятые годы это работало. Сейчас уже – увы... Пришлось искать новые формы – и вот, по разбросанным фермам одноэтажной Америки заколесили библиотеки на колёсах. Приезжает автофургон с книгами раз в неделю, любой желающий может взять книжку и прочесть. Если через неделю он сумеет пересказать её библиотекарю – получит вознаграждение. Денежное! За предложение таким образом подрабатывать ухватились в основном индейцы – их белым соотечественникам премии за прочитанные книжки показались слишком скромными!

Согласимся, что и воспитание, и самовоспитание начинаются с понятий о том, «что такое хорошо и что такое плохо». Сначала – формирование понятий добра и зла, и лишь потом – равнение на образцы. Сначала формирование идеала, и лишь потом поиск возможности его достижения. Это неоспоримо даже в том случае, если «хорошо» - это хорошо зарабатывать, а «идеал» - иметь больше всех. Надо как можно скорее решить, что поможет зарабатывать и иметь. Образование? Получение наследства? Обнаружение алмазного месторождения? И однажды выбрав путь, с него не сворачивать.

А если «хорошо» - это знать и уметь? Обнаружить своё призвание и достичь максимума того, на что ты способен? Если «хорошо» - это мечтать о рае на земле и искать пути к его построению? Или не на всей земле, а хотя бы вокруг себя? Необходимое условие личного «рая» - гармоничные отношения с природой, с людьми, с самим собой, правильно выстроенный духовный мир.

И точно так же, как невозможно обойтись без материального мира, созданного предками, нельзя прожить и без духовного мира, без «лучших мыслей лучших людей», без книг. Кому-то кажется, что можно? Что от отсутствия книжек ещё никто не помер? Однако даже этот «кто-то» не пытается переселиться в пещеру и пожить там своим умом, заново изобретая каменный топор.

Очень важно, чтобы усвоение духовного опыта предков не запоздало, чтобы книги, ценные для формирования личности, были прочитаны в детстве. Ведь прочитанное становится фактом собственной биографии лишь тогда, когда нет ещё чёткой грани между «романтикой» и «жизнью», желаемым и возможным. Лишь тогда желаемое может стать возможным!

Вот эти беседы со старшеклассниками и подсказали мне мысль рассказать о тех книгах, на которых выросли мы, рождённые в шестидесятые годы двадцатого века. О книгах, которые нам начинали читать бабушки – и внезапно бросали «на самом интересном месте», точно зная, что мы сами схватимся – и одолеем. О книгах, которые мы выпрашивали у одноклассников «на одну ночь» и действительно читали с карманными фонариками под одеялом, к которым рисовали бесчисленные иллюстрации. Которые (о, грешники!) – воровали из библиотек, обманывая бдительность строгих стражей бесценных сокровищ...

Были ли среди них «обязательные»? Почти не было. Делать то, что ты «обязан», всегда не очень хочется, и «программная» классика пролистывалась... на перемене перед уроком. А вот обширные списки «летнего чтения» отторжения не вызывали, они вполне могли быть ориентиром в книжном море.

Наверное, и у меня получится что-то вроде «Ста книг».

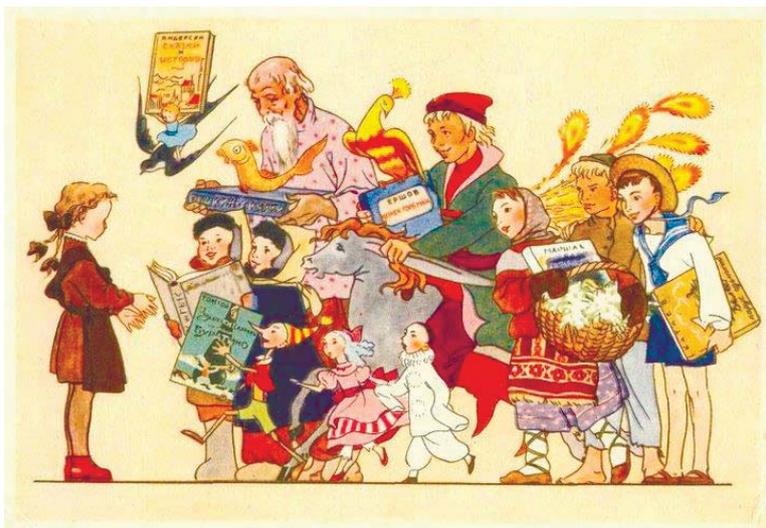
Списки «Ста книг, без которых невозможно жить» пытались составить десятки, если не сотни людей знаменитых, популярных и просто заинтересованных. И целый год «Литературная газета» печатала эти творения разных составителей. Отдельные позиции в этих списках оспаривать не хочется - действительно, книги прекрасные. Но почти все эти перечни абсолютной классики вызывали у меня отторжение. Почему?!

Вероятно потому, что очень уж явно чувствовался подтекст: «Я умный потому, что всё это прочёл. Для вас всё невозможно – так прочтите хоть половину. Будет у вас хоть половина моего ума». И только два или три составителя вспомнили, что пишут список для школьников! И составили свои реестры по возрастам. Для начальной школы, для средней, для старшей. Новое оказалось хорошо забытым старым! Это были те самые, родимые списки «летнего чтения», против которых ничего не имели даже самые отпетые лентяи.

Потому, что нельзя штурмовать Эверест, не потренировавшись на Ай-Петри или Говерле. Не стоит подступаться к вершинам, не покорив холмы и пригорки. Может, и не погибнешь – но отвращением проникнешься. Навсегда.

А сто книг – это немного. Это даже до смешного мало! Десять лет – по десять книжек в год... Меньше, чем по одной в месяц!

АВТОРСКАЯ СКАЗКА

Что за вид, что за жанр - авторская сказка?

В этом не сомневаются, пожалуй, только родители, задавшиеся целью вырастить «ребёнка читающего». Им совершенно точно известно, что авторская сказка - это мостик от сказки «малышовой» - народной к «настоящему» рассказу и повести. И её предназначение - довести процесс чтения у младшеклассника до полного автоматизма. Значит, её аудитория - это дети от семи до десяти лет. По-

том эти сказки любят уже только те, кто так и не разлюбил с детства. А сказки, не прочитанные в детстве, любимыми уже не станут никогда.

Но... ведь почти все авторские сказки написаны для взрослых! Вплоть до середины 19 века вообще никому не приходило в голову писать специально для детей (колыбельные не в счёт, да их и не записывали). Первые два века авторской сказки - это «обработка плодов простонародной фантазии для благородной публики!» Перро, Гольдони, Карамзин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов... Такие разные авторы, а путь один - найти сказку с чудесным сюжетом и пересказать её для образованных соотечественников чудесным языком.

Отойти от этой, казалось, незыблемой традиции позволил себе девятнадцатилетний студент. На лекции по химии он скрипел пером очень усердно, но при этом... смеялся! Профессор заинтересовался, подошёл, прочёл:

«...У старинушки три сына,
Старший - умный был детина,
Средний сын - и так, и сяк,
Младший - вовсе был дурак!»

Студент Ершов не стал химиком - он стал поэтом. Да, в его «Коньке - Горбунке» несложно проследить мотивы нескольких народных сказок, но сам Горбунок - детская мечта автора! Настоящие кони кажутся в детстве слишком большими... Вот если бы маленький - и говорящий!

Но главное - даже не небывалый конёк, главное - язык этой сказки. Таким не говорят в литературных гостиных, на таком в гостиных не читают! Это не барин взялся просвещать мужика - это мальчик из Тобольска. Для себя...

Потом пришла пора сказки «педагогической». Не просто «рассказ о небывалом происшествии», а рассказ с несомненной моралью. Вместо стихийного, страшноватого «народного» Морозко в сказке Одоевского впервые появляется добродушный дед Мороз Иванович. Он не заморозит Ленивицу, а просто посмеётся над ней, «наградив» ледышками вместо бриллиантов! А самый первый русский автор «воспитательной» сказки - императрица Екатерина II. Любящая бабушка писала сказки для своих внуков - сама. Про царевича Флора, восходящего тернистыми тропами искушений к вершинам добродетели...

А может ли сказка стать... учебником? Не учебником жизни, а путеводителем по конкретному школьному предмету, например? Да, шведские дети уже сто лет учат географию своей страны по книге Сельмы Лагерлёф «Путешествие Нильса с дикими гусями». Это не учебник, прикинувшийся сказкой, нет! Это - сказка, несущая огромный заряд знаний!

Интересные опыты таких «научных» сказок - это «Городок в табакерке» Одоевского, «Матросские досуги» Даля, и конечно, «Живое слово» Ушинского.

Сегодня нам трудно представить себе, что народной сказки, именно такой, какой она сохранялась в народе, мы не знаем! Даже «Колобка» для нас сочинил Ушинский, даже «Три медведя» - Толстой, даже «Снегурочку» - Даль...

Так может быть, авторская сказка - это способ донести до широкой публики взгляды автора в предельно занимательной, игровой форме, доступной даже и детям? Сказки - декларации, написанные на злобу дня, редко переживают своего автора. Лишь немногие из них талантливо настолько, что становятся «вечными». И когда старшеклассники со страдальческим видом пытаются припомнить непрочитанный учебник и сказать хоть что-нибудь о причинах революций, мне их жалко. Факты, не пережитые эмоционально, не стали знанием. Ну не было в их детстве ни «Чиполлино» Родари, ни «Королевства Кривых зеркал» Губарева, ни «Трёх Толстяков» Олеси...

Для нас эти сказки, отнятые у современных детей, были любимейшими. Это из них мы точно знали, что любая революция - прежде всего радикальная попытка исправить глобальную НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ. А какой же ребёнок не окажется на стороне справедливости?!

Ну а сказка - сатира? Пушкинский «Поп - толоконный лоб» при жизни автора даже не был напечатан!

Читая сказки Салтыкова - Щедрина, маститый критик издал возмущённый вопль: «Как же надо ненавидеть Россию, чтобы всё это написать!» Автор, столбовой российский дворянин, ответил: «Я люблю Россию до боли сердечной». Видно, было, отчего болеть сердцу...

И когда полтора века спустя министерство образования НЕ рекомендует щедринские сказки десятиклассникам (они вызывают ненужные «аллюзии», то есть ассоциации с современностью), у школьников это вызывает здоровый смех и желание срочно прочесть! Даже у тех, кто уроки, посвящённые крупнейшему русскому сатирику, проспал или прогулял!

А героическая сказка - младшая сестра былины? «Горячий камень» или «Мальчиш Кибальчиш» Гайдара - классика жанра, но из школьной программы они исключены. Изгнаны. За что? Тут вопросов больше, чем ответов... Хотим ли мы, чтобы наши дети выросли героями?

- Ах, нет, не хочу, чтобы бросался под танки... и вообще, чтоб забивал себе голову идеями! Не хочу, чтобы им руководили другие!

Но хотим мы, или нет, а руководят всегда «другие».

Идеология начинается с понятий «что такое хорошо, и что такое плохо», так что «не забивать ею голову» значит считать хорошим

только и исключительно то, что хорошо для твоего личного брюха. «Скотам подобно». А «чтобы не бросался под танки»... никто не захочет, чтобы создалась такая ситуация. Но это не всегда зависит от нас.

Так что насчёт качеств необходимых для того, чтобы остановить вражеский танк? Ах, нужны? Конечно. И это не только смелость, не только ненависть к врагу (часть сформированной «идеологии», понимание того, ПОЧЕМУ враг - это враг), это прежде всего - ЛЮБОВЬ. Ко всему и ко всем, кого ты готов защищать. И здесь переоценить роль героического эпоса - невозможно!

Есть и такие сказки, которые дают ребёнку возможность почувствовать себя богатырём, великаном уже сейчас. И ощутить ответственность сильного! Бианки, Чарушин, Мамин-Сибиряк - так и хочется их назвать «соавторами» самой природы.

Мышонок Пик, Заяц Коська, Серая Шейка - так прекрасны, так беззащитны! Читатель, знакомый с ними, будет просто счастлив помочь зверушке, попавшей в беду - он сам себе от этого покажется сильнее и взрослее!

Есть и такие сюжеты, которые путешествуют по временам и странам, изменяясь почти до полной неузнаваемости! Всё начинается с торжественного и серьёзного мифа, затем обрастает «приключенческими» подробностями, приобретает национальный колорит, превращаясь в повесть, затем в сказку, и попадает в руки разным авторам в разных концах света!

Сюжет о любви девушки к страшилищу бродячий, он встречается у многих народов, а восходит к древнегреческому мифу об Амуре и Психее! В конце античной эпохи миф уже трансформировался в авантюрную повесть: там Психее наговорили, что Амур, который прилетает к ней по ночам, потому не хочет показываться на глаза, что он - страшное чудовище! А Психея полюбила это «чудовище» за ласковые речи, за добрую душу. И была счастлива убедиться, что её любимый - совсем не страшный.

Новые авторы внесли в повествование новые оттенки - и получились совершенно разные «Душенька» Богдановича, «Аленький цветочек» Аксакова, «Красавица и чудовище» Диснея...

Трансформация мифа может быть и более причудливой. Все мы знаем, что у ранних христиан рыба была символом Христа, что по народным представлениям «благотворить» надо всякому потому, что никогда не угадаешь, в каком образе Бог придёт тебя испытывать. Прикинётся ли он нищим, зверем или рыбой... Но кому из современных людей при прочтении этих строк вспомнится Емеля с его щукой? А связь - прямая! Ведь это только в советских пересказах Емеля говорил: «По щучьему велению, по моему хотению». А в народном варианте «волшебные слова» были несколько иными: «По щучьему велению, по божьему благословению!» Вот кто прикинулся щукой! Вот кого отпустил Емеля - и за свою доброту получил сверх всяких ожиданий! Вот какой смысл имела эта сказка, на первый взгляд - бессмысленная.

Надо ли уточнять, что звери, благодарные герою за помощь, и сами в свою очередь творящие для него чудеса пришли в авторскую сказку из этого мифа? Вспомните хотя бы пушкинскую Царевну Лебедь...

Миф - источник, поистине, бездонный. Но превращение его в сказку - это превращение были в небылицу. Ведь миф воспринимался нашими далёкими предками именно как историческая реальность, а сказка - это пусть сколь угодно художественный, но - вымысел. Сложно представить себе сказочника с мифологическим мышлением!

Однако когда читаешь классика финской литературы Топелиуса, не покидает ощущение, что его сюжеты и образы - прямоком из времён палеолита! Было такое время, когда человек никак не выделял себя из природы, был просто частью мира.

«Я вырос с верой в то, что в природе всё живёт, чувствует, разговаривает»... - этим стихийным ощущением наполнены сказки, в которых ни «воспитательных моментов», ни

поучительной морали. Кажется, единственная цель автора - познакомить мир с родной Финляндией. В его героях - ничего чудесного, ничего особенного - обычные мальчики и девочки, которые так обыкновенно... слышат песни старых сосен и сонаты морских глубин, являются в школу со свитой - лесными зверушками, и никого не боятся. Даже самого горного короля - повелителя полярной ночи!

Но сам Топелиус, автор пьес, романов и стихов, уверял, что не обратился бы к жанру сказки, если бы не Андерсен...

Ганс Христиан Андерсен... Само имя этого человека стало синонимом слова «сказочник».

Но сам великий датский писатель предпочитал называть свои сказки «историями», подчёркивая их особенность, непохожесть на традиционную сказку. Восторженные соотечественники показали проект памятника, который намеревались установить ему при жизни - бронзовый сказочник в окружении детей. Андерсен удивился: «Почему дети?! Мои истории - для всех!»

Восхищаясь научной добросовестностью своих старших современников братьев Гримм, спасавших от забвения народную немецкую сказку, Андерсен, однако, никогда не использовал ни канву или образы фольклора, ни обработки древних мифов. Его сюжеты полностью оригинальны! Нет в народной сказке никого даже отдалённо похожего на Дюймовочку или Оловянного солдатика, Принцессу на горошине или Крошку-Эльфа, Гадкого Утёнка или Принца-свинопаса.

Удивительный, причудливый мир, в котором самые большие чудеса - это Стойкость, Храбрость, Верность, Любовь. И Вера в свои силы, в своё предназначение.

Всем известна история Герды из сказки «Снежная королева», но может ли ребёнок обратить внимание на такой эпизод: Герде сказали, что Кай женился на принцессе. Какой реакции можно ожидать? «Я ради него... а он...» Но Герда ... счастлива! Она хотела спасти Кая не ради себя - ради него самого. И по своей крайней молодости ещё не подозревала, что такое чувство называется взрослым словом - любовью...

А сколько девушек, как во времена Андерсена, так и сегодня полагают, что чем больше на них тратятся, тем сильнее их любят? Читать бы им и перечитывать сказку «Свинопас»: Принцессе не понравились подарки жениха - соловей и роза. Что с того, что это самая красивая в мире роза и самый голосистый соловей? Они же не осыпаны бриллиантами, а значит - ничего не стоят! И тогда остроумный Принц, прикинувшись свинопасом, сумел так выставить напоказ глупость и душевную пустоту принцессы, что читатели смеются над ней вот уже полтора столетия!

Андерсен сочинял и на спор - просил показать ему любой предмет, хоть самый прозаический - а он сочинит неповторимую сказку. Собеседники показывали ему на шкаф, сундук, сломанную иголку, горошину в супе... и одна за другой рождались удивительные истории: «Старый шкаф», «Сундук-самолёт», «Тонкая штучка», «Пятеро из одного стручка»...

- Ах, я слишком утончена для этого грубого мира, эта ужасная жизнь сломала меня! - причитает иголка, оправдывая своё безделье. А горошина разбухла-раздобрела и стала са-

мой важной персоной...в канаве. И с высоты своего положения смеётся над сестрицей, которая так обрадовала своими невзрачными цветами больную девочку. Сказка, которая стоит любого многомудрого трактата о цели и смысле жизни!

«**Девочка со спичками**» - страшная история, в которой нет ничего сказочного, иногда всё же издаётся для детей. А «**Пропащая**» - никогда. Только в редких изданиях для взрослых. Обе эти «сказки» Андерсен написал о своей несчастной матери. В детстве, когда продавала спички на улице, она не замёрзла, хотя это было бы для неё лучшей долей. Ведь тогда бы она не надорвалась, не спилась, не сошла бы с ума... Не всякому дано выйти победителем из поединка с беспощадной жизнью! Сам Андерсен - сумел. И автобиографическую повесть, совсем уж не сказочную, он назвал «Сказка моей жизни».

В кратком обзоре невозможно рассказать обо всех представителях славного племени творцов литературного чуда - Авторской сказки. Гауф, Гофман, Астрид Линдгрен... Не каждого сказочника даже можно отнести к определённом типу или жанру!

Но у каждого есть Самая Главная Сказка, самая-самая любимая читателями. И мне прежде всего вспоминается одно из самых ярких литературных впечатлений детства – **сказочная эпопея А.М.Волкова «Волшебник Изумрудного города».**

Знакомо ли Вам, читатель, чувство унылой «безнадёги», когда «достать» продолжение любимой книги казалось совершенно невозможным? Оно ещё не написано! И даже когда автор напишет, а художник нарисует, где гарантия, что ЧУДО попадёт тебе в руки?! Отрывок из будущего продолжения в журнале есть, но ведь это так мало...

И вот проходит года два - и очередная книжка про Изумрудный город у тебя в руках! Абсолютное счастье, сон наяву...

Именно так мы ждали каждой очередной книги Волкова. Непременно с иллюстрациями Владимирского. И поскольку полной серии не было ни у кого, гадали, сколько же книг уже есть, и сколько их будет всего, хватит ли на наш век?

«Всё в твоей жизни зависит только от тебя!

Главное - не опускать руки, не сдаваться!» Нечего и сомневаться, что папа и мама Смиты внушали дочке именно это. С тех самых пор, когда Элли начала хоть что-то понимать. Ведь только такие люди и могли приехать в фургончике в голую, пыльную степь, чтобы начать жизнь с нуля. Здесь не у кого просить помощи, здесь некого винить в случае неудачи, здесь что сделаешь - то и будет сделано.

Суровая реальность дикого Запада? Не совсем - ведь недалеко, за кольцом Синих гор, страна, о которой никто ничего не знает...

Ураганы в степи - совсем не редкость, но такой?! Фургончик вместе с девочкой и её щенком Тотошкой взлетает в воздух! И спустя несколько часов... приземляется. Не падает, а именно приземляется в местности, невероятно, неправдоподобно прекрасной. Не просто зелёной, а переливающейся всеми оттенками изумруда!

Если до сих пор жизнь Элли была похожа на чёрно-белое кино, то здесь началось цветное, звуковое, стереоскопическое: местные жители словно сошли со страниц книжки сказок, звери и птицы говорят, старенькая волшебница дарит волшебный подарок - башмачки, но вот только забыла она, что в этих башмачках волшебного... А самое досадное - всё её могущество - в пределах Волшебной страны, вернуть Элли в Канзас она не может! Придётся девочке обратиться к волшебнику, более могущественному. Гудвину.

Путешествие по стране всеобщего достатка и благоденствия, населённой каким-то удивительно неинтересным, безликим народцем. Единственный эпитет, которым награждает местных жителей Элли - «милые». словно дети, они живут одними эмоциями, смеются и плачут, переходя от слёз к смеху почти мгновенно... Им суждено стать фоном, всего лишь фоном для героев. Настоящих друзей.

Как жадно любознателен Страшила! Ему всего-то несколько дней от роду, с каждым часом он узнаёт новое, сравнивает и анализирует, и речи его с каждой страницей становятся всё интереснее, и предложения - рациональнее, но он так самокритичен... Уверен, что без мозгов он всё равно всего лишь соломенное чучело.

В отличие от Страшилы, у Железного Дровосека есть биография. Да такая фантастически страшная! Чтоб живой человек превращался в «железяку» постепенно, по частям?!

Любил, но с невестой простился: в какой-то момент решил, что больше не имеет права на любовь! Ведь теперь у него и сердца-то нет...

А трусишка - Лев? Труслив, когда опасность, настоящая или мнимая, угрожает только ему. Но - что за чудо?! Если надо помочь друзьям, опасностей он просто не замечает! Пугается, когда уже всё позади, принимая похвалы, как ему кажется, совершенно незаслуженные.

Никто из этой удивительной компании не смог бы достичь цели в одиночку. Только вместе. Только взаимопомощь и взаимовыручка безо всяких мыслей о собственном величии, как и положено друзьям. А опасности подстерегают на каждом шагу: наводнение, саблезубые тигры, людоед... А маковое поле, такое красивое и такое опасное? Живые здесь засыпают навсегда! Но не соломенные и не железные! Кажется, только против колдовства злой Бастинды друзья бессильны... Но дайте срок - они победят и злую волшебницу, попутно взбунтовав её подданных, таких пугливых и покорных!

И Гудвин, обманщик Гудвин, который много лет дурачил доверчивый народ цирковыми фокусами, приходит к выводу, действительно мудрому: эти друзья сильнее, смелее, умнее и сердечнее его самого. А если они ещё и поверят в себя?! Ведь им для этого нужно совсем немного - подушечка в форме сердца, подушечка в форме мозгов...

Они станут куда более достойными правителями, чем он сам! А ему пора домой, в Канзас, вместе с Элли. Но улетит он один... Сказка на то и сказка, чтобы Элли вернулась к папе и маме с помощью волшебства!

Пересказ - перепев американского автора Фрэнка Баума? В нашем детстве Баума не было, сравнить не могли. Но ни за что бы не поверили, что можно написать лучше.

А что было дальше?

Во второй книге появляется новый персонаж, Урфин Джюс. Всё, за что бы он ни брался, делает лучше всех, но о признании ему приходится только мечтать. Ведь его, угрюмого отшельника, все боятся! По слухам, он чему-то учится у злой феи Гингемы...

О чём может мечтать обыкновенный гений? Конечно, о любви или, по меньшей мере, об избавлении от одиночества. Но могут ли его любить инфантильные обыватели? Никогда! Они же догадываются, что этот странный человек их презирает...

Но Гингема погибла, и Урфину в наследство достался её филин Гуамоко, умный и насмешливый. Братец по разуму, хоть и птица... Ах, если бы обучиться колдовству!...

Если чего-нибудь очень хочешь, это произойдёт. И совершенно неожиданно! Судьба подбросила в огород Урфина странные, неистребимые сорняки. Что только с ними не делал - рубил, сжигал, толоч в порошок... а потом нечаянно просыпал горсть порошка на старую медвежью шкуру - и с пола поднялся живой медведь! Чудо, которым надо суметь воспользоваться... А что, если наделать деревянных солдат - двухметровых, со свирепыми физиономиями? Чтобы всех этих мигунов - жевунов парализовало от ужаса? Сразу признают его волшебником поволшебнее Гудвина, и не усомнятся в его праве на власть!

И вот уже деревянная армия под стенами Изумрудного города. Обыватели здесь понятия не имеют, как это - воевать? Они трясутся от страха по домам! Единственными защитниками города оказываются Страшила и два его верных привратника. Ещё ворона Каги-Кар предложила свои услуги, так её послали за помощью. Три дня отражали атаки, сбрасывая на «деревяшек» горящую паклю но, к несчастью, людям надо иногда спать... Действительно, к несчастью.

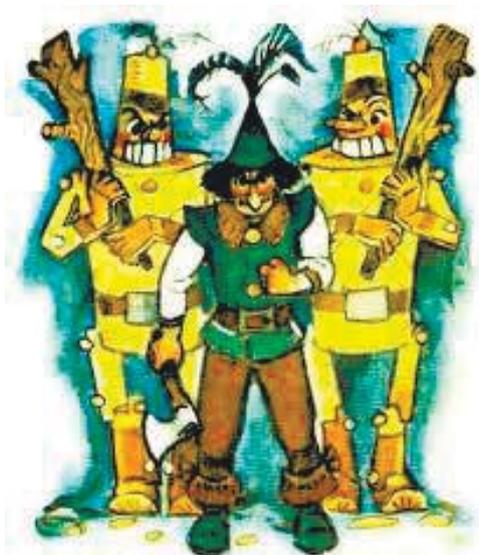
Уснули защитники на стене - проснулись в подземелье. Связанными.

Те, кто первыми явились к новому правителю с поздравлениями, зачислены в штат придворных. Но Урфин уже близок к отчаянию - его придворные так невероятно глупы, так трусливы, что «средний» житель Волшебной страны в сравнении с ними - умница и храбрец! Даже когда перед ним предстали связанные Дровосек и Страшила, торжество оказалось неполным: ведь на предложение признать его власть оба хором ответили «Нет!» Ещё не догадываясь, что станут героями для своих соотечественников.

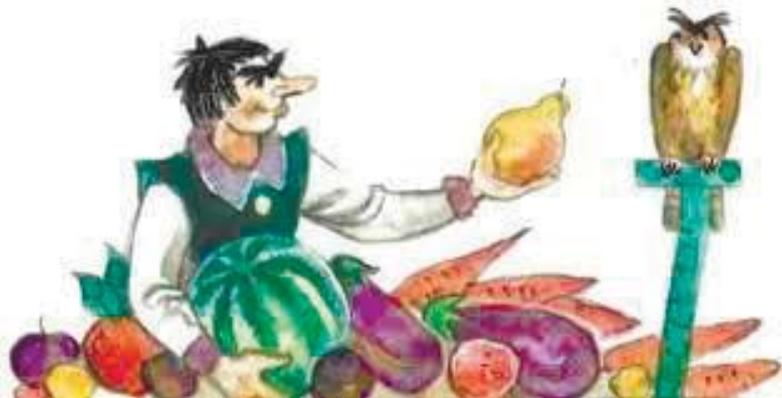
Но помощи от этих соотечественников всё равно не дождёшься, скорее из большого мира... А что если написать Элли?

Конечно, поражение Урфина будет сокрушительным. Но наказание - самым неожиданным: его просто не замечают! Нет его - и всё. Это ли не кошмар для того, кто бредил славой и властью! И неуёмный Урфин решает: не стал королём - стану богом!

Потрясти воображение марранов - племени, абсолютно первобытного, не знающего даже огня, но при этом драчливого, и объяснить дикарям, что хорошая жизнь их ждёт в Изумрудном городе! Попытка номер два...

Марраны оказались вовсе не такими уж злыми, и к тому же по-детски любопытными. Всё новое, что увидели, захотели завести у себя, учиться понравилось! И огнём пользоваться научились, и пришли в совершенный восторг, когда вместо сражения им предложили... футбольный матч! «Огненный бог» Урфин им просто больше не нужен. Опять один... И больше всех его жалеет великодушный Страшила: «Такой бы ум - да на хорошее дело»...

Годы передумывания - переосмысления, и вот уже все знают Урфина, как лучшего в стране садовода! И ведь не делает секрета из своих «ноу-хау», делится и плодами, и семенами, и советами. Почти полюбили... почти.

Но вот, Урфину представился ещё один шанс пробиться к власти - под покровительством злой великанши, и воспользоваться шансом он отказался. «Не пойду против своих»... Те, кого он тихо презирал, всё же стали для него «своими». Родными, которых не выбирают.

А ведь это детский вариант то ли «Властелина мира», то ли «Трудно быть богом». Причём «детский» ни в коей мере не означает упрощения проблемы, просто фон повествования - не история, а сказка. Но на сказочном фоне заиграли неожиданными красками вечные характеры - сверхчеловек, герой, предатель, обыватель... Кем и каким ты хотел бы стать, оказавшись в этой сказочной стране? Выбирай, маленький читатель!

Слишком сложно для детского восприятия? Кто знает... Но если бояться даже таких сложностей - не рискуем ли мы получить поколение, неспособное мыслить?

Ведь даже книгу **Николая Носова «Приключения Незнайки»** в последних изданиях пытаются сокращать и упрощать! А между тем, это одна из очень немногих детских книг, читая и перечитывая которую ребёнок может расти, взрослеть вместе с любимым героем. Но позвольте... разве у сказочных коротышек есть понятие возраста? В этой своеобразной Лилипутии, вроде бы, никто не рождается и не умирает, а значит, и взрослеть не должны? Вот и художники согласны - все они рисуют Незнайку и его друзей совершенно одинаковыми и в первой книжке, и в последней...

Милый Незнайка, друг детства! Персонаж, придуман всего-то лет шестьдесят назад, а кажется, что он был всегда. И всегда будет. Вечный ребёнок...

А если при-смотреться повнимательней? Профессор Знайка, доктор Пилюлькин, художник Тюбик, механики Винтик и Шпунтик - взрослые! И не только потому, что обладают профессией. Их взрослое отношение к жизни особенно заметно на фоне личностей неопределёвшихся - Пончика, Ворчуна, Гуньки...

Незнайка по своему поведению - мировоззрению - дошкольник. Лет пяти-шести, не больше. Ему интересно всё на свете, а взрослые считают, что он просто путается

у них под ногами. Но не прогонять же, если человек хочет чему – то научиться! Писать стихи, рисовать, играть на трубе...

И разве не благодаря поэту Цветику мы навсегда запоминаем, что «палка-селёдка» - это НЕ рифма? Что в стихах кроме рифмы должен быть и смысл? Поскольку Незнайка сумел соблюсти эти жёсткие условия, он явно не бездарен...

«У Авооськи под подушкой

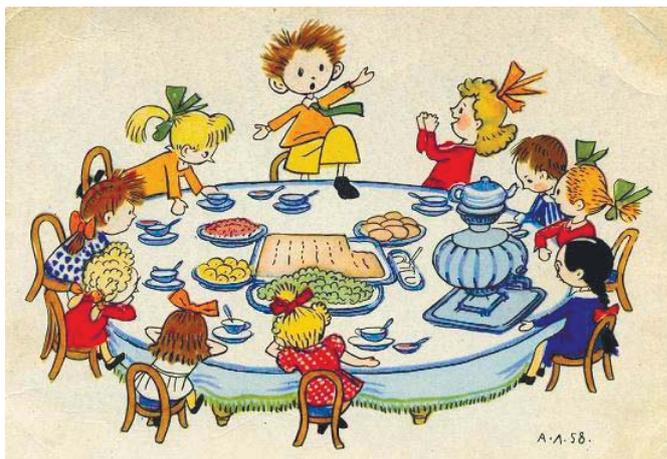
Лежит сладкая ватрушка»!

Ну хорошо же! И на что Авооська обиделся?!

И выставка картин – дружеских шаржей почему – то обидела многих. А ведь все были вполне узнаваемы, значит – талантливо! Вот только музыкальных упражнений Незнайки никто не выдержал. Разбежались...

Не ценят! А как сделать, чтобы ценили? И Незнайка поступает вполне по-детски: находит новых друзей. Точнее, подружек, которые ещё ничего о нём не знают. Вот им можно представиться хоть великим изобретателем!

Все мы помним, как плачевно закончилась попытка. Но Незнайка сделал для себя эпохальное открытие, что «девочки тоже хорошие друзья, ну почти как Гунька»! Вот что значит незашоренное мышление! А то Знайка, как типичный взрослый, увяз в спорах и сравнениях, кто лучше – мальчики или девочки...

Но вот что интересно: что это у них за устройство жизни? Когда все обязаны трудиться, когда каждый готов помочь – и даже не сочтёт это одолжением, когда никто не остаётся голодным, хотя уровень жизни довольно скромный. Это – средневековая община или социализм?

Скорее, последнее – ведь здесь очень ценятся знания. И очень уважается творчество. Стоит только Цветику призывно поднять руку – и вся площадь благоговейно замирает в ожидании новых стихов! Совершенно как у нас в шестидесятые годы...

И если это общество ставит перед собой задачи – то самые амбициозные. Сначала – воздушный шар для великого путешествия, а затем и выход в космос.

И каким бы детски – легкомысленным лентяем ни был Незнайка, он отлично сознаёт, что остаться «незнайкой» навсегда ему не позволят. Да и самому ведь неинтересно оставаться всеобщей проблемой – помехой! Оказывается, кто больше знает – тому интереснее жить!

И возможности увидеть и узнать что-то интересное Незнайка не упустит. Ни за что!

Во второй книге трилогии Незнайка уже неуловимо другой. Старше. Конечно, ещё далеко не взрослый, но и не маленький. Лет так десять – одиннадцать. Из чего это можно заключить? Да из его поступков! Он говорит правильные слова, и даже правильно поступает в основном тогда, когда рядом те, кто младше. Это Пачкуля Пёстренький должен считать его большим и авторитетным! Но стоит Незнайке остаться одному... Тут – то и начинаются глупые поступки неглупого мальчишки. А потом – знакомство с собственной Советью, пред которой не оправдаешься! Не даст уснуть ночью, не даст и днём жить спокойно!

Однако обо всём по порядку: всё началось с того что Незнайка совершенно случайно совершил целых три хороших поступка подряд. А по законам сказки за это полагается награда – волшебная палочка. И Волшебник вручает её Незнайке с предупреждением: если он совершит три плохих поступка, волшебство закончится! Но разве можно думать о чём-то нехорошем, когда в руках – чудо?! Немедленно в сказочное путешествие на сказочном автомобиле! С друзьями – Пачкулей и Кнопочкой.

Солнечный город поражает читательское воображение не только мощной фантазией автора, но и способностью рассказывать о технических достижениях – живописно! С мягким, изящным юмором. Машины работают на полях без людей! Один человек из центра наблюдает на экране за целой сотней комбайнов! А какой здесь транспорт десятков разных конструкций, вплоть до индивидуальных «стрекоз»! А

фабрики синтетического волокна, на которых выпускается одежда! А невероятная архитектура? Здесь нет и не должно быть окна, в которое не заглядывает солнце! А чего стоит человекообразный робот, устраивающий шахматные турниры?! Кажется, в таком городе должны жить сплошные творцы, изобретатели, гении... Мир коммунизма!

Но – странное дело, коротышки здесь «более дети», чем Незнайкины соотечественники. И если детям кажется заманчивым это «сколько угодно мороженого и воды с сиропом, любые машинки и игрушки, зоопарк и путешествия», то взрослый, читая, насторожится: неужели от всеобщей сытости и уверенности в завтрашнем дне человек неизбежно становится вечным ребёнком, то есть инфантилом?! Этого упрека никак нельзя бросить гениальному архитектору Вертибутылкину, или просветителям Листик и Буковке, упрямо приучающим коротышек к хорошей литературе. Да ещё доктор Компрессик... и всё?! Получается, что здесь есть выбор, становиться кем-то и чем-то, или всю жизнь играть? И огромное большинство предпочитает вечное детство?!

Даже милиция давно уже знает, что в этой детской песочнице не бывает преступлений серьезнее дележа игрушек или превышения скорости. Максимум – драки. И карает виновных... нотациями. Чем синяк, поставленный противнику, больше – тем нотация длиннее!

И вот такое общество столкнулось со взрослой проблемой: неформалами – ветрогонками. Эти молодые люди одеваются вызывающе, говорят непонятные слова, плюются и

вообще... так раскованы, так независимы и непосредственны! Глядя на них, очень многим захотелось тоже «быть не как все» - и вот, по улицам слоняются целые толпы Ветрогонов, бросая «гордый» вызов общественному порядку и издеваясь над растерянной милицией. Знали бы эти «свободные», что это Незнайка придал их кумирам человеческий вид с помощью волшебной палочки. А до встречи с Незнайкой кумиры были обыкновенными ослами, серыми и длинноухими...

Провидец Носов! Как он ещё в пятидесятые годы мог предвидеть, что нам, когда наедемся, захочется ещё и «свободы» в виде джинсов, мата и разврата?! Но для детей история с Ветрогонами, снова превращёнными в ослов и загнанными в стойло, остаётся всего лишь юмористическим эпизодом в жизни счастливой Утопии. И если задать маленькому читателю вопрос: «В какой коротышечьей стране ты хотел бы жить?» - ответ предскажем и неизменен со времён выхода книги в свет: «Если навсегда – то в Солнечном городе!»

- А если не навсегда? Если только погостить?

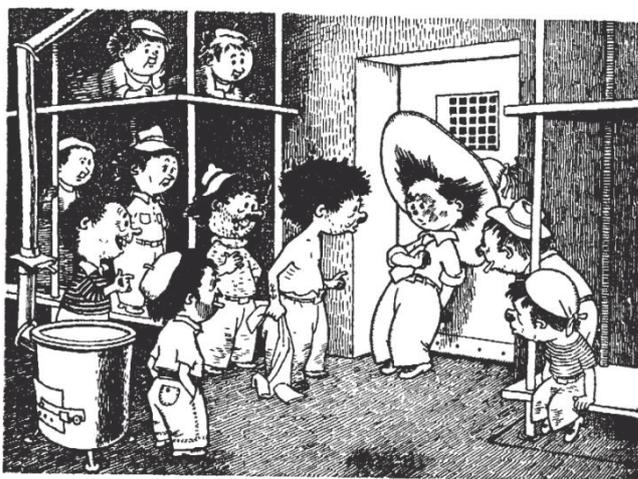
- Тогда – на Луне!

«На Луне» - это в третьей, заключительной части трилогии.

Как Незнайка и Пончик попали на Луну – об этом долго рассказывать, но очень интересно читать. Именно из этой книги, а не из школьных учебников, мы узнали о том, что такое невесомость, безвоздушное пространство, трёхступенчатая ракета, космические скорости – первая, вторая и третья, что такое планета, астероид, световой год... Познакомились и с разными гипотезами происхождения Луны вообще и её знаменитых кратеров в частности. И это при том, что книга ничуть не претендует на статус «научно-популярной». Сказка остаётся сказкой!

А где же ещё, если не в сказке, возможен такой мир, который автор поместил на лунном ядре, внутри Луны?! Здесь нельзя сорвать грушу в саду потому, что сад частный, охраняют его хозяйские сторожа, злые, как крокодилы, и если они тебя убьют, виноват будешь только ты сам, нарушитель священного права частной собственности! И пообедать в ресторане так просто не получится – потребуют какие-то деньги. Ах, нет?! Пожалуйте

в полицию! Полиция попытается повесить на тебя парочку нераскрытых грабежей, а пока засунет в «каталажку». До выяснения. А в каталажке народ разный... Кто откровенно смеётся над «сумасшедшим», утверждающим, что он – космический путешественник, кто почти верит, сочувствует и объясняет, как прожить в этом мире, кто прокручивает в голове аферу, как на этом космонавте можно заработать!

Оказывается, здесь самое главное – это деньги. Их можно получить за работу, а можно и украсть. Только мало красть нельзя – посадят. Красть надо сразу много, чтобы поделиться с судьёй – тогда он признает виноватым кого угодно, только не тебя!

Не в силах сразу утрясти в голове столько всего нового, Незнайка решаете пожить на новоявленных «друзьях» - Мигу и Жулио. «Друзья» создают акционерное общество по продаже семян гигантских растений (семена в ракете на поверхности Луны), разво-

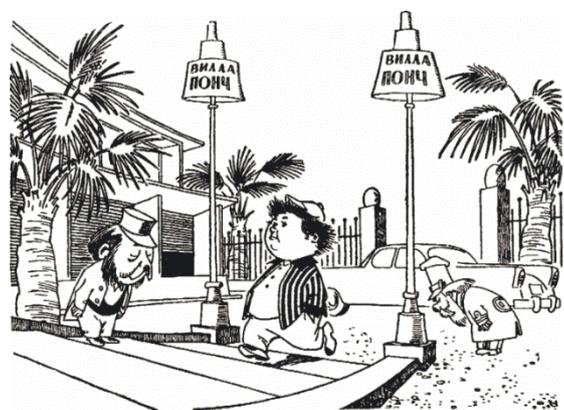
рачивают рекламную кампанию, делают Незнайку настоящей телезвездой, и всячески отмахиваются от его вопроса: «А как мы достанем семена?» Наконец, нагребли целые мешки денег – да и исчезли с ними, оставив космического путешественника ни с чем!

Нет, хорошие люди здесь есть, но – странное дело, им тоже деньги как-то не даются... А всё – таки что бы делал Незнайка без нового друга, житейски опытного Козлика? Вдвоём с голоду не умирают, не один – так другой что-нибудь заработает.

И подставлять рожу в качестве мишени, чтобы в тебя бросали мячики – это тоже работа! Голодный Незнайка уж хотел наняться в такой балаган, но его опередил другой соискатель. И наконец, повезло! Устроился Незнайка «собачьей няней» - ухаживать за богатыми собачками богатой госпожи Миноги. Кормить одними деликатесами, купать, выводить на прогулку, в парикмахерскую, в ателье – четвероногим господам там шьют на заказ изысканные туалеты! Платят собачьей няне столько, что можно пригласить врача к заболевшему Козлику. Но едва Незнайка об этом заикнулся, хозяйка нахмурилась:

- Вы служите в приличном доме, и водитесь с каким – то нищим Козликом вам неприлично!

Вот как? Разве Незнайка похож на предателя?! Разумеется, всё его жалование пошло на врача и лекарства для Козлика (подумать только, и за это надо платить в невероятном лунном мире!). Но госпожу Миногу не проведёшь, она нанимает гениального сыщика, чтобы выяснил, куда во время прогулки её слуга заводит её ненаглядных собачек? Как?! В ночлежку?! Всё! Это грязное животное уволено без рекомендаций и выходного пособия! Одна дорога недоумкам, неспособным заработать – на Дурацкий остров! Там кормят и интеллектуально развлекают – показывают кино. Только от такого кино не поумнеешь – всё про стрельбу, погони и драки... Это чтобы поскорее превратились в баранов! Хоть какой-то прок от них будет – шерсть и мясо!

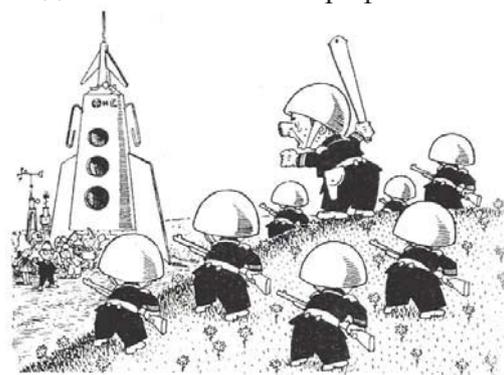

А как же Пончик? Пончик не слишком отягощён моральными принципами, зато смекалка, деловая хватка у него на высоте: нашёл то, что можно продавать – соль! Сначала добывал её сам, потом принялся нанимать рабочих, потом – продавцов. Сообразил, что прибыль зависит не только от объёма добычи, но и от скорости продаж, и от количества наёмных работников... словом, если скучно читать учебник политэкономии, прочтите, как Пончик превратился в господина Понча! И о том, как он снова стал «всего лишь» Пончиком – разорили конкуренты! При-

шлось и бывшему фабриканту искать работу. И выяснить для себя, что чем больше коллектив, тем надёжнее ты защищён от произвола хозяина. Ведь коллектив – это профсоюз!

Так что же – этим миром правит голод?! Разве кто пошёл бы работать ко всяким Спрутсам, будь у него такие чудесные растения, как на Земле? Ведь тогда еды хватило бы на всех!

Но когда «братцы» во главе со Знайкой разыскивают пропавших друзей, заодно раздаривая местным крестьянам гигантские семена, следует приказ их «обезвредить». Властям решать проблему недоедания населения незачем – кто же тогда пойдёт на них работать?! Памфлет? Сгущены краски? А собственно где и в чём?

Что такое капитализм – можно не объяснять. Если первые две книжки про Незнайку просто талантливы, то третья, безо всякого преувеличения, гениальна!

А мы с вами? Не слишком ли мы загостились «на Луне», господа?

Сказки Джанни Родари – столь же блистательный пример социальной сатиры. И отношение к ним со стороны «премудрых пескарей» столь же насторожённое!

«Стоит ли читать детям сказки Родари?» - спрашивают на форумах молодые мамочки, которые почему - то в детстве их не прочли. Разминулись с настоящим чудом. И получают высокомерные ответы: «Не стоит!» «Глупо и сентиментально!» «Родари устарел! Безнадёжно!»

Это мнение, как будто, подтверждают и издатели. Если в книжных магазинах ещё можно найти «Чиполлино», то «Джельсомино», «Граматику фантазии» или сборник стихов - уже вряд ли.

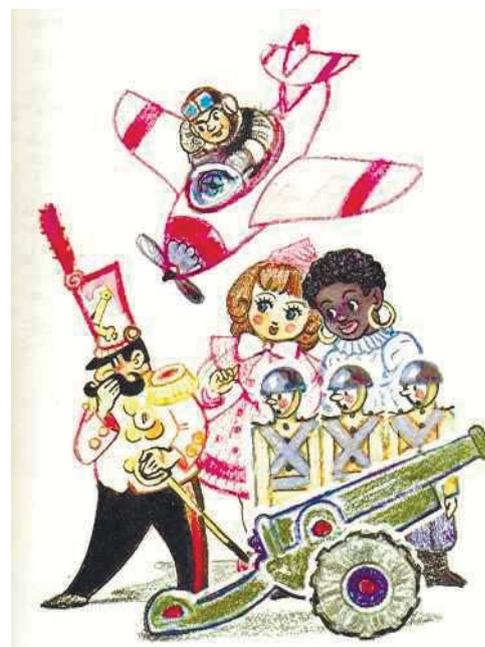
*«Если б меня президентом избрали,
Я бы велел, чтобы в каждом квартале
Каждого города, всем напоказ
Вывешен был мой строжайший приказ:
Детям страны президентским декретом
Жить в городах запрещается летом!
Всех ребятшек на летнее жительство
Вывезти к морю. Заплатит правительство.
Этим указом, параграфом третьим
Горы Альпийские дарятся детям!
Кто не исполнит приказа, тому
Будет грозить заключение в тюрьму!»*

Почти прокламация для страны с полностью разрушенной системой детского отдыха... А уж напоминать счастливым о том, что счастливы не все - это уже считается дурным тоном. И тому, кто с этим согласен, конечно, покажется образцом дурновкусия сказка «Путешествие Голубой стрелы».

Великолепный поезд «Голубая стрела» - украшение витрины магазина игрушек. А вокруг этого чуда техники - марионетки и индейцы, моряк и лётчик, генерал и солдатики, мишка, щенок и красавицы - подружки Роза и Нера... Куклы ведь только прикидываются, что ничего не видят, не слышат и не понимают! Когда дети разглядывают их через витрину, и они с любопытством присматриваются к своим будущим друзьям. Ведь скоро, совсем скоро - Рождество! И Фея, хозяйка магазина, отправится в свой ежегодный полёт на метле - разносить подарки.

Но кукол ждёт неприятное открытие - оказывается, подарки получают не все дети, а лишь те, чьи родители смогли за них заплатить! Нет, Фея добрая, но... она не настолько богата, чтобы позволить себе благотворительность. И что же, дети останутся без подарков? И вот, игрушки садятся по вагонам - и чудесный поезд уезжает из сказочного мирка. В настоящую жизнь.

Маленький пугливый мишка далеко не уедет - он останется с мальчиком в подвале, куда никогда не заглядывает солнце. Ведь мальчуган совсем один - его родители вынуждены работать даже в рождественскую ночь.

Кукла Роза не пожелает расстаться с девочкой, которая «уснула странным сном». Утром полиция подберёт замёрзшую насмерть нищенку с новенькой куклой в руках.

Храбрый Пилот влетит в зарешеченное оконце тюрьмы чтобы спросить заключённого: где живут его дети? Он улетает по указанному адресу - и вслед ему приветственно машет рукой бронзовый Гарибальди.

А сколько детей, оказывается, не учатся потому, что не на что, или сегодня не ели потому, что нечего!

Но в эту же ночь один мальчуган предотвратил крушение поезда, другой - ограбление магазина. Дети могут быть и героями! И это - чудо чудеснее Феи на метле...

А как же Фея?

Она не обиделась на беглецов. Эта история её многому научила!

Но сказка о добрых куклах всё же добрая, какой и положено быть рождественской истории. Совсем другими красками Родари изображает «хозяев жизни» в сказочном памфлете «**Джельсомино в стране лжецов**».

Целая страна, где никто не говорит правды?! Это какой же фантазией, какой памятью надо обладать, чтобы постоянно врать - и не запутаться? А ничего не поделаешь - приходится. Потому, что иначе - тюрьма. Всем известно, что туда попадают даже котята, которые осмелились мяукать, а не лаять! Что уж говорить о людях...

А ведь всё началось почти забавно: старый пират Джакомон захотел спокойной жизни. У него уйма награбленных богатств, но как их легализовать? Как стать официальным, уважаемым миллионером?

- Надо захватить какую-нибудь приличную страну, и объявить, что отныне пиратство - уважаемая профессия, приносящая честный доход! И вся пиратская команда заплодировала: «Браво! Если нас там будут называть пиратами, это будет теперь означать, что мы - приличные люди!»

- А меня будут называть «ваше величество» под угрозой отрезания языка!

Сказано - сделано. Захватили целую страну с большой столицей, провели реформу словаря, и сделали ложь обязательной. И все путались во всём - ведь ложь - совсем необязательно противоположность правды, у лжи тысячи ликов! Но всё же как - то привыкли. Во всяком случае все поняли правильно вот такую театральную афишу:»Сегодня утром (в 48 часов) самый паршивый тенор ДЖЕЛЬСОМИНО, собака из собак, только что возвратившийся после провалов и свистков, которыми наградили его в крупнейших театрах Европы и Америки, петь не будет! Зрителей просят не приходить, билеты выдаются бесплатно!»

В семь часов вечера театр был полон до отказа... В итоге «полный провал», то есть небывалый успех! Весь театр, вся площадь кричит «браво!»

Стоп! «Браво», а не «убирайся в болото квакать с лягушками»? От восторга люди забыли, что обязаны врать?!

Это было только начало!

(Как же узнаваемы и ситуации, и типажи! Мирные обыватели, добровольные доносчики, опора власти - газетчики... Никто из них ничего от этой власти не получает, но каждый - надеется получить!) Не потому ли в интернет - магазине эта СКАЗКА продаётся с пометкой (18+)?!

И не пора ли в таком случае объявить крамолой сказки, в которых герои решаются не ждать награды за кротость и смирение, а бороться? И побеждают? Как у **Виталия Губарева** в его «**Королевстве Кривых Зеркал**».

- Как называется твоя страна? - спросил сказочный король Топсед пионерку Олю. И Оля ответила невпопад, но вполне искренне:

- Это - лучшая страна на свете!

Интересно, задумывалась ли она над подобными материями до того, как попала в зазеркалье? Наверное, нет. Ведь только сейчас у неё появилась возможность сравнить свою страну с этим невероятным королевством, а себя... себя - то Оля уверенно считала если не лучшей девочкой на свете, то уж точно - хорошей. Нормальной.

Но обо всём по порядку:

Лентяйка - разгильдяйка Оля сумела вывести из себя даже свою терпеливую бабушку. И бабушка пожелала ей «посмотреть на себя со стороны». А желания иногда сбываются, особенно если огромное зеркало в прихожей окажется не простым, а волшебным! Стекло исчезло, и то ли ветер, то ли таинственный голос из зазеркалья пригласил Олю в мир «по ту сторону». Решилась. Сделала шаг - и столкнулась... со своим отражением! Точно такая же девочка привыкла повторять каждое её движение - и не посторонилась, тоже шагнула вперёд. Сбили друг

друга с ног - и рассмеялись.

- А как тебя зовут?

- Так же, как тебя, только наоборот - Яло!

Оказывается, если здесь открыть книгу, то и она распахнётся гостеприимно, словно дверь, приглашая в сказку. В прекрасный, сверкающий город среди зелёных полей!

Оказавшись в сказочном городе, «близняшки» растерялись. Пространство здесь как будто изломано бесконечными отражениями в зеркалах! Заглянули в одно из зеркал - и не поняли, почему увидели вместо себя двух скрюченных бабуль... А дальше - картина, как из учебника древней истории: худой оборванный мальчишка пытается убежать от надсмотрщика - и падает под ударами плети. Но тут же вскакивает, хватается камень и... бросает его в ближайшее зеркало.:

- Ваши зеркала врут! Хоть одним лживым зеркалом стало меньше!

И девочки ясно видят, как в другом зеркале отражается толстый мальчик с булкой в руках...

Маленький зеркальщик Гурд приговорён к смерти. Отменить приговор может только сам король - вот почему девочки нашли способ проникнуть во дворец...

Переодетые в костюмчики пажей, они охраняют королевский трон, и на них здесь обращают внимания не больше, чем на мебель.

Из разговоров, которые ведутся в тронном зале, «пажи» немало узнают о природе власти. Оказывается, сам король ничего не решает! Все решения принимают и поручают ему произнести самые богатые люди королевства. Больше того, они и сделали королём этого Топседа - именно за то, что он не имеет собственного мнения. Слишком труслив, чтобы возражать своим министрам!

А министры всерьёз задумались о том, что искривлённое восприятие мира, ложь - уже не гарантия их власти. Уже недостаточно показывать народу всё прекрасное - уродливым, и всё уродливое - прекрасным. Уже никого не обманывают сытые, нарядные, весёлые люди в этих отражениях. (Какая злая сатира на телевидение, СМИ!)

Значит, пора выпускать не зеркала, а пушки. Да и король, пожалуй, нужен другой. Поумнее, похитрее, покрасивее... А может быть, королева? Анидаг?

Девочки уже поняли, что все имена здесь надо читать наоборот, и мысленно «переводят» имя будущей королевы. «Гадина»!

Оля исполнена решимости расстроить планы высокопоставленных негодяев, и прежде всего, спасти Гурда. А вот Яло... нет, она не против, но... лень, и есть хочется, и устала, и страшно, и ключ потеряла, и вообще...

- Оля, как же это? Я думала, что правильно отражаю тебя, а ты, оказывается, лучше?!

И Оля мучительно краснеет. Всё правильно, такой она и была там, дома... Но здесь... Надо! Надо спасти Гурда!

Девочки ещё не знают, что избавление от морока, привычной лжи кривых зеркал станет спасением для всей сказочной страны, а лучшее оружие в борьбе с изолгавшимися властителями - смелый, прямой и честный взгляд. Но у Губарева всё же герои – одиночки. Те немногие жители сказочного королевства, которые решаются им помочь, боятся. Очень боятся за девочек, но ещё больше – за себя. И удивляются, как же это двум девчужкам хватает смелости?

Совсем другая картина в повести **Юрия Олеши «Три толстяка»** - там восстал народ.

Уникальная сказка, в которой нет ничего сказочного! Перечитывая её в умудрённом возрасте, можно только поражаться богатству аллюзий и ассоциаций. И бороться с желанием окончательно превратить авторский текст в политический памфлет, заменив лишь некоторые имена... Но дети ещё не «умудрены», и для них произведение, написанное по всем законам-канонам сказки, сказкой и является. И какой увлекательной!

Эту книгу с великолепными иллюстрациями мне подарили на восьмой день рождения. Очень хорошо помню изумление родителей: не могли не то что отправить меня спать, но даже накормить - не оторвать от книжки! Дочитала к трём часам ночи... А как можно было уснуть, не узнав, чем закончатся приключения бесстрашной девочки-куклы с таким славным именем - Суок? Когда судьба стольких замечательных людей зависит от её воли, выдержки, артистизма!

Вот, например, доктор Гаспар Арнери. Добрый и справедливый волшебник. Почти волшебник... С властью он ничего поделать не может. Восстание против власти подавлено, и «волшебник», словно простой смертный, может только помочь скрыться одному из вождей - гимнасту Тибуллу. А второй, организатор восстания, оружейник Просперо - в плену. Во дворце Трёх Толстяков.

Что из себя представляют правители - толстяки? О себе они предельно ясно расскажут сами:

- Я, Первый Толстяк, владею всем хлебом, который родит наша земля. Второму принадлежит весь уголь, а Третий скупил всё железо. Мы богаче всех! Самый богатый человек в стране беднее нас в сто раз. За наше золото мы можем купить всё, что хотим!

На протяжении всего повествования эти господа то жрут

в три горла целые мегатонны затейливо приготовленных блюд, то совершают моцион под наблюдением врача, чтобы хоть немного похудеть, то снова толстеют от волнения. От страха перед народом...

А народ, сколько бы ни работал на полях, на заводах, в шахтах - остаётся полуголодным. Впрочем, не все. Немало и таких, кто считает голодных - просто дураками. Разве это так трудно - выйти на сцену и прокукарекать клоунским голосом:

- Уря-я-я! Сегодня палачи наших милых розовых Трёх Толстяков отрубят головы подлым мятежникам!!!

Публика освищет? Не беда! Деньги - то уже в кармане!

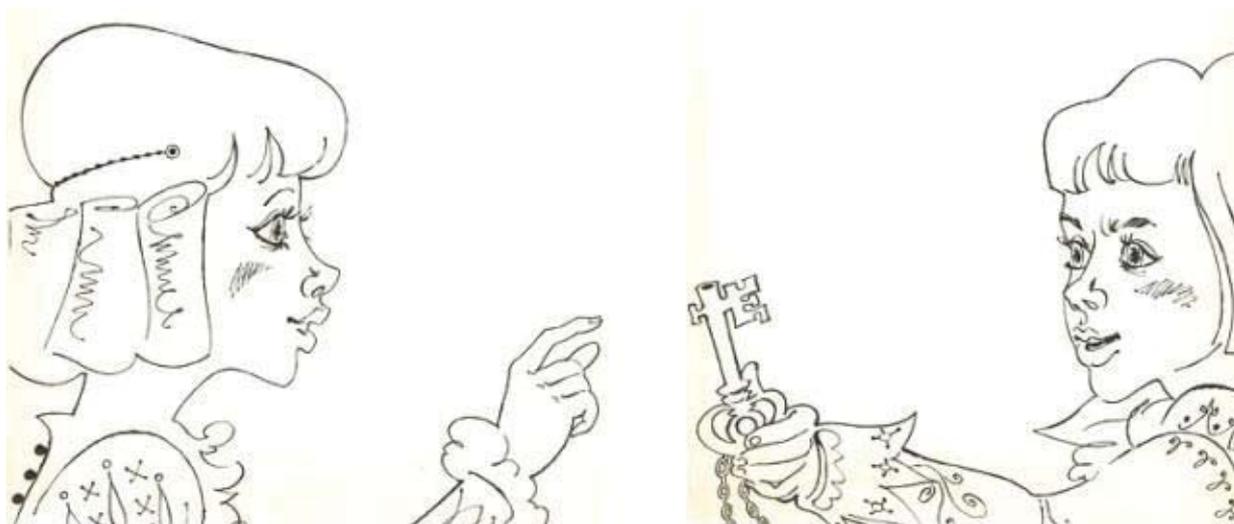
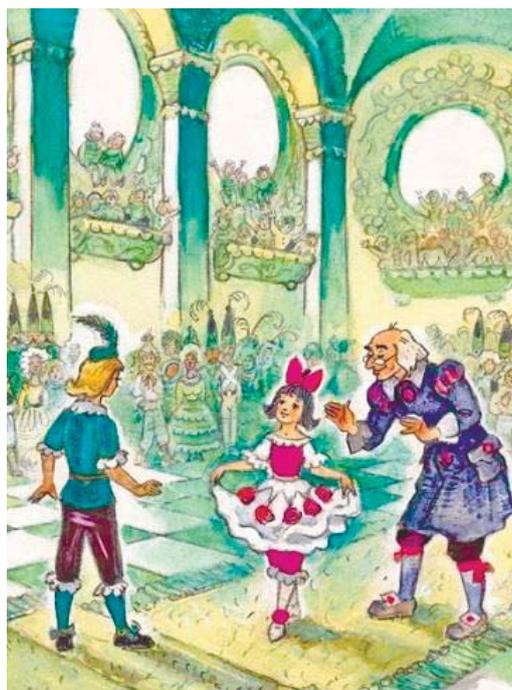
Но это - клоуны. Учитель танцев Раздватрис делает то же самое гораздо изящнее - берёт плату за десять танцев вперёд, а значит, учит «не только танцам, но и вообще красоте, изяществу и поэтическому взгляду на жизнь» только тех, кто может платить. И когда ему представится возможность погубить Суок, он будет просто счастлив! Он может оказать услугу Толстякам, поддержать власть, которая его вполне устраивает!

Расстановка сил понятна? А вот и нет! Самой большой неожиданностью оказывается Тутти, маленький наследник Трёх Толстяков, «зверёныш с железным сердцем». Мальчугану внушили, что только таким и может быть правитель, только таким он и должен быть. Среди взрослых, скучных и сплошь полубольных, Тутти выглядит этаким скучающим тираном без возраста. С детьми ему общаться запрещено, а играть - только с куклой. Чудесная кукла, но всё равно ведь - неживая, хотя и растёт, как настоящая...

Но вот, подружка - игрушка проткнута саблями взбунтовавшихся гвардейцев. Тутти в отчаянии, но ни взрослые, ни тем более он сам ещё не догадываются, что это - проснувшееся сострадание! Жалеет её, как живую...

И так ли уж плохо, что доктор Гаспар не успел починить куклу к утру? Ведь именно поэтому у Тибулла возник дерзкий план подменить куклу настоящей, живой девочкой Суок, похожей на неё, как две капли воды!

Маленькой актрисе прекрасно удалась несложная роль. И не только роль! Рядом с

ней Тутти на глазах превращается из злобного карлика в замечательного мальчишку.

А вождь восстания, оружейник Просперо, оказывается на свободе, благодаря особе, которая была у Толстяков вне подозрений - кукле! Но «кукла» схвачена, а тот единственный, кто мог бы её защитить - Тутти, погружён в искусственный сон. Должно быть, это

сделали врачи? Им-то какой интерес поддерживать Толстяков? Не думают, что мастер, сделавший чудесную куклу, погиб в тюрьме у Толстяков? Просто за то, что слишком много знал. А ведь тоже надеялся заработать...

Но если конец этой истории просто замечательный - значит, это всё - таки сказка!

И всё же...

Если только сказка вообще может быть «типичной», то типична для двадцатого века философская притча, прикинувшаяся сказкой, чтобы быть понятной всем на свете, даже детям. Вот например... Верим ли мы в привидения?

Как сказать... хотелось бы. Хотя что - то необычное и интересное под этим серым небом. Но если всерьёз - нет. Не верим...

А как же быть с историей, о которой поведал потомкам человек, совсем не склонный приврать? С необыкновенным происшествием, вдохновившим его на создание самой известной, самой любимой сказки двадцатого века? **«Маленький принц».**

Французский барон Антуан де Сент Экзюпери, который мог бы прожить жизнь... просто ещё одного барона, никак не мог выбрать между тремя профессиями - художника, писателя и лётчика. И выбрал - все три! Его темой стало близкое небо - и беззащитная Земля. И вот однажды...

Самолёт потерпел аварию в ливийской пустыне, за сотни километров от человеческого жилья. Казалось, надежды на спасение - никакой. Но вдруг перед ним появился маленький мальчик. Соткался из горячего воздуха! И сказал, что помощь близка, она придёт через два часа.

Бред?! Но спасательный самолёт действительно нашёл попавшего в беду лётчика

через два часа! А мальчик исчез... Экзюпери, однако, успел нарисовать его в своём блокноте. И в течение нескольких лет в дневниках лётчика снова и снова возникал «гость с неба» - мальчуган всматривался в Землю с облаков, словно ужасаясь тому, что творят земляне.

А в самом деле, какой должна казаться жизнь взрослых незамутнённому сознанию неглупого ребёнка? Да ещё если этот ребёнок - с другой планеты?

И родилась Сказка.

Маленький Принц жил на маленькой планетке - астероиде, любил капризную Розу, любовался восходами и закатами, слушал музыку космоса, путешествовал с перелётными птицами, дружил с Мудрым Лисом и пытался понять, отчего взрослые так несчастны? Заняты бессмысленными делами, причём заняты настолько, что некогда ни заметить красоту цветка, ни поднять глаза к звёздам, ни услышать звон родников. Люди всерьёз думают, будто от них что-то зависит, и чем больше могут положить в

сейф, тем сами себе кажутся значительнее.

Неужели взрослеть - это терять ощущение гармонии, а значит, и счастья? Тогда Фонарик и Лётчик - ещё не взрослые!

И всё же... всё же проститься с другом придётся. Однако друг не может стать «бывшим». Даже если он уходит. Навсегда. Но разве «исчезновение навсегда» и «смерть» – это не одно и то же?

Нет, если ты точно знаешь, что друг у тебя не «был», а «есть». Пусть даже где-то в чёрной бездне Космоса!

Но стремление сделать детство безоблачно счастливым привело к табуированию темы смерти. И когда этот негласный запрет осмелилась нарушить **Астрид Линдгрэн** в своей сказочной повести **«Братья Львиное Сердце»...**

Неужели эту сказку действительно можно принять за... инструкцию по самоубийству?! А ведь именно так её восприняли на родине автора. «Бабушку Астрид» вполне серьёзно пытались обвинить в том, что она спровоцировала волну подростковых самоубийств. И фильм, снятый по мотивам повести, показывали только летом. В каникулы - когда школа за детей не отвечает.

Но ведь смерть - часть жизни, и это понимают даже дети.

Крошечная квартирка в бедном квартале насквозь прокопчённого города. В единственной комнате стучит и стучит швейная машинка - мама работает. А на кухне...

Карл по прозвищу Сухарик, её полупарализованный сын, провёл на старом диванчике почти всю свою жизнь. Наверное, он думал бы, что это и есть жизнь, но... У Сухарика есть старший брат Юнатан. Он «похож на принца», этот всеобщий любимец, такой храбрый, такой добрый, такой чудесный рассказчик! Всё свободное время он рассказывает брату про школу, улицу, друзей и недругов, а по ночам держит его на руках, чтобы унять неотвязный кашель.

Но вот, Сухарик услышал то, что не должен был услышать. И спросил не маму, а брата:

- Скажи... ты знаешь, что я скоро умру?

И Юнатан не смог солгать:

- Знаю.

- Но ведь это ужасно!

- Нет, ведь ты попадёшь в Нангиялу.

И я тоже...когда-нибудь.

- Ой...а где это?

- По ту сторону звёзд.

- А что мне там делать без тебя?!

- Там время течёт по-другому. Может, тебе покажется, что меня нет всего два дня? Два дня ты будешь бегать по лесу и плескаться в реке...

- Как? Я там смогу ходить?!

- Да, там здоровы все! Только...ты там от радости не забудь обо мне, хорошо? Прилети ко мне белым голубем, пожалуйста!

А потом Юнатан погиб, спасая брата из горящего дома. Выбросился с ним из окна - и разбился. Маме с ребёнком - калекой дали квартирку не хуже прежней (куда уж хуже), и снова стук швейной машинки в комнате и обшарпанный диван в кухне. Нет только Самого главного человека в жизни. Но вдруг...В окно влетел белый голубь!

И очень скоро Сухарик проснулся в Нангияле, в Долине цветущих вишен. И увидел брата. От радости оба... свалились в речку. И поплыли. А потом побежали через лес к своему дому, окруженному садом. Здесь у них свои кролики, пчёлы, кони! Здесь простая еда и простая «средневековая» одежда, здесь воздух, которым невозможно вдоволь надышаться, и нет людей! То есть их «нет», если ты их не хочешь видеть. А если хочешь - приходи в таверну. Там они отдыхают от дневных трудов, эти доброжелательные, простые, бесхитростные люди.

Рай? Но как это не похоже на христианский рай... Да ведь это просто ЖИЗНЬ! Нормальная! Такая, какой она должна быть, но какой в двадцатом веке уже почти ни у кого не было. В двадцать первом - тем более.

Но люди и здесь остаются людьми - и вот, соседняя долина Шиповника захвачена тираном с замашками фюрера. Сам он скорее противен, чем страшен, но ему удалось приручить дракона, дремавшего в скалах миллион лет.

Что, такое зло выглядит сказочно - нестрашным? Да, это так. Но нельзя уклониться от схватки - и при этом уважать себя по-прежнему. И братья становятся героями не из любви к приключениям, а просто... если можешь, значит - должен.

Зло повержено, но Юнатан искалечен. Теперь парализован он! И Карл больше всего боится снова остаться один:

- Однажды ты бросился с высоты ради меня. Если я сделаю то же самое... - Мы попадём в Нангилиму, мы сразу увидим её огни!

- Я боюсь, но я сделаю это, и больше никогда не стану бояться, никог...

Один шаг, один последний шаг. Подняв непосильную ношу - брата, Сухарик делает шаг в бездну.

Смерти нет - есть лишь переход в другое измерение. Заманчиво... но кто же из нормальных людей попытается проверить-убедиться? Почему нам в этой сказке была совершенно ясна её мораль, такая простая и очевидная? Ведь не выбирали братья, где им будет лучше, просто они так любили друг друга, что каждый из них готов был пожертвовать ради другого жизнью.

Сколько мы проживём - это зависит не от нас. Но от нас зависит, КАК! И если жить без ЛЬВИНОГО СЕРДЦА, то... для чего? Зачем?

Дети – герои по природе, хотя бы потому, что ещё не видят, не оценивают реальной опасности. Хорошо, что опасность нередко на деле оказывается не такой уж опасной! Как в сказочной повести **Фёдора Кнорре «Капитан Крокус»**.

Похоже, сам автор не был уверен, что это он написал? Сказка это или фантастика?

В повести время и место действия - неважно. Впрочем, по некоторым приметам, это небольшая европейская страна середины двадцатого века.

Всё началось с прихода к власти диктатора. Владыка решает, что ничего неуправляемого в его государстве быть не должно. А самые неуправляемые существа - дети. Отныне дети называются «маленькие взрослые» и вести себя обязаны соответственно. А всё, что «мешает взрослению» - беспощадно уничтожается.

И вот - полыхает на площади костёр из детских книг, а дети бегают и ловят страницы, разлетающиеся, как диковинные огненные бабочки...

Вечером Мама спросит Мальчика: «Что вы делали на площади»? И он ответит: «Там было так весело! Горели книги, а мы ловили порхающие страницы и сдавали их полицейским!» Потом Мальчик уйдёт спать, но что-то заставит его вернуться. И он увидит, что мама...плачет. И поймёт, почему!

- Мама, мы действительно ловили страницы, но не сдавали. Мы их спрятали. Вот! - И принесёт целую пачку полуобгорелых страничек, - мы их соберём! Вспомним, кто что прочёл - и допишем!

И Мама счастлива, что вырастила Человека.

Но ещё более неуправляемы и ещё более беззащитны домашние животные, вот с ними - то что делать? Очучелить! Сделать из них чучела с механизмом внутри, чтобы тяфкали - мяукали по-прежнему, если уж это кому-то нужно! Это написано за полвека до появления электронных «домашних любимцев» - томагоччи... И если кого-то из современных детей такой выход устраивает, то дети в повести... готовы бунтовать, но что они могут? Кто им поможет?

Решаются помочь те взрослые, которые в душе так и остались детьми - цирковые артисты! Ведь им надо спасать и своих друзей - львов, тигров, обезьян... Клоун Коко и дрессировщик Крокус за бутылочкой домашнего вина обсуждают план действий. Кстати, вино

Звонящий пёстрый ветер наполнил залатанный парус.

у них такое, от которого «даже умные глупеют, а глупые превращаются в полных идиотов». Как же им удалось не «поглупеть»? Придумали выход простой и гениальный!

Теперь по законам жанра среди детей должен найтись предатель? Но нет, это было бы жестоко по отношению к детям. И в тайную организацию по спасению «никчёмного зверья» внедряется профессиональный сыщик... под видом ребёнка! В секретной лаборатории сделана такая «уменьшительная вода», которая может временно вернуть взрослому вид ребёнка, не изменив при этом ни его «гениальной» головы, ни его подлой душонки.

А в кабинетах власти уже вызрела новая идея - «очучелить» и детей. А что? Удобно - будут абсолютно управляемые, но при этом по-прежнему маленькие и милые...

Однако не польстил ли автор детям? Неужели ребёнок – предатель столь уж невозможен? Именно такой страшноватый вопрос поставил **Антоний Погорельский** в своей, казалось бы, незатейливой, мнимо – наивной сказке «для малышей» **«Чёрная курица или подземные жители»**.

Наверное, во все века и времена школу считали местом скучным. А если это ещё и закрытая школа, круглосуточная и круглогодичная? Если даже выйти за ворота - это уже событие, а увидеть маму и папу не приходится и мечтать - они живут так далеко...

И десятилетнего Алёшу не радует блистательный Санкт-Петербург - ведь этого великолепия он почти не видит. Родители - помещики оставили его на попечении образцовых педагогов в надежде, что сын будет прилежен и благонравен. Нет, у Алёши хорошие товарищи, и учителя к нему добры, но... всё равно хочется сбежать.

Но куда бежать, если некуда? И юный российский дворянин открывает для себя мир средневековья, мир отважных рыцарей и прекрасных дам, мир подвигов и странствий - романы! А дальше... сон ли это был или явь? Чёрная курица, которую Алёша, как храбрый рыцарь, спасает от ножа кухарки, является к нему ночью и приглашает в сказку! Только пройти надо тихо-тихо, не разбудив ни товарищей, ни гувернёров, ни рыцарей - таинственных привратников подземного королевства. И вот курица-Чернушка обернулась подземным министром!

Король подземной страны благодарен Алёше за спасение своего приближённого, и обещает исполнить любое его желание. И что же Алёша попросил?

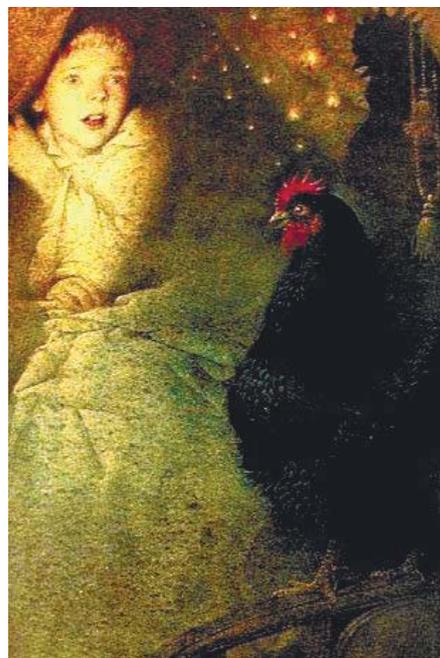
- Хочу всегда знать урок. Не уча!

Не понравилось подземным друзьям такое желание, но обещание свято... Единственное условие - Алёша никогда и никому не должен рассказывать о своих новых друзьях. Такой уж у них закон - переселяться в другие края, если о них узнают люди.

Чем-то Алёша похож на Тома Сойера - так же скучно ему за партой, так же весело в мире своих фантазий. Но вот чего Том никогда бы не сделал - никого бы не предал, ни друзей, ни даже недругов. Но ведь Алёша не знал, что он трусишка! Только учитель показал ему розгу - тут же рассказал, где был и что делал! И каяться поздно - пришлось подземному народцу сниматься с насиженных мест.

Но за что же милому мальчику так досталось от учителя? Почему товарищи ему даже не посочувствовали? И главное, почему в какой - то момент даже читатель готов ему всыпать «добавки»?

Детская повесть наводит на размышления совсем не детские. О пределах допустимого в отношениях между людьми. И о том, что шагнув за этот «предел» случайно, по недомыслию, не поздно одуматься и вернуться. Но... каждому ли это удаётся? Прочтёшь - и испугаешься: а я?! Неужели и я могу оказаться пусть невольным, но всё же - предателем?

А я?! Как бы поступил я? Вот вопрос вопросов любой сказки. Даже такой несказочной, больше похожей на «взрослый» роман, как «**Король Матиуш первый**».

Довоенная Варшава. Дом сирот.

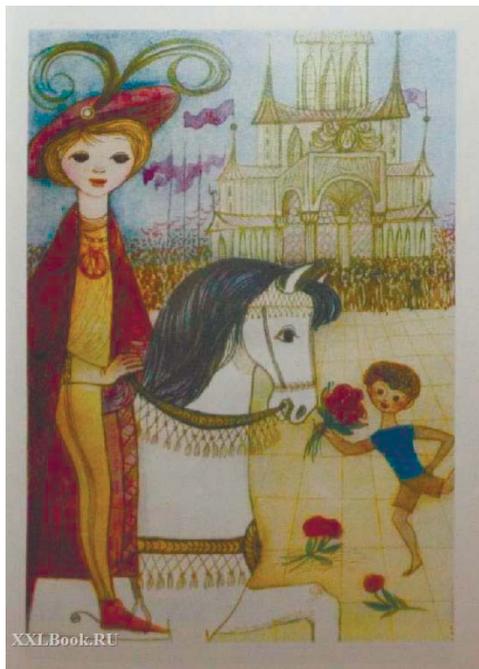
В комнату директора **Януша Корчака** имеет право прийти каждый воспитанник со своими секретнейшими проблемами. И вот на пороге появился шестилетний Матиуш:

- Почему вся жизнь такая неправильная?! Вот если бы я был королём...

- А разве быть королём легко?

- Легко. Ведь я бы только приказывал, а все бы выполняли!

Тогда умудрённый жизнью **Корчак** взял чистую толстую тетрадь и написал на первой странице «**Король Матиуш Первый**». Так родилась мудрая и грустная сказка.

Думаете, стать королём - это счастье? Но шестилетний мальчуган может получить корону только оставшись круглым сиротой! Родители умерли, и вот Матиуш в окружении людей чужих и равнодушных. Придворных. Со всех сторон льстивые речи - и полное отсутствие простора. Свободы. Золотая клетка! Большая удача - пообщаться с «простыми» детьми сквозь прутья дворцовой ограды!

Но - положение обязывает. Матиуш - мальчик добросовестный, он многое знает о славных деяниях предков и очень хочет соответствовать. Если уж быть королём - то самым лучшим! Прежде всего - обеспечить всех детей куклами, мячиками и шоколадом. Затем - подружиться с соседями-королями.

И как же короли сопредельных государств добры, милы и улыбкивы! Как бескорыстно готовы помочь неопытному «брату», отправив в его страну самых лучших советников! Странно было бы отказаться от дружеской услуги, и где уж мальчугану догадаться, что «советник» в данном случае - это шпион? Диверсант? Как понять, почему добрейшие соседи вскоре объявили ему войну?

Но не в обычаях предков было сидеть во дворце, когда тебе брошен такой вызов. И Матиуш бежит на фронт. Выглядит, как обычный сирота, прибившийся к солдатам, и изо всех сил старается приблизить победу. Маленький разведчик становится действительно ценным человеком, но вот - победа, и надо снова становиться королём...

Но не в обычаях предков было сидеть во дворце, когда тебе брошен такой вызов. И Матиуш бежит на фронт. Выглядит, как обычный сирота, прибившийся к солдатам, и изо всех сил старается приблизить победу. Маленький разведчик становится действительно ценным человеком, но вот - победа, и надо снова становиться королём...

Если так бессовестны и коварны соседи, может, поискать друзей там, куда другие и заглядывать боятся - среди африканских дикарей? И Матиуш летит на самолёте в самое сердце Африки - туда, где белых ещё не видали! Друзей найдёт, но могут ли эти друзья помочь ему править?

Наиболее дальновидные короли собирают парламент? Отлично. Но ведь дети не голосуют, кто же защитит их интересы? И вот - собран второй парламент - детский! Депутаты в нём передрались, и смогли большинством голосов принять единственный закон: «Долой девчонок и малышей!»

И тогда коварные советники поняли, что настал их час, и подсунули растерявшемуся королю планы радикальных реформ промышленности, образования, армии, флота...

Через полгода этих реформ страна осталась без промышленности, образования, армии и флота. Соседние

короли взяли её голыми руками, а народ не стал защищать своего ещё недавно любимого короля! Решили, что хуже, чем при нём, уже не будет.

Король теряет корону только вместе с головой. Матиуш это знает из истории, и не просит пощады. Но расстрел милостиво заменён ссылкой на отдалённый остров.

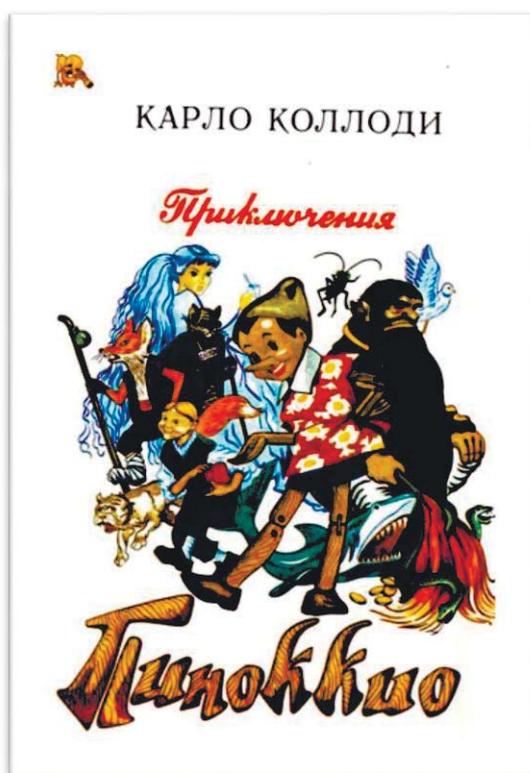
Здесь Матиуш - уже не король. Обычный подросток, только отделённый от большого мира многими милями водного пространства. Воспоминания, созерцание, размышления - это полезно, это даже помогло понять, что весь народ не может быть предателем, дело не в народе. А в ком? В нём, в короле? Но разве он не желал всем только добра?!

И Матиуш бежит с острова. Впереди множество приключений, выпадающих на долю обычного бродяжки. И стремительное взросление в водовороте настоящей жизни.

Вернёт ли Матиуш себе трон своих предков? Простит ли его народ? Посильно ли вообще для простого смертного бремя власти?

А бремя жизни? Легко ли отвечать не то, что за страну или за других людей, но хотя бы за самого себя? Недетский вопрос? Почему? Если задать его детям в доступной форме и с достаточной дозой юмора?

Найдите, как говорится, десять отличий между этими обложками...

Грозное слово «плагиат» означает «использование чужих произведений, сюжетов и образов». Но если вспомнить всех авторов, которые использовали, созданное до них... Уже не одно столетие живут «бродячие» сюжеты и «вечные» образы! И автору могут поставить в вину их использование, если у него получилось бледно и скучно. Плохо. А если хорошо? Если лучше первоисточника? В таком случае говорят о «заимствовании».

Но чаще всего получается не «лучше или хуже», а нечто совершенно иное. Новое.

Создавая своего Буратино, Алексей Толстой честно признался, что пересказывает для русских детей итальянскую сказку. Вот только слегка слукавил, что читал её очень давно и подзабыл: первые главы «Приключений Буратино» - это почти дословный пересказ «Приключений Пиночкио».

Тем интереснее проследить расхождения. Всё то, что сделало «Буратино» - классикой для дошколят, а «Пиночкио» - философской притчей.

Кто должен стать героем сказки, чтобы в сравнении с ним дошкольник почувствовал себя житейски опытным? Конечно же, кукла! С кругозором, логикой и характером избалованного дошкольника.

Алексей Толстой любит своего Буратино, справедливо считая, что опыт - дело наживное, умение ладить с окружающими - придёт, а вот характер у героя - замечательный! Ведь именно его находчивость, храбрость, верность в дружбе помогли выжить, победить злых врагов не только ему самому, но и его друзьям, таким милым и добрым - и таким житейски беспомощным!

Совсем иначе акценты расставлены в сказке Коллоди.

Прежде всего - врагов у Пиноккио нет. Сеньор Манджафоко - мастер пугать своих кукол (а как же ещё руководить капризными актёрами?), но сердце у него доброе. И помочь старому Джапетто он хочет вполне бескорыстно. Не его вина, что мальчишка не донесёт деньги до дома, а попытается их приумножить...

Всякие мелкие пакостники, вроде Кота и Лисы, встречаются, увы, на каждом шагу. Но ведь они могут тебе навредить только если ты сам им это позволишь? Значит, срочно учишься отличать друзей от недругов!

Мысль автора вырисовывается: нет у героя худшего врага, чем он сам!

А девочка-фея - это, конечно, друг. Но она сама не очень хочет дружить с лгунишкой Пиноккио...

Проходят годы. Деревянный мальчишка не замечает течения времени, почти не взрослеет. Но вот он снова встречается Фею:

- Вы были мне, как сестрёнка, а теперь - как мама?!

- Люди растут...взрослеют. А деревянные человечки остаются куклами навсегда.

- Но я хочу...СТАТЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

Вот о чём эта мудрая итальянская сказка! В ней автор, герой и читатель вместе ищут ответ на вечный вопрос: что такое Человек и как им становятся? И не продираясь через дебри философских рассуждений, а радуясь каждому ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ поступку героя. И огорчаясь его «срывами», вольными и невольными. Пересказывать - значило бы портить будущему читателю наслаждение от чтения. Но всё же - как вам такое неназойливое нравовучение?

Двоечник Фитиль хочет сбежать от всех трудностей жизни в волшебную страну, где нет школ! Как же Пиноккио не последовать за лучшим другом? А ведь шептал ему ослик с откушенным ухом: «Я тоже не хотел учиться! И ты там превратишься в осла!»

Несколько месяцев наслаждения бездельем - и неизбежное превращение. А в сравнении с ослиной жизнью школа - настоящий рай!

Пиноккио повезло избавиться от ослиной шкуры, и забыл бы он об этом приключении, но...

Какой - то осёл, заезженный непосильной работой, надорвался - и умирает. Пиноккио его, кажется, узнал:

- Ты кто?!

- Я Фи-тиль...

Стоит ли говорить, как жадно Пиноккио схватился за книжки?!

Два отпетых лентяя, Баранкин и Малинин, повторили попытку Пиноккио пожить беззаботно. Как им это удалось – узнаем из книжки **Валерия Медведева «Баранкин, будь человеком!»**

Нет, школа - это не самое лучшее место на свете... мягко говоря. Хочется выразиться и пожестче, когда в первый же день занятий получаешь «двойку», а к ней в придачу - насмешки целого класса, карикатуру в насмех сделанной стенгазете, проработку на классном часе... Праздник знаний, называется!

И вот, два друга, два двоечника, Юра Баранкин и Костя Малинин, сидят на лавочке во дворе и размышляют, как отдохнуть от этой «школы - второго дома» хотя бы остаток дня. Ведь одноклассники их ждут ещё и после обеда - озеленять родную, горячо любимую школу... А вокруг - всё великолепие догорающего лета: птицы, мотыльки, муравьи... Вот у кого жизнь беззаботная и счастливая, вот кому не читают нотаций, вот от кого ничего не требуют! Семь дней в неделе - и все воскресенья! И никто им не тычет с утра до ночи: просыпайся - одевайся - походи-принеси-отнеси-купи-подмети-помоги-выучи! Будь - будь - будь - человеком! А отдыхать когда же?!

А что если... очень-очень захотеть... Закрыть глаза, и ...

Получилось! Неважно, как. Важно, что получилось! Явились одноклассники поторопить «озеленителей» - а на скамейке два воробушка! Чирикают, смеются, чувствуют, что жизнь у них началась просто замечательная! Вот сейчас найдут овёс - и будет совсем хорошо. И когда их попытался прогнать со двора верзила - воробей, это оказалось не страшно, а даже весело - ведь он не знал приёмов человеческой борьбы. Дали подножку - он и отстал. Но вот когда Юру попыталась задрать его собственная кошка Муська - стало не до смеха... А когда сосед Венька чуть не подстрелил Юру из дальнобойной рогатки с оптическим прицелом, которую ему сам Юра и сделал? И окончательно разочаровались ребята в птичьей жизни, когда пришлось учиться строить гнездо! Жизнь бабочек оказалась ничуть не легче: Костя превратился в махаона - объект охоты коллекционеров. Еле улизнул от собственной одноклассницы, вооружённой сачком! А каким опасным оказалось соперничество с пчёлами за цветочный нектар! А перспектива проспать до весны?!

- Может, в трутней нам превратиться? Трутень ведь и называется трутнем потому, что ничего не делает? Или в муравьёв?

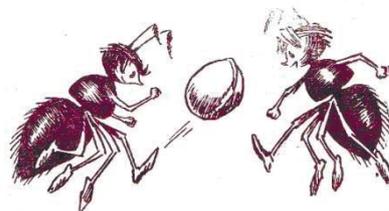
И вот уже два весёлых муравья радуются небывалой возможности играть в футбол сразу четырьмя ногами!

Но почему им вдруг стало интересно, кто из них сможет поднять соломинку подлиннее и дотащить до муравейника? Инстинкт проснулся?! Так надо ему сопротивляться изо всех сил!

Но нет, сопротивляться не получается, и вот уже два муравья ремонтируют муравейник, в котором даже не собираются жить. А маленькие чёрненькие соплеменники с любопытством слушают, что «жители во-он того большого человекника в выходной не работают», но знают: если они позволяют себе «выходной» - не отобьются от мирмиков - своих страшных здоровенных рыжих врагов!

Битва, победа мирмиков, случайное спасение двух чёрных муравьишек - страницы, исполненные настоящего драматизма.

Счастливое пробуждение двух друзей всё на той же скамейке во дворе. Счастливого несмотря на то, что завтра - снова в школу. А может, именно поэтому?!

«Я даже не знал, какое чудо - моя голова. Есть на плечах - и ладно, кепку нахлобучил - и хорошо. А теперь...теперь я знаю, что если рука - это чудо, то уж голова - самое расчудесное чудо из всех самых расчудесных чудес!»

Как весело, как ненавязчиво автор приводит маленького читателя к философским понятиям свободы и необходимости! Свобода - это осознанная необходимость... и только. А выбирать между разными «необходимостями» не дано никому, кроме человека. И школьная «двойка» - это то, что поправить совсем несложно, а вот в мире животных «двойка» - это несданный экзамен на жизнеспособность, это смерть.

Оказывается, человек - самое свободное существо на земле! А образование - это то, что отличает, всё более от-

даляет человека от животного, это то, что возвращает его человеческое начало. Значит, чем выше образование - тем его обладатель СВОБОДНЕЕ!

Юра и Костя ещё не могут этого высказать, но почувствовали они именно это, когда явились в школу и хором закричали:

- Знаете, КАК мы теперь намерены У-ЧИТЬ-СЯ?!

НЕ СКАЗКОЙ ЕДИНОЙ...

Не все дети любят сказки.

И «младшеклассники» совсем нередко заявляют, что из сказок они уже выросли! По той же причине, по которой у школьников не имеет успеха «закон Божий» - из сказки выросли, до философской притчи ещё не доросли. Эту особенность возраста учитывать необходимо, но как? «Взрослые» книги пока способны только испугать своей толщиной, даже если они вполне доступны по содержанию...

В замечательной повести **Александры Бруштейн** «Дорога уходит в даль» есть такой эпизод: к девятилетней Сашеньке приходит новый домашний учитель. Для первого знакомства предлагает: «Прочтите мне что-нибудь ваше любимое!» Девочка подходит к своей этажерке, полной книг. Любимые почти все! Но есть «самая-самая», с удивительно скучным названием: «Галерея детских портретов». Там описано детство людей из взрослых книг: Илюши и Андрея из «Обломова», Наташи и Пети из «Войны и мира», Марфеньки и Верочки из «Обрыва» и много ещё...

И Сашенька вдохновенно читает вслух про Петю Ростова, пятнадцатилетнего воина, такого светлого, доброго, наивного мальчика, который погиб в первом же своём сражении... Можно ли сомневаться в том, что «Война и мир» будет прочитана ею целиком, и очень скоро? И не «для оценки», а для себя?

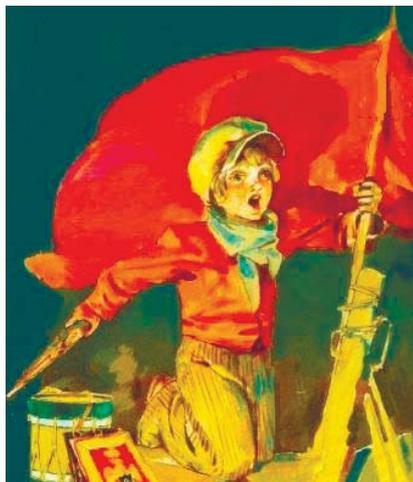
Эта традиция знакомить детей с отрывками из великих романов была жива, пока были «в моде» вечера домашнего чтения, где родители могли сделать нужные акценты, объяснить непонятное, а может быть, даже рассказать о дальнейшей судьбе героев. И книжки моего детства «Козетта», «Гаврош», «Сон Обломова», «Тёма и жучка», «В деревне» - были продолжением традиции, уходящей в прошлое.

Роман **Виктора Гюго** «Отверженные» усилиями горе-режиссёров то и дело превращается то в мелодраму, то в мюзикл. Но вот превращение отрывка из него в поэму о подлости и благородстве оказалось на редкость удачным! Из рассказа «Козетта» - тоненькой книжки с картинками мы не узнаем, что за беда случилась с мамой Козетты, не узнаем ничего и про её спасителя. Ничего, кроме главного: этот «человек ниоткуда» сыграл роль доброго волшебника. Потому, что ненавидит людей, способных так унижать ограбленного ими ребёнка. А чужого ребёнка способен полюбить...

Навсегда останется в памяти грязный придорожный трактир, его хозяйка - тётка Тенардьё, её милые-розовые дочки - Эпонины и Анзельма, помыкающие пятилетней служанкой. И служанка, готовая в мороз бежать за водой на родник, только чтобы на часок вырваться из этого ада. И на минуточку задержаться у витрины лавочки, чтобы хоть через стекло полюбоваться небесным видением - куклой!

А «Гаврош» - маленькая повесть про парижского беспризорника «выкроена» из «Отверженных» так, что о родстве персонажей юный читатель не будет и подозревать - это ему пока не нужно. Казалось, скверная тётка Тенардьё сохраняет в своей тёмной душе хоть-что то человеческое - обожает своих детей? Но Гаврош - её сын... Он родился уже после исчезновения из трактира Козетты, и после того, как родители разорились. Судьбе бывших «барышень» - Эпонины и Анзельмы, тоже не позавидуешь, но мальчик, совершенно ненужный вконец одичавшим родителям, просто выброшен на улицу! Жалко? Всякого бесприютного

ребёнка жалко, но здесь жалость очень скоро уступает место восхищению находчивостью, жизнестойкостью мальчишки, и прежде всего его деятельной добротой. Даже когда ему очень плохо, он способен оглянуться - и заметить тех, кому ещё хуже! Многие ведь видели на улице пятилетних «потеряшек», а кто подошёл и спросил, что случилось, почему они одни? Кто накормил и устроил на ночлег... внутри памятника? Беспризорник, в свои одиннадцать лет считающий себя взрослым!

И когда Париж расцветает красными знамёнами, когда поперёк узких улочек строятся баррикады под восторженные крики о свободе-равенстве-братстве, Гаврош ни на минуту не усомнится, где он должен быть и что он должен делать. «Равенство» - вот ключевое для него слово! Потому,

что за годы скитаний он убедился не раз и не два: одни голодны потому, что слишком сыты другие! Слишком!

И Гаврош тоже «отбивает атаку» королевских войск, размахивая огромным пистолетом ... со сломанным курком. Никого он не убьёт, но окажет неоценимую услугу старшим товарищам, распознав переодетого шпика. Несколько раз его пытались отослать с поручениями, чтобы уберечь, но...

Подходят к концу боеприпасы, патронов больше нет - и мальчишка, выбравшись из-за баррикады, собирает в корзину патроны из сумок убитых солдат! Ничего он не боится - ни вражьи пули, ни тем более покойников. Лишь иногда поглядывая туда, откуда раздаются выстрелы, он... поёт!

*- Я - птичка малого размера,
И это - по вине Вольтера!
Набросят на меня лассо,
И в этом виноват Руссо!*

А кто же ещё, если не просветители, «виноваты» в том, что люди почувствовали себя ЛЮДЬМИ!

Пуля обрывает его озорную песенку. Гаврош умирает не жертвой жестокого взрослого мира, а борцом. Героем.

Захочется ли после знакомства с такими отрывочками прочесть роман полностью? Вопрос, казалось бы, риторический? Но нет. Слишком многие ограничиваются очередной «экранизацией по мотивам» ...

Если из романов зарубежных авторов составители школьных хрестоматий старательно выбирали «приключения», то из русских романов - почти исключительно картины природы. Идиллические эпизоды сельской жизни. А кто же не знает, как скучно читать о природе, в которой не меняется никогда и ничего?! Вот только когда захотим вспомнить лучшие, абсолютно счастливые дни своей жизни - перед глазами неизменно встают картины природы!

И **Сергей Тимофеевич Аксаков** в своей повести «**Детские годы Багрова - внука**» поделился воспоминаниями детства. А самыми яркими из этих воспоминаний оказались картины леса, степи, пашни, бесконечной дороги... Из этих отрывков и составлена книжка для детей под названием «Первая весна в деревне».

Помнит ли кто из нас, как впервые увидел кузнечика? Как жалел ничейную собачку и умолял родителей оставить её себе? Как осторожно шагал по осеннему лесу, пытаясь услышать под слоем ярких осенних листьев хруст груздя? Услышал! Кинулся собирать, а тётушка - прямо как маленькая! - отгоняет! «Я первая нашла, мои! Ищи другие!» И ничуть это не обидно, а весело!

А как многообещающе привставал поплавок на воде, и на него пыталась сесть невестомая стрекоза!

карается отцовской поркой. Но в рассказе «Тёма и Жучка» сложные отношения маленького человека с родителями остаются «за кадром». Читатель просто проживёт вместе с Тёмой одну ночь. Вечером няня Таня скажет, что «Жучку какой-то ирод в колодец сбросил, так визжала, сердешная», - и пожелает Тёме спокойной ночи. Но уснуть мальчик даже и не пытается - он прямо-таки видит несчастную собаку, обречённую умереть в старом пересохшем колодце... Едва дождался рассвета. Тихо - тихо, чтобы ничем не скрипнуть, не хлопнуть, выбрался из дома, нашёл верёвки, фонарь...

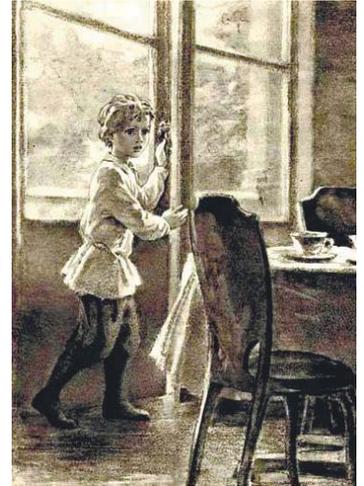
Каким страшным оказался спуск в трухлявый, вонючий колодец, грозивший обвалиться... И какой радостной встреча! Как перемазала его жучка болотной жижей! Обмотал Жучку верёвками - и начал подниматься. Вверх гораздо труднее, чем вниз! Не хватает дыхания, силы на исходе, а квадратик голубого неба вверху ещё так далеко... Собаке показалось, что хозяин её бросил... вой, переполненный настоящим горем!

И вот - Жучка спасена. Заливаясь радостным визгом, она «целует» мальчика, а у Тёмы не осталось сил даже на радость. Обморок...

Но почему надо было делать из этого поступка такую страшную тайну? Почему нельзя никого позвать на помощь? Из отрывка это непонятно. Придётся пояснить, что Тёма не знает, и даже не догадывается, как к этому отнесутся его родители! Очень может быть, что они сочтут «неприлично-недворянским» и поступок, по-настоящему благородный.

Но время услужливо стирает из памяти все неприятности, и в детской **книжке «Сон Обломова»** перед нами страна детства. Волшебная страна ничем незамутнённого счастья. Маленький герой смотрит на раскинувшийся перед ним мир взглядом, переполненным счастьем! Самое лучшее время здесь - после обеда, когда все и всё погружается в сон. И тогда барчонку кажется, что он один в целом мире... А вечером будут сказки. Няня «так искусно избегала в рассказах всего, что существует на самом деле, что воображение, проникнутое вымыслом, оставалось у него в рабстве до старости». Навсегда Илья Ильич сохранит сожаление: отчего жизнь - это жизнь, а не сказка? Труд здесь сносили, как «наказание, наложенное ещё на праотцев наших», но любить не могли. И если можно было его избежать - избегали.

Школа - это тоже труд, и если мамёнке кажется, что у ребёнка сегодня «глазки не-свежие» - посидит ребёнок недельку дома, поухаживают за ним «Васька, Ванька и Захарка».

Друг у Илюши только один - Андрюша Штольц. Такой сорванец, что за ним и не угнаться! Раз обиделся за что-то на отца - да и сбежал из дома! И что же? «Бездушный» немец и не подумал искать сына!

- Если бы обломовский мальчишка сбежал - я бы всю округу на ноги поднял! А мой - три дня побегает вокруг имения, да и вернётся!

И конечно, этот Том Сойер российского разлива нашёлся сам - ведь не бывает здесь ни долговременных обид, ни опасностей!

Кто не хотел бы пожить в этой русской Утопии?! Но что получится, если в ней вырасти?

А что получится - это читатель узнает, чуть повзрослев и сняв с полки толстый роман Гончарова «Обломов»...

Но повествованию без начала и без конца маленькие «реалисты» всё же предпочитают рассказы «о том, что вправду было». А рассказы для детей писали почти все наши «большие» писатели, находя этот жанр самым трудным, но и самым интересным, требующим особого мастерства – создать целый художественный мир всего на нескольких страничках...

Константин Станюкович был непревзойдённым мастером именно «малой формы», рассказа. К сожалению, специально для детей он писал нечасто. Только по просьбе своих внуков! И то, что было написано для девочек из далёкого уже девятнадцатого века, сегодня приобрело актуальность, совершенно неожиданную.

В школах России двадцать первого века всерьёз предлагается ввести «уроки толерантности»! А «толерантность» в буквальном переводе - это «терпимость». Повод лишний раз улыбнуться - уж очень звучит двусмысленно. Впрочем, если на этих уроках обратятся к подзабытой русской классике...

«Небось, Господь на земле всех терпит» - изрекает боцман Егорыч из рассказа Станюковича «Максимка». Всех? Но не потерпел же он капитана шхуны «Бетси», отправил «дьявола-мериканца» на съедение «акул-рыбе»? Да ведь и американцы разные - у них там «меж собой война идёт! Одни хотят дать волю арапам, а другие на это никак не согласные!»

Русские матросы на клипере «Забияка» всерьёз задумались о том, что можно терпеть и прощать, а что - нельзя, подобрав в море мальчика. Негритёнок два дня спасался на обломке мачты. Казалось бы, на море кораблекрушение и чудесное спасение - обычное дело?

Но предельно истощённый мальчишка исполосован плетью и запуган настолько, что едва решается взять еду. Мичман пытается с ним поговорить - и обнаруживает что найдёныш «нешадно коверкает два десятка английских слов» - и всё. А самое поразительное - у него... нет имени!

И матросам (вчерашним крепостным) свои собственные обиды показались просто мелочью в сравнении с ЭТИМ. Но что они могут? Просто пожалеть - подкормить, да и оставить на африканском берегу? Конечно, он теперь «вольный», ну а дальше что? Что там с ним будет среди «своих арапов»?

Но вот Лучкин, «вовсе пропавший матрос, который обошел весь свет, но ни одного города не разглядел дальше портового кабака», решительно берёт «арапчонка» под свою

опеку. Сшил ему матросский костюм и терпеливо учит русским словам. При этом жестикулирует так, что негрёнок принимает это за приглашение ... потанцевать! И отплясывает под одобрительные возгласы матросов:

- Ай, Максимка, башковитый!

Смышлёный мальчишка, ни на шаг не отходя от Лучкина, учится морской науке - помогает, где только может. И вот уже матросы совещаются - может, пусть остаётся «заместо юнга»? Один решился напомнить, что это ведь «нехристь-негра арапского звания», но на него только рукой махнули: «безо всякого рассудку болтает»!

Удивительно ли, что едва ли не первая фраза, которую вылепил Максимка по-русски: «Мой нет берег! Мой - русска матрос!»

Но вот команда отправилась на берег. Над Лучкиным посмеиваются: «Ты там Максимку не пропей!» Впервые Лучкин обиделся: «Да я, может, из-за Максимки и вовсе тверёзый вернусь!»

Впереди - долгие три года плавания. Возвращение клипера в Кронштадт. Юнга Максим Забиякин будет учиться. И отставной матрос Лучкин осуществит, наконец, свою давнишнюю

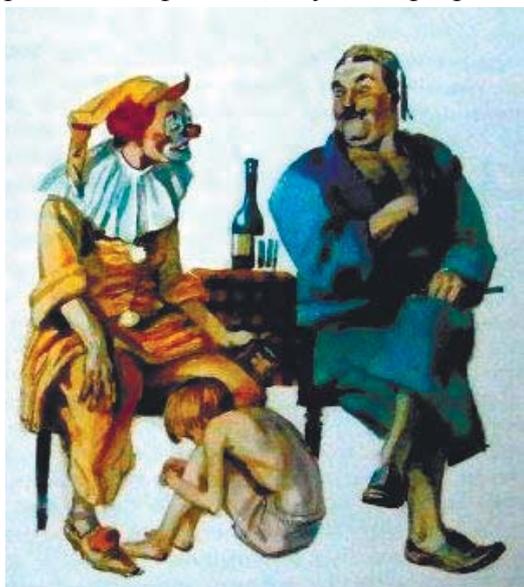
мечту: ради своего любимца он выучится пить «с рассудком, без пропою одежды»!

Простая история простого матроса, на фоне которой просто смешны рассуждения о «толерантности»!

Впрочем, дети без детства – это, увы, было всегда. Не всем везло встретить своего личного спасителя...

Тема «дети и цирк» на рубеже веков была популярна настолько, что немногим авторам удалось её «избежать». Но почему? Неужели это - последнее прибежище романтизма? Цирк неизменно предстал совершенно особенным миром людей сильных и бесстрашных не только на арене, но и в жизни. А «циркачата» - образцами совершенства, не только физического, но и нравственного.

Но Григорович, один из последних представителей «натурализма» в нашей литературе, создаёт рассказ, идущий вразрез с общественным мнением, наперекор традиции. Рас-

сказ, который сегодня многие родители и педагоги, признавая безусловной классикой, отказываются считать детским! Гуттаперчевый мальчик». Петя, сын «взбаломошной чухонки», лишился матери на пятом году от рождения. Три года кой-как перебивался по чужим углам, и наконец кухарка определила его «к делу» - сдала в цирк. Туда, где лошадь не бывает виновата, в отличие от пятнадцатилетней Мальхен, которую она сбросила... И вот, Петя поступил в распоряжение акробата Беккера. Теперь каждое его движение продиктовано только и исключительно стремлением избежать палки хозяина. А требуется от него, ни много, ни мало, исполнение акробатических трюков под куполом цирка. Причём с «улибкой», которую он физически не может изобразить! Робкий, запуганный акробат безо всякого

азарта, куража, и очевидно, без таланта. Говорить о каком - то нравственном развитии невозможно - это всего лишь забытая зверушка.

Под руководством клоуна Эдвардса Петя достиг бы большего? Возможно, но спивающийся клоун не настаивает на том, чтобы мальчика передали ему. Ничем не поможет Пете его слезливая жалость - Эдвардс и не думает взять ответственность за ребёнка на себя. Ограничивается «гостинцами», дарит щенка, которого тут же убивает одним пинком Беккер...

Но вот, афишу цирка с нарисованным на ней прелестным маленьким акробатом увидели дети князя Листомирова. О доме Листомировых, об этой семье рассказ перегружен подробностями, ни одна из которых, однако, не кажется лишней - это кладёшь для современного режиссёра! Светские родители, тётя Соня, занятая исключительно детьми и почти заменившая им родителей, английская мисс, убранство комнат и завтрак «во фраке и при галстукe потому, что это поддерживает»... Карикатура на «богатых»? Ни в коем случае. Просто дотошное описание другой жизни.

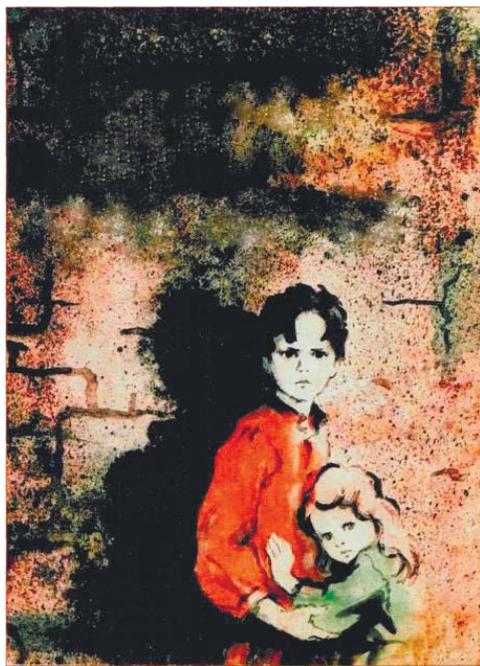

Восьмилетняя Верочка, дочь князя - ровесница Пети. Впечатлительная, и очевидно, талантливая - с четырёх лет донимает окружающих своими стихами! Это никого не радует - считается признаком болезненной «нервозности». А для Верочки - более, чем серьёзно. Когда ей объяснили, что гость с невзрачной внешностью чиновника - это Тютчев, Верочка ни за что не хотела поверить: «Я думала, такие стихи сочиняют ангелы»...

Какой могла бы быть встреча этих детей под пером писателя - романтика? Случаем проявить чуткость и доброту для Верочки? Спасением для Пети? Но перед нами - очерк нравов, физиологически точный. И Петя... сверкающей молнией срывается из-под купола цирка.

Скандал в благородном семействе! Граф взволнован настолько, что позволил себе вульгарное выражение: «Какой - то негодяй сорвался! Наши дети так нервны... Верочка теперь всю ночь спать не будет!»

А для клоуна Эдвардса смерть мальчика - повод выпить ещё графинчик водки...

А рассказ **Владимира Короленко «В дурном обществе»** вошёл в школьные хрестоматии ещё при жизни автора, но автору это совсем не польстило. Дело в том, что текст значительно сократили, подчистили и переименовали, назвав детский вариант «Дети подземелья».

Это было в традиции детской литературы 19 века: неиспорченное дитя из состоятельной семьи благодотворит своим бедным сверстникам. Подкармливает, ненавязчиво воспитывает, дарит игрушки - и ни за что не признаётся, куда и кому отдал дорогую куклу. Ведь иначе ему запретят видеться с новыми друзьями! Мало ли чему они научат...

Но автор, возмущённый редакторской правкой, уверял, что его рассказ не о стихийном детском сострадании и милосердии, вернее, не только об этом, а не больше не меньше, как о другой реальности, другой жизни, замечать которую так называемые «приличные люди» считают... неприличным. О настоящем «парал-

лельном мире».

Кем прежде был колоритный оборванец, которого все называют «пан Тыбурций»? В базарные дни он потрясает собравшихся в шинке хохлов ... речами Цицерна и Ксенофонта. По-латыни. Слушатели в восторге:

- Вот же, пёсий сын, как лается!

Кем прежде был «профессор», произносящий свои туманные речи на иностранных языках? А старуха, которую теперь называют «барыней» исключительно в насмешку? Прочтёшь такое - и вспомнишь, что сейчас у нас в стране каждый третий бомж с высшим образованием. Тогда, конечно, «высшеобразованных» было меньше, но они были. Просто эти люди проиграли схватку с беспощадной жизнью. На дне ведь не рождаются... Или всё же рождаются?

В старый замок пробирается ватага приличных мальчиков - в поисках приключений и привидений. Сами придумали опасности, сами испугались, сами сбежали, оставив среди серых камней одного Васю. Васе так страшно, он слышит голоса из подземелья! Но вот, из-под камней выбираются те, кому принадлежат эти таинственные голоса... Это дети.

Насторожённость с обеих сторон быстро улетучивается, знакомство в считанные дни перерастает в дружбу. И трудно сказать, кто на кого влияет... В сравнении с Васей его ровесник, девятилетний Валек, выглядит взрослым! Он вынужден досрочно повзрослеть, чтобы просто выжить. Да ведь ему ещё и есть, о ком заботиться - надо кормить четырёхлетнюю сестрёнку Марусю. А Вася свою сестрёнку Соню едва замечает - о ней заботятся другие. Вася жалеет себя - вообразил, что отец его не любит. Слова Валека о том, что «пан судья - лучший человек в городе» заставили Васю взглянуть на своего «нехорошего» отца другими глазами... И призадуматься, за что и почему Валек и Маруся так любят своего отца - пана Тыбурция?

Конечно, Вася никому не рассказывал о своих новых друзьях. Но даже бывая в замке каждый день, он ещё долго не понимал, что значит быть голодным, не знать, где будешь жить завтра. А уж в такую даль, как «послезавтра», детям вообще заглядывать несвойственно. Тыбурций мысленно заглядывает - и плачет...

Маруся очень больна, это понятно даже Васе.

Но Вася ещё не может понять, что девочка обречена. Просто потому, что у её отца нет денег!

Не совершила ли наша история круг, если сейчас для нас снова стали актуальными проблемы девятнадцатого века? Только не надо говорить, что они неразрешимы, что они вечные...

А если представить себе детство, в котором есть «всё – превсё»? Хватит ли фантазии? Но детские рассказы **Александра Куприна** – результат наблюдений... «Слон» - рассказ, который дети очень любят слушать - а взрослые не любят им читать. Но почему? Как удалось автору всего на нескольких страницах написать то, что дети воспринимают, как полусказку про доброго умницу - слона, а взрослые - как анекдот, как сатирическую зарисовку барского быта и нравов? Девочка «больна странной болезнью» - ей ничего не хочется! Родители уверены, что это смертельно опасно, ребёнок угасает.

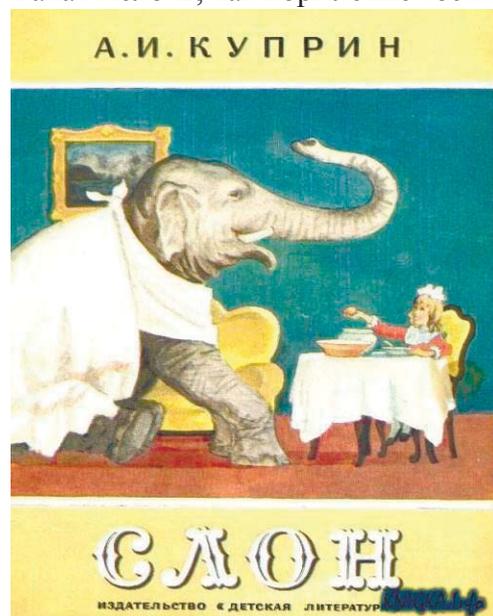
Счастливы исполнить любое её желание, но дочка только вежливо, тихонько благодарит: «Спасибо... не хочу»...

И вдруг...

- Папочка, мне стало бы лучше, если бы сюда пришёл живой слон!

И папочка делает невозможное. Чувствуя себя обязанным исполнить единственное желание дочери, «может быть, последнее в жизни», он приводит к постели «умирающей» живого слона!

При этом автор не скрывает от читателя, в какую сумму вылился подвиг любящего отца: ему пришлось оплатить неустойку - убытки от простоя цирка в течение суток, а также доставку, работу дрессировщика... И паркеты в доме надо застелить толстым слоем соломы! Такая мелочь, как кормление гостя - это действительно уже мелочь!

И вот, Надя проснулась. Увидела «гостя» - и забыла, что она больна! Потрясена размерами слона, но ничуть не испугана: ведёт с ним светскую беседу, знакомит со своими куклами, приглашает к столу... Слон в повязанной на шею салфетке восседает за столом, тянет хоботом чай со сливками из таза, аккуратно отправляет в рот по целому торт, и вдохновлённая аппетитом гостя Надя тоже ест! Прислуга толпится в дверях, потрясённая невиданным зрелищем.

А слон Томми - действительно, милейшее создание. Целый день он развлекает девочку, показывая всю свою цирковую программу. Надя немного огорчена тем, что гость не умеет говорить. Дрессировщик улыбается: «Но понимает он решительно всё»!

Лишь когда Надя уснёт, слон покинет гостеприимный дом.

Утром девочке объяснят, что Томми отправился к своим слонятам, но ждёт её с ответным визитом - в цирк! И конечно, о своей «болезни» Надя больше не вспомнит.

А почему, собственно, родители с самого начала не поверили медицинским светилам, уверявшим, что их дочь совершенно здорова? И чего, сознательно или бессознательно, добивалась здоровая девочка, когда вела себя, как тяжелобольная? И могла ли такая «болезнь» поразить ребёнка из семьи, не столь состоятельной? Если бы вокруг не было толпы взрослых, уговаривающих ...захотеть хоть что-нибудь, чтобы они смогли это немедленно исполнить? Да вот хотя бы Трилли из «Белого пуделя»: мог бы добиться большего, если бы догадался не орать, а «умирать»!

Но это уже - для размышления и обсуждения взрослого читателя с маленьким слушателем.

А недогадливый Трилли – это, пожалуй, случай ещё интереснее...

Южный берег Крыма. Буйство великолепной природы, от которого просто заходится восторгом Серёжка, маленький бродячий акробат. Его настроение передаётся и белому пуделю Артошке, а глава бродячей труппы, дедушка Лодыжкин, над ними снисходительно посмеивается...

Где-то мы уже встречали этих... или очень похожих персонажей? Старик с таинственным прошлым, живущий по чужому «пачпорту», и его неизменные спутники - мальчик и белый пудель! Ну конечно же у **Гектора Мало**. Роман «**Без семьи**». Да и **Григоревич** с его «**Гуттаперчевым мальчиком**» вспомнится, когда читателю будет предложено сравнить «труды и дни» акробатов - и будни богатой дачи под высокопарным названием «Дружба».

Если образы позаимствованы у предшественников, надо ждать неожиданного поворота сюжета. Иного авторского взгляда. Иных выводов.

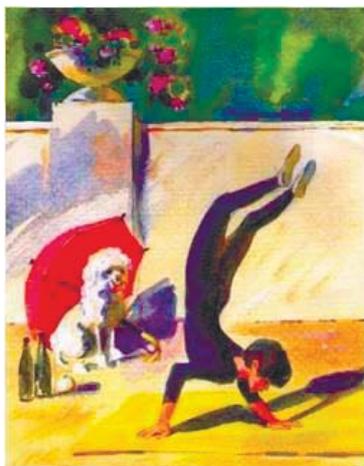
И Куприн оправдывает читательские ожидания в полной мере! Его Старик и Мальчик не похожи на наставника и ученика, они - друзья. И Арто для них - член семьи. К публике, перед которой приходится выступать, оба относятся критически, но равнодушные или откровенная жадность состоятельных зрителей не обижают. А вот хамство... Когда добрая с виду барыня заставила долго-долго ждать платы, и расплатилась... продырявленным гривенником?! С каким гневом Лодыжкин бросает на землю её «драгоценный гривенник»!

Ничего. За долгий летний день заработают на ужин и ночлег. А что «в поте лица своего» - это так и положено, даже если у некоторых тут «не лицо, а морда».

И вот на веранде богатого дома - занятная картина: мальчик в матросском костюмчике с громким визгом падает на пол и начинает лупить ногами в живот целую толпу взрослых! Тут и мама, и доктор, и бонна, и «нянька с поднянькой»... А как они вокруг него квохчут, как зацеловывают «нервного ребёнка!»

Но вот - заиграла шарманка, и под её мелодию Серёжа и Арто разыгрывают целое представление, к полному восторгу барчонка Трилли. Казалось бы, взрослые должны быть благодарны за неожиданную помощь?

Но Трилли теперь нужен белый пудель! Насовсем! Ну что ж... у него уже есть пони, яхта, почему бы и пуделя не купить?

- Сколько стоит ваша собака? - и барыня предлагает деньги, которые должны казаться Лодыжкину целым состоянием. А услышав ответ, просто не верит своим ушам:

- Собаками не торгую! Не всё продаётся, что покупается!

Артисты уходят, сопровождаемые воплями Трилли: «А-а-а! Дураки! Твари-и-и!»

Может, отличие от предшественников именно в этом? У Мало и у Григоровича богатые дети - это просто дети, имеющие необходимые условия для НОРМАЛЬНОГО развития. И в результате - нормальные! А здесь те же условия создали полного морального уродца. Почему? Кто из авторов ближе к истине? Интереснейшая тема для беседы с детьми... А чем отличается

Серёжка от Реми или Пети?

Это наглядно показала душная, светлая южная ночь, когда пропал Артошка. И пока дедушка Лодыжкин предавался тихому отчаянию, его маленький друг действовал. Ни на минутку не усомнился, где искать белого пуделя, а мысль обратиться в суд показалась просто смешной: «С богатым не судись»!

И когда на рассвете старичок Лодыжкин проснулся, он увидел свою крепко спящую «семью» - запылённого Серёжку и Артошку с обрывком верёвки на шее. Слово «семья» здесь даже хочется написать без кавычек - действительно островок любви и преданности в огромном равнодушном мире...

Однако, в иных воспалённых мозгах вызревает мысль, что не мир виноват, не человеческая природа, а просто... не повезло с родиной! Вот ведь за морем лучше нашего живут... Заблуждение вечное, как само человечество, осмеянное ещё в Библии, но снова и снова разубеждает только и исключительно собственный опыт. Иногда – жестоко, а иногда – почти забавно. Как, например, в рассказе **Короленко «Без языка»**.

Обычное украинское село, в котором все всем родня, взбудоражено чрезвычайным происшествием - пришло письмо! И не просто письмо, а из Америки! Ну и что, что адресовано оно «миссис Катерине Оглобле», интересно - то всем! И Катерина прочла его последней, когда уже всё село знало и обсуждало! Это от её мужа Осипа - он уехал за океан два года назад, и вот теперь настолько обустроился, что прислал билет жене. Ждёт.

Что знают селяне об Америке? Вроде, там земли немеряно, приезжай - сколько сможешь - хватай, палку втыкай - яблоня вырастет. Надо только решиться...

И два кузена Катерины, Матвей и Дыма, решились. Продали свои дома и землю, купили билеты... Поезд - Гамбург - океанский пароход... Уже на пароходе добродушного силача Матвея охватывают первые сомнения, и он пытается понять, что такое американская

«свобода»? Оказалось - это свобода от своей культуры, от своей веры. Пока не снимешь свитку и не отрежешь оселедец, работу не найдёшь. Но главное, не сообразили вовремя Матвей и Дыма, что в Америке все говорят совсем не по-украински. И даже не по-русски. Впрочем, Дыма уже через неделю выглядел вполне «неприлично» - настоящим американцем, сыпал обиходными английскими фразами, и заработал первые доллары тем, что «продал свой го-

лос»! Услышав такое, Матвей ахнул:

- И я бы продал, да кому такая дрянь нужна?! Оказалось, речь идёт о свободных демократических выборах...

Трагикомедия продолжается - Матвей заблудился на улице. Какой-то репортёр нарицал его для газеты, чтобы рассказать о том, каких дикарей принимает Америка...

Пришлось устроиться на ночлег на скамейке в парке. Подсел какой-то бродяга, заговорил... Не понимая ни слова, Матвей отмахнулся и уснул. Проснулся - а его собеседник висит... повесился рядом на дереве.

Матвей пытается что-то объяснить полицейскому, пытается этикетно поцеловать ему руку, но здесь о таком этикете не слыхали - и назавтра в газете появится статья о нападении дикаря на полицейского, в результате которого полицейский погиб! А последующее опровержение мелким шрифтом мало, кто прочтёт... Сбежавшаяся толпа строит всевозможные предположения, откуда этот дикарь, и как с ним договориться?! И вот женщина, которая родилась уже в Нью-Йорке, но родители её - чехи, вдруг запела колыбельную, случайно удержавшуюся в её памяти... Матвей бросился к ней - услышал родные звуки. Пусть не свой язык, но всё же славянский! А женщина бросилась бежать! Ей вдруг стало нестерпимо стыдно, что на языке родителей она не знает ничего, кроме этой песни, ни слова больше!

В конце концов, Матвею просто повезло - он встретил соотечественника, «чудного барина» Нилова, который прямо по евангельскому завету раздал бедным своё имение на Украине - да и уехал в Америку за свободой. Теперь собирается назад - не мила и свобода без Родины. Нилов помог Матвею с устройством, с хорошей работой, ввёл в круг «русских» эмигрантов - евреев...

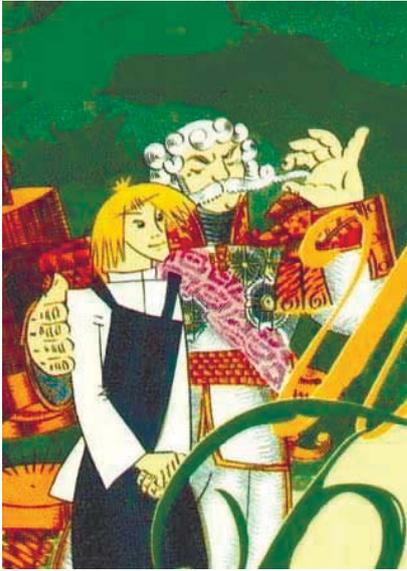
И вот Матвей женат на соотечественнице Анне, живёт и работает в русскоязычной общине, вся его «Америка» - это, в сущности, секта, говорящая на языке, всей остальной Америке неизвестном. И долго ли сохранится этот русский мирок?

«Хорошо ли, что мы здесь?» - напряжённо думает Матвей. Да, здесь легче заработать, но... почему ему то и дело вспоминается женщина из нью-йоркской толпы? Мысль о том, что их с Анной внуки не будут знать их языка, ужасает.

Двадцать первый век. Тест в популярном журнале: «Готовы ли вы к эмиграции»? Десять вопросов, один из которых звучит так: «Готовы ли вы к тому, что ваши внуки не будут знать вашего языка?»

Как важно подумать об этом ДО... Но Матвей задумался уже ПОСЛЕ.

А вот для лучшего, любимого персонажа **Николая Лескова** сама мысль об эмиграции невозможна в принципе.

«Левша»... Неужели автор выдумал этого героя? Неужели этот эпический характер можно выдумать? Кажется, Левша был всегда! Сам Лесков говорил об этом создании своей фантазии: «Везде, где я пишу «Левша», читайте - «русский народ». Какие же черты делают этот «народ» настолько узнаваемым, настолько достоверным?

...Государь Александр Павлович, страстный любитель всего иностранного, уверенный, что «у нас так не умеют», купил у англичан диковинку - стальную блоху, которая заводится ключиком и танцует!

Следующий государь, Николай Павлович, в отличие от предшественника, патриот. Он приказывает отвезти блоху в Тулу и показать оружейникам - не смогут ли они англичан превзойти? И вот - блошка подкована на подковы! - С каким же мелкоскопом вы произвели сие удивление?!

- Мы люди бедные, и по бедности своей мелкоскопа не

имеем, а у нас так глаз пристрелямши!

Самый талантливый из тульских самородков - Косой Левша, ведь он сделал «гвоздики, которыми подковки приколочены». И совсем молодой - у него ещё даже не отросли «волосы, в ученье повыдранные»!

И вот, Левша в Англии. Как жадно присматривается он ко всему новому, сколько замечает! И в отличие от государя Александра, вовсе не думает, что «у нас так не могут». У нас могут всё. Только... наука у нас вся «по Псалтыри да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем»...

А вот английская чопорность Левшу забавляет. Отдыхают, «гуляя по парочке, взяв в руки по палочке»...

Как хотели англичане оставить такого мастера у себя! Но Левша и помыслить не мог, как это - жить без отечества? Хотя в Англии ему нравилось. И больше всего «рабочее содержание» - то, что там «каждый работник о себе понятие имеет, и сыт, и тужура на нём справная». И это уже не смешно, если для русского работника справная тужура - едва ли не предел мечтаний. А уж «понятие о себе»... Цены себе Левша даже не представляет!

Закрывая книгу, хочется воскликнуть в отчаянии: «Кто виноват»?! Кто виноват в смерти Левши, неужели он сам? Да он же всего-навсего «отдохнул» по-русски: напился и случайно «расколотил затылок».

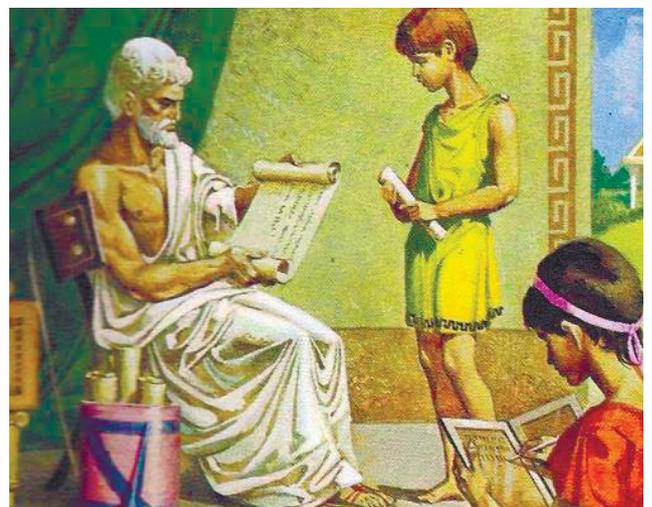
Но почему спасти его пытался только собутыльник - англичанин, а свои русские пьяницу ещё и раздели на морозе? А «секрет» о том, как чистить ружья, никто и слушать не стал - приняли за пьяный бред. Так и продолжали чистить неправильно, оттого и проиграли Крымскую кампанию...

И как быть современным «Левшам»? Уезжать туда, где предложат «содержание» лучше? Или всё-таки пробивать непробиваемую стену «в своём отечестве»?

Поразительно современны вопросы, поставленные «древними» писателями перед нами и нашими детьми. «Сказ о Фёдоре – христианине и Абраме – жидовине» тоже написан Лесковым полтора века назад, а выглядит газетным фельетоном на злобу дня! Публицистикой!

Что в этой повести сказочного? Разве что типично-сказочный приём троекратного испытания судьбы? Да ещё то, что действие перенесено в «давние-давние времена» - в третий век.

Мальчишки - всегда мальчишки! Для Фёдора и Абрама низенький забор

между их дворами не был препятствием с тех пор, как оба малыша научились ходить. Все и всегда видели этих друзей вместе! И уж конечно ни их самих, ни даже их родителей ничуть не смущало то, что Фёдор - грек, а Абрам - еврей. Так даже интереснее - праздников в два раза больше! В Песах оба хрустят румяной мацой, в Пасху - лакомятся пряниками...

И в школу пошли вместе. И сразу поняли, что их учитель Панфил - самый интересный человек на свете! Может рассказать и про дальние страны, и про другие народы, про горы и море, рыб и зверей, про травы и звёзды. И они будут знать всё - превсё, когда научатся читать!

Но не все взрослые разделяли восторг ребят. И спрошен был учитель: - Почему никогда не говоришь ученикам об истинном боге? Ведь ты христианин! - Я - христианин, но среди моих учеников не все христиане. Не должны они спорить о том, чей бог лучше! Не должен и я вносить раздор в семьи, заставляя детей сомневаться в богах родителей.

И «нерадивый» учитель был изгнан. На его место пришёл «правильный», и очень скоро в школе перессорились все со всеми. И родители сочли это нормальным - их дети должны быть тверды в вере!

Нет, Абрам и Фёдор не дрались, не ругались, но больше и не общались... много лет.

Что было дальше? Не буду рассказывать - прочтите. Насладитесь сюжетом, языком, мыслью и логикой автора, которого сегодня считают самым христианским из всех русских классиков.

В финале друзья (снова друзья!) обнялись:

- Дай бог, чтобы больше было таких людей, как ты, Абрам!

- И таких, как ты, Фёдор!

- А наш старый учитель Панфил ещё жив? Да?! Давай, откроем школу, и позовём его. Пусть учит детей, как учил нас с тобой!

Почему же в двадцать первом веке воскресла проблема, казалось, разрешённая ещё в девятнадцатом? А именно: нужен ли, уместен ли в школе Закон божий?

Лесков, Ушинский, Лев Толстой - люди глубоко верующие, убеждённые в благом влиянии религии на нравственность, тем не менее не сомневались в том, что школа должна быть территорией «безрелигиозной». Потому, что цель у школы другая - а именно, давать знания. И нельзя ставить ученика перед выбором - верить или знать! И без собственного мнения по этому вопросу теперь никак не обойтись. Читаем... Думаем...

Но что за метаморфоза происходит с сознанием пятиклассника? Почему и «фантазёры» и «реалисты» проявляют полное единодушие в любви к эпосу? Одно время педагогов это даже пугало, пытались не задерживаться на параграфах учебника истории, посвящённых религии. Как будто всерьёз боялись возвращения к языческим верованиям! Недооценивали умственные способности своих подопечных? Или видели в мифах совсем не то, что видят дети?

Так или иначе, но книга **Веры Смирновой «Герои Эллады»** - одна из любимейших уже у нескольких поколений!

Невероятная страна, фантастический мир, в котором наряду со смертными людьми живут, ссорятся, мирятся и развлекаются бессмертные боги. А ещё кентавры, гарпии, сирены, тритоны, циклопы, титаны, нимфы, nereиды... Это не Греция, это - Эллада.

Какая разница? Такая же, как между Россией и Русью, в которой только, бывало, выйди за околицу - повстречаешься с Соловьём-разбойником, Идолищем поганым, Бабой ягой...

Казалось бы - люди должны быть игрушками в руках игроков, столь могущественных? Но нет, в том и есть непреходящая ценность греческого мифа, что человек в нём наделён свободой выбора - и мужеством выбирать. За таких людей, как Тесей или Геракл, готовы соперничать сами боги!

Вот Ясон призывает героев отправиться с ним в далёкую Колхиду за волшебным Золотым руном, которое принесёт Афинам величие. И невиданный корабль Арго несёт лучших мужей Эллады через пустынное, страшное море... Всё, решительно всё было в жизни Ясона - приключения, борьба, победы, любовь прекрасной волшебницы Медеи, чудесные дети и царская власть... Где же, в какой момент он позволил себе забыть, что он - всего лишь смертный? Почему и о нём предпочли забыть те, кто его знал? Почему, такой страшной, такой одинокой оказалась старость героя?

Пытаясь хотя бы мысленно перенестись в те времена, когда он был первым среди равных, Ясон находит рассыпающийся на берегу корабль - и гибнет под обломками легендарного Арго...

Вот в чём разница между собственно мифом - и произведением, созданным на его основе, будь то роман или пьеса, фильм или сказка. В древнем мифе все повороты судьбы героя, все его несчастья объясняются волей рока, в то время как авторы ищут - и находят объяснение в поступках самого персонажа. Моральный аспект - вот то, чего не было в мифе, и то, без чего теряет ценность «пересказ».

Прометей, терзаемый орлом, не может просить пощады, не может каяться в том, что сделал людей разумными, почти равными богам. Восхищаемся.

Но как тут же не подумать о поведении его друга Гефеста? Ведь это он приковал Прометея к скале - боялся ослушаться Зевса! В пьесе Эсхила к Прометею приходят Гефест и Гея, его мать, и оба умоляют покаяться, чтобы прекратились его мучения. От Гефеста Прометей отвернулся с презрением, а Гею спросил: «Разве лучше тебе быть матерью труса?» И богиня удалилась в скорбном молчании...

А славнейший из героев Афин Тесей, воспитанный мудрым кентавром, стал победителем многих разбойников - и каждого из них казнил той смертью, какой они сами убивали людей. Являть милосердие к негодяям - бесчеловечно по отношению к их жертвам! Вероятно, именно поэтому соотечественники доверили юному герою сразиться со страшным чудовищем - Минотавром, пожирившим афинских юношей и девушек. И здесь Тесей победил - освободил Афины от страшной дани! Попробуй догадаться, читатель, что было, а чего не было на самом деле, если Тесей - действительно, один из первых известных нам афинских царей. Это в его правление Акрополь был обнесён мощными стенами, превращён в неприступную крепость.

Дедал и Икар бегут с Крита, где они жили на положении пленников, бросая вызов жестокому царю. Но ведь царь - всего лишь человек, а понимают ли беглецы, что своим полётом нарушили волю богов? Стоило ли, если это - гибель, почти неизбежная? Вопрос о цене прогресса, однозначного ответа на который у нас сегодня нет. А у греков - был! То, что ты достоин называться Человеком, - приходится доказывать и людям, и богам, и самому себе! Не можешь? Боишься? Тогда какой же ты человек...

Но быть может самая острая нравственная коллизия - в цикле «Подвиги Геракла», в рассказе «Геракл у Адмета». Сам Геракл почти безупречен, но при этом вполне симпатичен: ведь он - богочеловек. Совершенен, как божество, но и люди ему не чужие, это для них Геракл очищает землю от чудовищ. А вот его друг Адмет... Он точно знает дату своей смерти, но боги ему предложили найти того, кто согласится умереть вместо него. Тогда Адмет будет жить долго и счастливо.

И вот Адмет ищет человека, самого несчастного - такого, у кого нет причин дорожить жизнью. Несчастливых немало, но к жизни привязан каждый! Решатся ли пожертвовать собой те, кто любит Адмета, его родители? «Что, если бы ты могла умереть вместо меня?» - спрашивает Адмет у матери, и она отвечает, что даже мысль о добровольной смерти - безумна. Ведь «туда» всё равно когда-нибудь попадём, а «сюда» никогда не вернёмся!

Тогда Адмет прямо говорит отцу, что тот может умереть вместо него. Не хочет?! «Как же ты себялюбив, отец! Цепляться за жизнь в твои годы!»

- Себялюбив? Не более, чем ты, дитя! Кто тебе сказал, что в мои годы жизнь менее драгоценна?

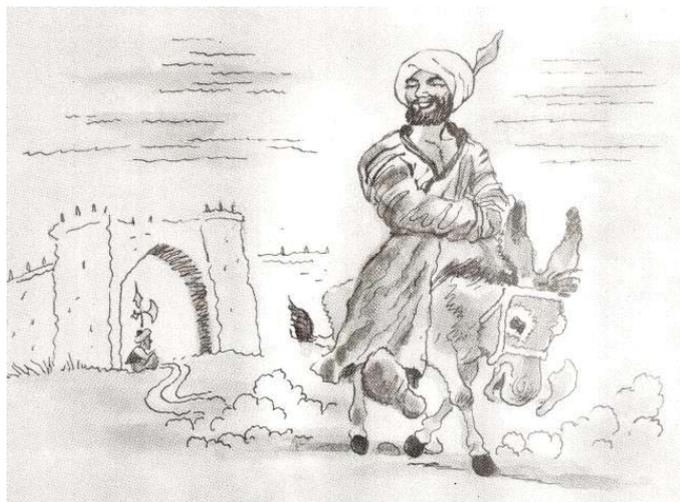
Но вот вместо Адмета решается умереть его юная жена Алкеста. Как ни страдает Адмет, но не находит в себе сил её остановить...

История закончилась по-сказочному хорошо, как раз вовремя появился Геракл и победил самого демона смерти Танатоса - так хотелось ему спасти Алкесту. Потому, что нечасто приходится встречать людей, таких любящих и таких отважных. А вот как расценить поведение Адмета?

Но Геракл не берётся судить друга - он, полубог, привык к тому, что люди - слабы... Разве может он, бессмертный, осуждать смертных?

Однако книжка «Герои Эллады» вовсе не перегружена морализаторством! Поставленные в ней вопросы заинтересуют подростка, а маленький читатель может их и не заметить. Просто непременно увлечётся чудесными сказаниями молодого, прекрасного народа, жившего на юной земле.

А если есть на свете «эпос», одинаково любимый родителями и детьми, то это, конечно, книга **Леонида Соловьёва «Повесть о Ходже Насреддине»**. Пусть это не дословная запись народных сказаний, а действительно повесть, написанная сильно «по мотивам»,

зато... зато это средство мгновенно поправить самое скверное настроение. Стоит только открыть книгу про Насреддина. На любой странице!

«О, невежда, сын, внук и правнук невежды, достойный лишь погонять ослов!..»

«А теперь повесь свои уши на гвоздь внимания»...

«Судья имел привычку щурить один глаз: правый - при ожидании мзды, левый - по взятии».

Цитировать можно бесконечно! И всех этих надутых спесью правителей,

лжеучёных, судей-взяточников и хищников - ростовщиков умеет высмеять, низвергнуть, смешать с грязью тот, кого в Багдаде и Тегеране, в Стамбуле и Бухаре звали одним именем - Ходжа Насреддин! Одни произносили это имя с ненавистью, другие - с любовью и восхищением. О нём говорили: «Он везде-и нигде! Он появляется, где захочет, и исчезает, когда захочет, наш несравненный!»

«Исчезать» ему было нетрудно - внешность его была столь обыкновенна, что ему ничего не стоило скрыться в толпе. А появлялся он всегда для того, чтобы хлётко высмеять глупца или жадину, наказать всеобщим презрением доносчика, выманить у грабителя

награбленное добро и вернуть обиженным, избавить людей от чиновника - кровопийцы... Умом это был большой плут, сердцем же - чистый праведник.

Кто посмеет обвинить Насреддина во лжи, когда он, присвоив чужую чалму, чужой халат и чужое имя, является во дворец эмира Бухарского? Ведь эмир запер в свой гарем его невесту, его звёздочку Гюльджан!

Кажется, разоблачение неизбежно – ведь буквально следом в тронном зале появляется сам хозяин чалмы, халата и имени – Гусейн Гуслия, мудрец и звёздочёт из Багдада... Но Насреддин не теряется – он знает: в спорах побеждает тот, у кого лучше подвешен язык! И вот – звёздочёт под замком, а Насреддин – в роли первого придворного мудреца. И изо дня в день объясняет он, что звёзды расположились неблагоприятно, прямо-таки угрожающе для носящих корону! Эмир, светоч вселенной, не должен позволить вселенной осиротеть. Да не рискнёт он собирать налоги, казнить преступников или входить в гарем, пока звезда Сад-ад-Забих не покинет созвездие Водолея! Звёзды сменили гнев на милость лишь тогда, когда прекрасная Гюльджан исчезла из дворца!

Грозный шутник, благородный пройдоха Насреддин - тот, о ком написано столько книг, снято столько фильмов! В книге «Двадцать три Насреддина», например, собраны рассказы о нём, сочинённые... двадцатью тремя народами! Двадцать два мусульманских и один христианский - болгары, жившие «под турками» 600 лет.

Казалось бы, если ненавистны завоеватели - то и сказания завоевателей будут отвергаться сознанием? Но с Насреддином этого не произошло - столь велико, столь непобедимо его обаяние, что любимец Востока стал героем и Болгарии! И сегодня о нём повторяют старинные рассказы и сказки, и сочиняют новые. Ведь и «народ» всё такой же бесконечно терпеливый, и всё так же мечтает о Герое...

И книга Соловьёва - о вечных человеческих ценностях, о Человеке на все времена, - для любого возраста, для любой страны, для любого народа.

ДЕТЯМ О ВЕЛИКОЙ ВОЙНЕ.

В каждом столетии была своя Великая война. И в каждой войне были таланты и бездари, трусы и храбрецы, победители и побеждённые, мёртвые и живые.

Стоит ли рассказывать о войне тем, кто её не видел, детям? Так вопрос даже не ставился никогда. Но вот о чём рассказывать, о ком и как? Лев Толстой проводил открытый урок, посвящённый войне 1812 года. Восторг сопричастности - вот что читалось в глазах его учеников. Яснополянские дети ещё помнили, кем были в той войне их личные предки! Помнили и гордились. После урока молодой учитель позволил себе заметить, что «всё было не совсем так». И великий писатель ответил, что ЛЮБИТЬ ребёнок обязан научиться раньше, чем ЗНАТЬ. Только тогда он вырастет представителем своего народа.

Предвижу возмущение читателя - либерала: «Воспитывать на вранье?!»

Но позвольте! Будь подвиги «враньём», никакой Победы бы не было. Или кто-то сомневается в том, что она была?

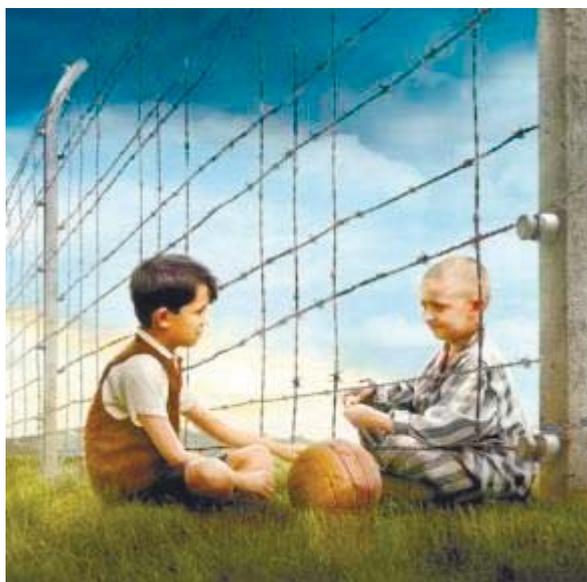
И говорить «о героизме» надо именно с младшими школьниками, не дожидаясь, пока они станут подростками и неизбежно начнут подвергать беспощадной ревизии ценности родителей. Ведь общество может предложить им совсем другие ценности - другого народа, другой цивилизации. Пустота всё равно будет заполнена, но уже совсем не тем, чем хотелось бы нам, представителям Русского мира.

Всё, что было до нашего рождения, для нас - история. Даже если нам совсем немного лет, и эти события не успели стать «историей» для наших родителей! Когда - то Гайдар начал свою сказку о Гражданской войне словами: «В те давние - давние годы»... А «давние годы» отгремели всего 10 лет назад! Но автор знал, что это - целая эпоха для его десятилетних читателей!

И Великая Отечественная стала для детей мифом, героическим и прекрасным, едва ли не с момента её окончания. А когда и как война становится историческим мифом для целого народа? Когда из факта жизни родителей или «прародителей» она превращается в легенду? Принято считать, что лет через триста, но Отечественная война из национальной трагедии превратилась в повод для национальной гордости, в легенду, сказку, песню ещё при жизни её участников! И если в русских семьях ещё могут сохраняться «живые» воспоминания, то в Ирландии, например, «Вторая мировая» - это уже почти как «Столетняя»...

Повесть ирландского писателя Джона Бойна «Мальчик в полосатой пижаме», написанная в 2006 году, переведена на 30 языков, экранизирована. Книжка о войне для десятилетних читателей оказалась неожиданно востребованной. А ведь она написана по канонам сказки: смоделирована ситуация неправдоподобная, но развитие её абсолютно логично.

Освенцим. Даже в эпоху всеобщей беспамятности непросто найти человека, кото-

рому ничего не говорит это название. Не просто концлагерь - образцовая фабрика смерти, где с немецкой педантичностью уничтожено и «утилизировано» четыре миллиона человек. Нам сложно себе представить, что у палачей тоже были дети. И эти дети любили своих отцов, и очень хотели ими гордиться! Восемилетний Бруно - сын коменданта Освенцима. Он верит, что отец день и ночь работает ради счастья фатерлянда, но ему интересно, просто интересно - в чём заключается эта работа? Там, откуда доносится жуткий запах чёрного дыма?

Ему запрещают даже смотреть в сторону «фермы, обтянутой проволокой», но Бруно, конечно же, отправляется туда на разведку. И знакомится со Шмулем - своим ровесником из другого мира. Из концлагеря.

Это знакомство - единственное фантастическое допущение в повествовании: система охраны Освенцима была построена так, чтобы исключить всякую возможность общения с местным населением. Но об этом забываешь - настолько драматична история дружбы - предательства - прощения... И когда Бруно решается проползти под колючей проволокой к своему другу, да ещё для конспирации переодеться в «полосатую пижаму», финал становится абсолютно неотвратимым! Дети погибнут в одной газовой камере. И в печи образцовой конструкции будут «утилизированны». Обращены в пепел.

Это - больше, чем рассказ, это уже эпос. Несмотря на конкретные «обстоятельства места и времени». Потому, что это - не о войне, а о непреложном законе равновесия, справедливости, о неотвратимости возмездия.

Ещё более наглядное превращение факта в легенду - японский мультфильм «Первый отряд», который и зрители, и критика дружно бранят с момента его выхода на экран. Во многом - заслуженно. Как же это японцы взялись снимать фильм о пионерах - героях, имея познания о Советском Союзе на уровне ушанок - балалаек? Почему, дав ребятам исторические имена, нарисовали их стандартными «анимашками», а не с фотографий? Уместна ли вообще фантастика о войне?

НО... Как же не увидеть в этом фильме несомненных достоинств? Абсолютное уважение к противнику, например. Японцы вообще пытаются забыть, на чьей они были стороне - им стыдно... А главное - то, что касается нашей темы - война здесь показана схваткой космического масштаба между Силами Света и Силами Мрака. И когда Силы Мрака обратились за помощью к предкам, Силам Света осталось лишь сделать то же самое...

Воюют и живые, и мёртвые.

Отрадно, что потомкам самураев понятна психология детей, для которых человеческая (читай, своя собственная) жизнь не была самой высшей ценностью. А то бы не схватились за оружие.

Две установки, прямо противоположные! Дети – солдаты и дети – жертвы. И если сегодня как в кино, так и в литературе принято плакать над жертвами, то ещё совсем недавно мы росли на других образцах. Восхищаясь героями. Цитируя Суворова: «Возьми себе в образец героя, следуй за ним, догони, обгони – слава тебе!»

Чем, собственно, отличается «детская» проза о войне от «взрослой»? Только тем, что её героям так немного лет. А круг тем абсолютно тот же: героизм - трусость - предательство - великодушие - любовь - ненависть. Фронт - тыл - партизанский отряд - блокада - оккупация... И кто скажет, где страшнее, где труднее?

По словам тех, кто помнит, хуже всего - оккупация. Ведь это не только предельно унижительное, голодное существование, это ещё и неизвестность! «Что там, где она, Россия, по какой рубеж своя?»

Но если Россия хоть где-то, да своя, а значит, надежда есть, как же это было в маленьких странах Европы?

Повесть греческой писательницы Альки Зеи «Петрос идёт по городу» - о детях, которым удалось просто сохранить достоинство. Остаться греками. Такими, чтобы не было стыдно перед самими собой и предками. При чём тут предки? А вот такой это удивительный

народ, который ещё до нашей эры создал европейскую цивилизацию. Всю! «Придумал» всё - от философии до демократии, а потом... потом отдыхал. Две тысячи лет. И дети 1940 года оказались воспитаны на Гомере, Эсхиле, Софокле. В полной уверенности, что их народ непобедим, в убеждении, что «главное - не сила и не оружие, ибо если в сердце война нет мужества, не помогут ему ни сила его, ни оружие». В преддверии «войны моторов»!

Десятилетний Петрос, его сестра Антигона, их друзья - одноклассники ликуют, когда отбита первая атака фашистов - итальянцев! Но за ними идут немцы...

И тут начинается что-то совсем непонятное: многие их встречают с восторгом. Детям здоровый инстинкт подсказывает, что это - чужаки, враги, а взрослые убеждают себя, что Греция вступает в цивилизованную Европу!

А потом - полная безработица. Голод. Дедушка, заgrimировавшись, чтобы его не узнали, пытается побираться. И прекращает попытки, догадываясь, что внуки его выследили. Бабушка умирает от голода - хоронить не на что. И внуки несут её невесомое тело на кладбище в сумерках... вертикально. Будто гуляют с бабушкой. «Кто из вас сегодня ел?» - спрашивает учитель, и из всего класса поднимают руки только три «барышни» - дочери пекаря, хлебного спекулянта. Он озолотился, продавая булки по золотому! Это - не целенаправленное уничтожение народа, нет. Немцам греки просто безразличны! Лишние. Пусть вымирают.

Но умирать с тоскливым голодным воем, просить у врага?!

И Петрос находит выход, как ему кажется, гораздо более достойный: по ночам он обходит город и пишет на стенах: «Бесплатные обеды - в школы!» Немцы всерьёз подозревают, что за этим стоит какая-то организация... Может, и в самом деле не раздражать население, пока не перешли от требований к террору? И вот, в школу приезжает полевая кухня. Немка разливает суп греческим дистрофикам в миски. Дети несут эти мисочки своим семьям - они помнят о старших и младших! Самое страшное - что никакой помощи эти дети уже не ждали. И взрослые - то были уверены, что Третий рейх - он уже везде. И навсегда.

Невозможно сравнивать, кому и при каких обстоятельствах легче умирать от голода. Но всё же... Рассказ Николая Богданова «Бессмертный горнист» - это о ленинградских ровесниках Петроса. Для них победа неизбежна так же, как утренний восход солнца. Надо только дожить - а как раз дожить на блокадном пайке очень трудно. И всё же...

«Есть надо обязательно сидя за столом. И чтобы стол был накрыт: тарелки, ложки, вилки, все, как полагается. Чтобы фашисты не чванились, будто они загнали нас в пещерный век, заставили потерять человеческий облик.» Ритуал почти без содержания. Просто пощёчина врагу.

Алёша, наверное, уже и не просыпался бы, но каждый день ему напоминает о будущей победе сигнал пионерского горна. Он узнаёт звук именно этого горна - своего. Ещё недавно он сам обходил свой район и будил всех, кто может проснуться. Это - как мысленная переключка: «Мы живы!» И какой же он молодец, этот мальчишка из пригорода, которому Алёша передал свой горн! А мама точит снаряды на заводе, а старенький сосед тушит зажигалки на крыше. Потом топит печку... книгами. Чуть не плачет, и при этом что-то шепчет. Алёша расслышал:

- Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...

Сосед Антон Петрович отдаст Алёше свои хлебные карточки и уйдёт. Навсегда. Скажет, что к родне в пригород... Быть может, это благодаря ему с первым теплом Алёша сможет выйти во двор и увидеть горниста?! Но... его горн окажется в руках совсем незнакомого мальчишка!

- А где же Вася из пригорода?
 - Не знаю. Мне передал горн мальчик из нашего класса.
 - А ему?!
 - Девочка из дома напротив.
- Как оказывается прост секрет «бессмертия»!

Повесть **Валентина Катаева**, ещё недавно входившая во все хрестоматии для начальной школы - «**Сын полка**». Герой уверяет, что ему двенадцать, хотя с виду «и девяти не дашь». Как раз для десятилетних читателей!

В осеннем лесу разведчики услышали ... что услышали - они и сами не поняли. Но ЭТО в яме, полузасыпанной ветками. Заглянули. Мальчонка! Только что спал, но почувствовав чей - то взгляд, вскочил и выхватил заточку! Одичавший «маугли»? Но при нём букварь...

- А это зачем?
- Чтобы грамоте не разучиться!

Едва поверив, что попал, наконец, к своим, Ваня рассказывает: отец погиб на фронте, маму убили немцы - не отдавала корову. И тогда он решился уйти к своим. Пешком. Через фронт. Был уверен, что когда-нибудь, да дойдёт. И вот - прячется в лесах, лишь изредка выходя к людям. Уже почти два года! Палатка разведчиков ему кажется раем. Картошка с тушёнкой... Ваня поднимает извиняющийся взгляд - он понимает, что ест «неэтикетно», он ещё помнит, как надо, но... ведь невозможно же оторваться! Добрые великаны Биденко и Горбунов готовы оставить найдёныша у себя, но капитан Енакиев категоричен - только в город, только в Суворовское училище.

А дальше - смех и грех, как пригодятся Ване его лесные навыки! Ведь сбежит, и сбежит так, что сам Биденко, гений разведки, нескоро заметит. А когда наконец хватится - не поймает! «Пастушок» найдёт обидчика, «Енакиева-капитана», и убедит... Счастливая у него способность - нравиться людям с первого взгляда!

Повесть замечательна тем, что в ней нет ни эпохальных битв, ни особо громких подвигов. Это в полном смысле будни войны. Где совершенно очевидно, кто чего стоит. Ведь ни на минуту не пожалели разведчики, а потом и артиллеристы, что приняли на довольствие такого вот бойца. Даже тогда, когда он устроил самовольную разведку - и попался. Немцам. Ничего враги от Пастушка не узнали! А спасло его начавшееся наступление - удирая в панике, немцы просто забыли про маленького пленника.

И вот... когда чего-то ждёшь слишком долго, это происходит неожиданно. Пожилой наводчик орудия Ковалёв говорит Ване:

- Во-он за тем холмом - Германия.
- Та самая?! Дайте мне пальнуть по этой Германии!!!

А город и Суворовское училище всё-таки будут. После гибели капитана Енакиева. Так хотел усыновить Ваню - и не успел.

Ваня поднимается по широкой лестнице училища, а наверху - огромная картина. И тот, кто на картине, словно протягивает к нему руку, приглашая - к новым подвигам. К славе. В более поздних изданиях это Суворов, в более ранних - Сталин.

Не выглядит ли такая судьба редкостно - благополучной? Приглаженной специально для маленького читателя? Нет, в этом писателя упрекнуть нельзя, его книга - практически, документ, его знакомство с разведчиком Ваней Солнцевым было личным. И «додуманы» в повести только Ванины погибшие родители - на самом деле родителей он не помнил. Вырос в детском доме. И когда детдом эвакуировали на Урал, десятилетний воспитанник Солнцев решил догнать родную Красную армию сам. А ещё писатель не знал, что «Солнцев» - это фамилия, придуманная воспитателями в детском доме. От прозвища «Солнышко»! И вправду было что - то солнечное в этом парнишке по имени Исаак. А «Ваней» его прозвали уже на фронте. Он не возражал.

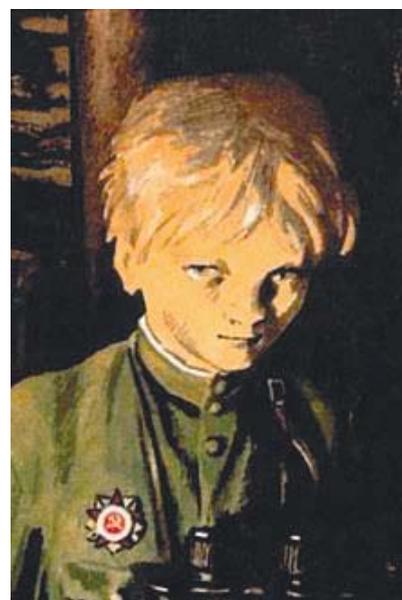
Уже после того, как повесть вышла в свет, Катаев узнал, что Ваня... всё-таки сбежал из училища снова на фронт! Война для него закончилась в Германии, и закончилась тяжёлым ранением в голову. Осколок остался на всю жизнь, а жизнь оказалась долгой. 75 лет.

А вот повесть **Владимира Богомолова «Иван»** - явная полемика с Катаевым, написанная словно бы даже в пику его «Сыну полка». Но почему? Ведь и здесь главный герой - двенадцатилетний разведчик. Иван.

...Предзимье. Погода... какая может быть погода в это гнусное время? Ветер, дожди, заморозки и полная невозможность форсировать Днепр. И вот - среди ночи в штаб к связисту Гальцеву доставлен мальчишка, промокший и замёрзший. Он не испуган, не смущён, он требует, именно требует, чтобы о нём доложили подполковнику. Раздражает связиста, совершенно неспособного поверить, что перед ним важная птица. Но подполковник Грязнов услышав, что вернулся Бондарев, не скрывает радости - разведчик с другой стороны Днепра! Форсировал в одиночку на бревне. Ночью. При температуре воды +5.

Прежде всего, Иван пишет донесение о результатах разведки. Потом обстоятельно моется, не принимая предложенной помощи - обижен недоверием. Садится есть. Гальцев наблюдает за неожиданным гостем и отмечает про себя, что дети так себя не ведут, они хоть в чём-нибудь, да дети. Ну вот ел бы голодный мальчишка увлечённо. А тут... поковырял вилкой, как будто для порядка - и всё. И не бывает ребёнка, глаза которого не посветлели бы при виде шоколадных конфет - угощения, в войну почти небывалого. А тут - никакой реакции. Лёг спать. Проснувшись, первым делом спросил: не разговаривал ли во сне? А то - нервы...

Не сразу, совсем не сразу читатель узнаёт, отчего «нервы». Все, кто был дорог мальчишке, погибли в лагере смерти. Отец, мама, сестрёнка... И теперь его жизнь ценна для него лишь постольку, поскольку он может убивать. Тех, кто не имеет права называться людьми, тех, кто не должен ходить по земле. Правда, когда остаётся один, он играет. Но ведь и играет в войну, репетируя, продумывая всё новые и новые способы мести. И пусть «они» никогда не узнают, кому обязаны взрывами мостов, складов, аэродрома, благодаря кому спущен под откос очередной эшелон. При обманчивой внешности ребёнка, Иван - стальной клинок, орудие мщения. Разведчик. «Идеальная маска».

Так вот, в чём кардинальное расхождение с Катаевым! «Сын полка» сумел остаться ребёнком. Ваня нужен разведчикам, а потом и артиллеристам именно как ребёнок, как воспоминание о доме, о своих детях, как счастливый талисман! Как они умиленно любовались Ваниными солдатскими сапожками почти кукольного размера! И ни за что не стали бы им рисковать - рискует Ваня сам, несмотря на запреты. А Иван... если человек нашёл своё место в этом аду, если сумел стать полезным - он не ребёнок, сколько бы ему ни было лет. Его психика искалечена. Непоправимо. И нужен он здесь именно таким. Незаменим. Ведь он делает то, что никто, кроме него, сделать не сможет.

И почему его стараются не называть Ваней, Ванюшей? Только «Иван»... Дело здесь явно не в признании заслуг

Это Ваня Солнцев в 1945 г. и в 2000 г.

или «взрослости», просто эти люди не могут позволить себе жалости к мальчишке, которого раз за разом посылают туда, откуда вернуться почти невозможно. Любые человеческие чувства здесь выглядели бы сентиментальностью, непозволительной роскошью. Прогнать его в Суворовское училище уже никто и не пытается, Иван чётко сказал: «Только после войны».

Никто не хочет признаваться в том, что чувствуют себя виноватыми - они, взрослые, остаются среди своих, а он...

Через сутки Гальцев проводит взглядом Ивана, исчезнувшего в глинистом овраге. Ему предстоит пройти за ночь пятьдесят километров. Хотя бы дождь – чтобы смыть следы!

Незабываемое знакомство, и Гальцев, никогда по его словам особо не любивший детей, вспоминает Ивана со щемящим чувством, надеясь на встречу. И вот...

Развалины Берлина. Дымящиеся развалины, среди которых ветер носит листы из распахнутых папок. Казённые бланки с фотографиями в уголках. Со снимка - такой знакомый взгляд широко расставленных глаз...

«... чином вспомогательной полиции Ефимом Титковым был замечен и после двух-часового наблюдения задержан русский школьник 10-12 лет, лежавший в снегу и наблюдавший за движением эшелонов. При задержании оказал яростное сопротивление. Руки обморожены и частично поражены гангреной.

Допрашиваемый со всей строгостью в течение четырёх суток, никаких показаний не дал. Дергался вызывающе, не скрывал своего враждебного отношения к Германской империи.

Расстрелян.

Титкову выдано вознаграждение 100 марок».

Финал не ужасает - потрясает высотой духа мальчишка. А 100 марок Титкова = 30 сребреникам Иуды... И если бы нашёлся читатель, ничего не знающий о той войне, инопланетянин - даже он бы не усомнился, кто из этих двоих - Победитель.

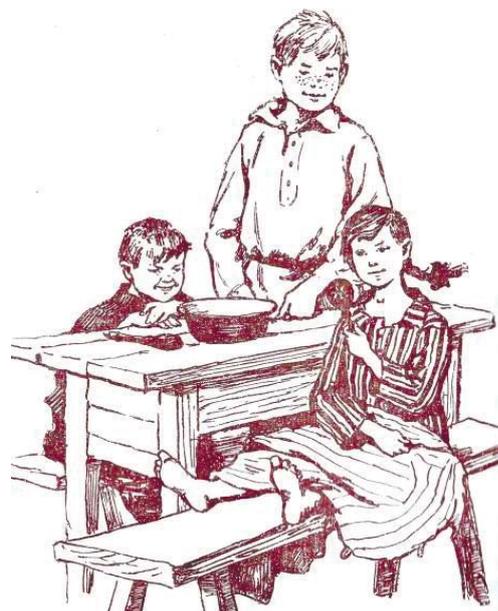
Но разве победители – это только фронтовики? О будничном подвиге тыла даже и взрослые теперь знают непозволительно мало. Предложить детям? Не слишком ли это для них... скучно?

Нет, если это, к примеру, повесть **Никула Эркая «Новая родня»**. Село, затерянное среди заливных лугов, где все всем друзья и родные - «это наши Курмыши, здесь выше крыши малыши!» Рай? Если бы не война... Два старика - вот и всё мужское население. Да ещё подростки, которые остались дома «за старших, чтобы беречь матерей!»

Двенадцатилетние мужчины, Мика и Юка, уверены, что их место - на фронте. Там, где отцы. Как с покосом они с отцами ловко управлялись, так могли бы управиться и с «гитлерами!» Но вот незадача - каждый раз, как накопят мешок сухарей для побега - случается что-нибудь такое...

В местный госпиталь привезли целый эшелон раненых. Думали - только солдаты, а оказалось - дети! Больше половины - дети из Ленинграда. самого слабенького заморыша Марфа, мать Мики, просто выхватила из саней - и к себе на печку. Оказалось - девочка. И как убежишь, когда - новая сестрёнка? Надо и «одеть-нарядить, и оберечь - защитить».

Да и всем остальным охами-вздохами не можешь - кормить надо! И вот уже все мальчишки - девочки... ловят рыбу мётлами! Прекрасный способ, доставили в госпиталь целые корзины карпов. Увидали вблизи тех, кто «с войны» - без рук, без глаз... И взрослых героев жалко, но они хоть успели стать героями. А дети? Неужели они не станут уже никем?! Вот как жить девочке без лица? Сгорело! Остались одни

глаза... Даже имени её в селе не знают - а стала роднее родной. Ровесницы готовы отдать ей свою кожу по кусочку - для пересадки!

Кто бы здесь ни получил похоронку - плач всем селом: «Подруженька моя горькая, как жить-то будем, как горе изживать?» Но горе «обвыкнется», и Марфа, узнав о том, что муж пропал без вести... возьмёт в дом ещё одного ребёнка. Мальчишку, которого, как выяснилось, вынес из горящего эшелона её муж. «Нам тебя наш батька с войны прислал!» И ничего, что паренёк без ноги. Рукастый! А ходить его Мика с Юкой научили - на ходулях! И ничего, что приёмыши не знают мордовского языка. Русский - общий для всех. Неужели ещё думать о том, что дети - других кровей? Война - она беда всеобщая. А что четверо детей - это многовато? «А вы у ласточки в гнезде птенцов считали? Так неужто я слабее малой птицы?» - улыбается Марфа...

Да и не требуют эти дети круглосуточного надзора, они - работники. «По домашности обходятся» чуть не трёхлетние. Пятилетние - уже пастухи, десятилетние - и вовсе «мужики»!

А школа? Школа есть, но учителя на фронте. И совсем не хочется смеяться, когда Мика спрашивает: «А хазары и печенеги - это тоже фашисты?» И слепой пограничник отвечает обстоятельно - начинает рассказ про Киевскую Русь. Слушают и дети, и матери. А остановился перевести дух - тут же: «Не уезжайте! Оставайтесь у нас учителем!» Да и то сказать...прежде, чем бежать на фронт, надо же хоть немного «образоваться»!

Настоящая потребность помочь, обогреть, подставить плечо - считается, что подросткам это не свойственно? Интересно, а с каких пор так «считается»? И «бабы», и старики, и дети в этой мордовской глуши не лелеют свою «неповторимую индивидуальность». Каждый из них - часть чего-то гораздо большего, чем «личность». Пионеры. Колхозники. Народ.

Это - одна из лучших повестей о войне. Здесь, в глубоком тылу, не рвутся снаряды, не падают бомбы, но читая про ТАКОЙ тыл, понимаешь - ТАКОЙ народ просто не мог не победить!

Десятилетний читатель может восхищаться взрослыми героями, но не может «примерить» их судьбу на себя – не дано представить себя старше даже лет на пять! Вот почему так важно узнать, прочесть именно о героях-ровесниках. Задать себе вопрос: а что на их месте смог бы я? Где я мог бы быть полезен? На заводе, в колхозе, в разведке? Что бы делал я в оккупации? А если бы это из моего окна был виден концлагерь?! Интересно, даже сейчас, когда «патриотизм не в моде», найдётся ли подросток, готовый тихонько переждать беду? Или даже подкормиться возле оккупантов?

ДЕТЯМ – О ВЗРОСЛЫХ, ВЗРОСЛЫМ – О ДЕТЯХ.

Книги о наших ровесниках, о детях пионерского возраста – лет этак до четырнадцати, насколько помню, в числе любимых у нас оказывались нечасто. Хотя именно их наши наставники рекомендовали нам чаще всего: и исторические, и «школьную повесть», и «о жизни ваших сверстников за рубежом».

Сейчас уже непросто вспомнить, откуда эта стойкая антипатия, вернее, предубеждение? Ведь случалось и так, что книжка, которую очень не хотелось читать, оказывалась прекрасной. Неужели всё дело в ... подаче? «Книги о детях» - это словосочетание казалось противным уже потому, что сами-то себя мы считали кем угодно, только не детьми! «Дети» - это дошкольники в жизни, и скучные розовые пупсики в книжках, это – не для нас! А если прочитанная книга всё же нравилась, её рекомендовали соседу по парте приблизительно так:

- Это о ребятах настоящих!

Пусть наука филология утверждает, что «дети» и «ребята» - это синонимы - мы точно знали, что это не так. «Ребята» - это уже не дети, но ещё не совсем взрослые. Как раз такие, как мы. А вот что такое «настоящие»? «Хорошие»? Нет, это, скорее, «живые», «такие, как в жизни». И такая читательская оценка была очень высокой!

К **Аркадию Гайдару**, например, мы были излишне суровы. Разбирая на уроке литературы его «**Тимура**», не стеснялись сказать, что читать это интересно, и сами с удовольствием поиграли бы в такую игру, и хорошо бы подружиться с Гейкой, Женей, и даже со «скверным» Мишкой Квакиным, но... всё портит главный герой. Тимур – придуман! Удивительно – ведь никто нам не сообщал, что этот персонаж действительно был задуман автором, как образец. Почувствовали...

Репутацию Аркадия Петровича в наших глазах подправил фильм «**Тимур и его команда**», снятый под руководством самого автора в 1940 году – юный актёр сыграл Тимура вполне «настоящим»!

Но конечно, для Гайдара не было секретом то, что ни один подросток не может быть всегда хорошим, или всегда плохим. И в его «**Военной тайне**» или «**Судьбе барабанщика**» юные герои были признаны нами, читателями – безоговорочно!

Значит, важен некий баланс «положительных и отрицательных качеств»? Да, но всё же главное – это способность героя... взрослеть. Не только «умнеть», а прежде всего находить общий язык со взрослыми! Именно об этом втайне мечтал каждый из нас. Даже если вслух называли родителей не иначе, как «предками». И ещё были далеки от понимания, что «взрослый» - это тот, кто способен взять на себя ответственность. Совершить Поступок. Сколько бы ему ни было лет!

И совершенно необязательно, чтобы события в книжке развивались точно так, как в нашей скучной обыденности. Да пусть фоном повествования будет хоть позапрошлый век, хоть незнакомая страна, хоть далёкая планета! Проблемы и трудности взросления одинаковы для всех...

Вот, например, почему читателю ясно, что **Эмиль из Лённеберги** – настоящий, а взрослые от него просто за голову хватаются? Все, кроме самого автора – **Астрид Линдгрэн**. Ясно же, что она его очень любит!

Лённеберга - это деревушка в самой обычной Швеции. И живёт на хуторе недалеко от деревушки самая обычная шведская семья - Мама, Папа, сын Эмиль и дочка Ида. А ещё батрак Альфред и кухарка Лина. Разве в этом крошечном мирке может произойти хоть что-нибудь необычное?

Но нет, совсем нечасто случается «день, в который ничего не было». События, из ряда вон выходящие, следуют здесь одно за другим! А всё потому, что -

ЭМИЛЬ... Невозможно предсказать, что выдумает и выкинет этот неуёмный озорник! И если его попросить «не озорничать хотя бы завтра», он удивится:

- Я же не знаю, что я сделаю завтра, и будет ли это считаться озорством!

Прочитав в газете о землетрясении где-то на другом конце света, Лина воскликнула: «Поменяться, что ли? Написать бы им: - Вот вам Эмиль, подавайте сюда землетрясение!» Наверное, это после того, как Эмиль придумал для неё сто способов вырвать больной зуб. И некоторые даже опробовал. И после этого вконец опухшую Лину всё равно пришлось везти к врачу...

В хозяйстве ничто не должно пропадать - это аксиома! И вот, чтобы не пропали последние капли вкусного супа, Эмиль засовывает голову в супницу. А назад - никак! В результате пропали целый рабочий день, и супница...

А иногда родители просто не знают, что и думать - благочестивый у них мальчик или просто сумасшедший?! Ну кто и когда понимал евангельские заветы настолько буквально, чтобы роскошный рождественский ужин из двадцати блюд скормить «тем, кому он действительно нужен» - голодным психам из богадельни! И радоваться тому, что «полоумные» впервые за много лет уснули сытыми и счастливыми...

Отдельная песнь - это известные Эмилю способы зарабатывать деньги. Иногда просто везёт (случайно у него оказалась марка, за которую коллекционер готов дать «денег на полкоровы»), но чаще приходится проявлять недюжинную смекалку. Знаете, как заработать на старых воротах, непонятно зачем стоящих поперёк дороги? А это в ярмарочный день очень даже можно... И как уважительно относятся родители к его возрастающему «собственному стаду» - конь, поросёнок и курица!

Но оказывается, поросёнок Свинушок - это никакое не «стадо», а любимчик! Он - талантливый артист, а из артиста нельзя делать колбасу! Опять неуместные чудачества... И что из этого сорванца вырастет?! Венец всему - это когда Эмиля и Свинушка нашли ...мертвецки пьяными! Дело выяснилось быстро - они нашли и съели «пьяные вишни», перебродившие в наливке. Но соседи уже голосят: «Горе, горе этим Свессонам, Эмиль-то у них ещё и ал-ко-го-лик!»

Пришлось в местной общине выслушать соответствующую проповедь и принести клятву в вечной трезвости! Конечно, на церемонию Эмиль притащил и Свинушка - раз уж вместе грешили...

Вообще эта община во главе с пастором - так уютна и забавна! Все свои, все наперечёт знают все грешки ближних, но прекрасно понимают, что с этими людьми жить и дальше, другими они не станут. Да и, положила руку на сердце, разве они так уж плохи? Вот пастор устраивает «экзамен» - что-то вроде игры в вопросы-ответы по содержанию Писания. И получает такие ответы, что... смеётся вместе со своей паствой!

Больше всего общего у Эмиля с Альфредом. Альфред, конечно, взрослый, но... бывают такие взрослые, которые на самом-то деле - настоящие мальчишки! И вот такого друга Эмиль чуть не потерял...

Альфред очень болен, а добраться до больницы - никакой возможности! Снегопад - настоящее стихийное бедствие, даже снегоочиститель увяз.

Как Эмилю всё же удалось пробиться сквозь сплошные стены снега? Он и сам не помнил, только знал, что НАДО. И когда доктор сказал: «Альфред жив, но если бы ты привёз его чуть позже»... только тогда Эмиль испугался по-настоящему. А его, такого зарёванного - перепуганного, уже вся округа считает героем!

Это повесть об идеальном детстве, исполненная такого юмора, что над иными страницами смеёшься в голос! Да можно ли было придумать такого Эмиля?! И главное, такую жизнь?! Сама «бабушка Астрид» уверяла, что если и придумала - то совсем чуть-чуть. Это - жизнь в шведской глуши, какой она была ещё в конце 19 века. А Эмиль?

- Эмиль - это мой отец...

Но безусловно, самый известный и самый любимый сорванец мировой литературы - это Том Сойер.

Крошечный городишко с названием пышным и торжественным: Санкт-Петербург. Несколько десятков обывательских семейств и несколько «ненужностей» - судья, мэр...

А зачем они, если в этом сонном мирке ничего не случается?

Но если нет приключений - их надо найти, если нет опасностей - их надо придумать! Во всяком случае так считает Том Соьер!

В краю вечного лета можно пожить на необитаемом острове или в лесу, воображая себя хоть Робинзоном хоть Робинотом Гудом. А потом явиться в церковь на... собственное отпевание. Оказывается, тебя уже считали погибшим!

Небезобидные игры? Даже жестокие? Пожалуй... Но пока все «взрослые» для Тома - это существа какой-то другой породы, которым трудно сочувствовать. Которых даже просто понять невозможно!

Вот хотя бы тётя Полли. Многие ли способны усыновить троих осиротевших племянников? Однако её доброту и чувство ответственности видят читатели - а Том не замечает. Для него тётушка, заменившая ему мать - просто занудное создание всё время от него чего-то требующее и угрожающее розгой. Придёт время - Том сам удивится, как он, оказывается, её любит.

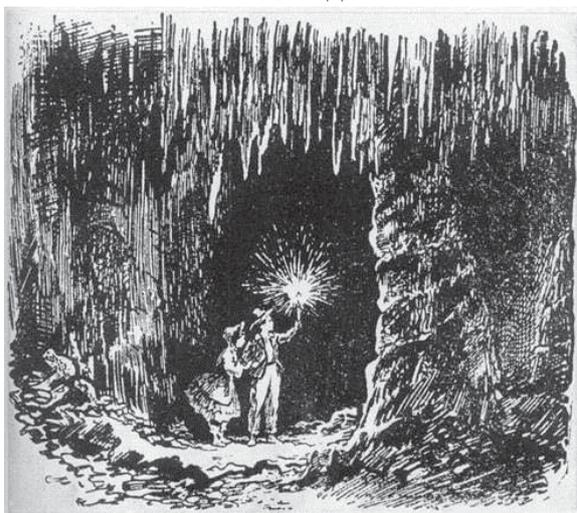
А учитель Добкинс? Спивающийся неудачник, неспособный заронить в своих учеников ни одной свежей мысли? Труженик просвещения...

Ни один ученик не поверит, что таким может быть и его будущее! Издеваются они над учителем-мучителем весьма изобретательно!

Воскресная школа - отдельная песнь. Если ребёнку хочется в воскресенье учить наизусть непонятные (для Тома - совершенно непонятные!) стихи из Библии в надежде получить за это в награду... всё ту же Библию - такой ребёнок точно ненормальный! На всю школу таких только трое - а учить обязаны все! И Том делает вывод: «Церковь - просто дрянь в сравнении с цирком!»

Но каким неожиданным оказывается результат этого «нелепого» воспитания!

ким.

Гекльберри Финн, ближайший друг Тома, «вольный, как птица» беспризорник. Это его автор считал лучшим, любимым своим созданием.

Вторая часть саги про Тома и Гека - ещё шедевральнее первой.

Все бедные сиротки из всей мировой литературы просто счастливы, когда их берут на воспитание люди небедные! Почему же Геку так неудобно в доме вдовы Дуглас? И вдова

добрая, и еда вкусная, и даже в школе, против ожиданий, совсем не так уж скучно. Но прежде было так интересно подворовывать, а тут - всё на блюдечке... И Гек почти обрадовался, когда папаша, пропойца и бродяга, его выкрал! Увёз!

Но недолгой оказалась радость - жизнь с папашей, допившимся до белой горячки, опасна для жизни! Гек вернулся бы к вдове, но сбежав от родителя, он встречает ещё одного беглеца - негра Джима, своего старшего друга. Джим скрывается потому, что вдова решила его продать! Даже для лучших обитателей Санкт-Петербурга, что на Миссисипи, негры - не люди!

И два изгоя общества уплывают на плоту... навстречу свободе. Они не сильны в географии и не понимают, что плывут в ад. В самые страшные рабовладельческие южные штаты.

Панорама великой реки, панорама страны, в которой каждый сам за себя, потрясает размахом и мастерством. Десятки колоритных персонажей, из которых каждый по отдельности может быть и умным, и интересным, но всеми руководит только и исключительно животный эгоизм.

Как обрадовался Гек, когда познакомился с дружной семьёй, совсем не похожей на других! Но увы... недавние переселенцы из Ирландии, ещё не заражённые пороками Нового света, привезли с собой пороки Старого! Кровная месть - кошмар, какой Геку и не снился...

Гек Финн - вершина психологического мастерства Твена. При всём отсутствии «приличного» воспитания он тоньше, душевнее, добрее благополучного Тома. Да и просто умнее. Его мысли, его афоризмы можно цитировать! Совесть, «самая бесполезная внутренность», не позволяет ему сдать беглого негра властям, а ведь мораль и долг белого американца обязывают его поступить именно так!

Джима всё – таки поймали. Его держат в «тюрьме» - сарае... родственники Тома. И окончательно разругавшись с моралью и долгом, Гек берётся его спасти. На помощь приходит и Том. Вдвоём, конечно, проще и интереснее, но не покидает Гека тревожная мысль - зачем это нужно Тому?! И ведь прав был Гек, чувствуя что-то не то: оказывается, Том взялся спасти Джима, отлично зная, что прежняя хозяйка, вдова Дуглас, его освободила. Джим уже два месяца, как свободен!

Но два месяца Том молчал... и играл в побег. Подкоп, лестница в пироге, пила из ножа, рубашка с надписями кровью - всё, как в романах! Пока вся округа не уверовала, что в окрестностях орудует целая банда сумасшедших и не схватилась за оружие!

При попытке побега Том ранен - и для него это тоже приключение. А Джим не смог бросить своего раненного спасителя - и сдался. Том «извинился» - заплатил Джиму, как за два месяца работы. Совсем уж противный штрых!

Как? Разве милый озорник Том может оказаться противным? Разве он не такой же находчивый, добрый и смелый, как в первой книжке? В том - то и дело, что такой же! Том по-прежнему играет «по книжкам». А Гек все эти месяцы был для Джима и добытчиком, и защитником. Он сам не заметил, как стал взрослым!

Столь же невыдуманные трудности и у героев **Джеймса Гринвуда**. И у его «**Маленького оборвыша**» жизнь – тоже не столько жизнь, сколько борьба за существование. Неравная борьба!

Если есть выбор, заработать или украсть - лучше заработать, это ясно. А если не получилось? Если выбор - умереть с голоду на улице или украсть?

Английские писатели - Диккенс, Теккерей, Бронте, не говорили - кричали, что в одном только Лондоне не менее ста тысяч беспризорных детей! Это будущий контингент заокеанских колоний и тюрем, каковы бы ни были их природные задатки. Потому, что и ангел

начнёт воровать, если голоден. Впрочем, златокудрые ангелы, страдающие среди нехороших воришек - это по части Диккенса. Джеймс Гринвуд оказался в этом отношении более реалистом: его Джим Смитфилд, герой повести «Маленький оборвыш» - это нормальный ребёнок с нормальной, по-детски пластичной психикой. Если поначалу он и испытывает сомнения и неудобство, то очень скоро начинает входить во вкус уличной жизни...

Первая же кража под наблюдением старших товарищей привела этих товарищей в восторг:

- И ты говоришь, что никогда не работал?!
- Но ведь теперь я - вор!
- Какой же ты вор? Если бы запустил руку в кассу или в чей - нибудь карман, тогда
- да. А если в мешок с орехами - разве это называется украсть?
- А как же это называется?
- Да мало ли как... Стибрить, сбондить, слямзить, свистнуть, стянуть...
- А как бы это назвал полицейский?!
- Да кто же спрашивает полицейского? Известно, какие они лгуны!

Впрочем, Рипстон и Моудли тоже воруют совсем не потому, что им это нравится. Они не распространяются о своём прошлом, но высмеивают новичка, который сбежал из дома лишь потому, что его била мачеха. Сбежал оттуда, где у него была запредельная роскошь - постель!

Втроём выживать легче. Вернее, одному было бы вообще невозможно пережить лондонскую зиму в бесконечных катакомбах, перенаселённых теми, кого отвергло «приличное» общество. Без друзей бы ни за что не выжить! Надеялись выходить заболевшего товарища сами, но поняли, что не смогут - Джиму становилось всё хуже. Уговорили фургонщика отвезти Джима в работный дом, куда принимают бесплатно...

Не сразу понял мальчишка, почему этим заведением обитатели «дна» пугают друг друга, почему считают его адом на земле. Этот «ад» ему поначалу показался раем - кормят, лечат. Лишь познакомившись с обитателями по-

нял, что здесь - пожизненная каторга за миску похлёбки. Государственное решение проблемы безработицы! Вся хитрость-изворотливость, воспитанные улицы, понадобились Джиму, чтобы сбежать. Опять на улицу...

Множество невесёлых приключений придётся пережить мальчишке прежде, чем он окончательно поймёт: даже повысив свою воровскую квалификацию, не создаст он себе ни богатства, ни даже просто благополучия. Надо работать, но где? Кем? И вот - ему предложили место у трубочиста! Очень чистенького и респектабельного «трубочиста».

Дальше - детектив! Трубочист выезжает на работу только ночью - за город, мальчишку оставляет стеречь лошадь, возвращается с огромным мешком, увозит его на телеге... А собака воеет так, точно чует покойника! По крайней мере, так уверяет мальчик по прозвищу «Паук». И Джим решается проверить страшную догадку - надрезает очередной мешок. Из дыры выпадает мёртвая рука... Убийца?! Срочно в полицию!

«Трубочист» арестован, но Джиму объясняют, что «хоть промысел и незаконный, однако Бельчер никого не убивал, просто выкапывал покойников». Зачем?! Ну а на ком же учиться будущим врачам...

Снова Лондон. Встреча со старым другом Рипстоном. И где! В театре!

- А где же Моудли?

- Он умер...

Оказывается, лазил воровать, сорвался с водосточной трубы, переломал себе рёбра, да через несколько дней и умер в больнице. Рипстон только там и разглядел, какие голубые

глаза у его друга... Ужаснулся - мог бы на его месте оказаться сам! Нет, как угодно - но кончать с этой жизнью, работать!

- И работаю! На фабрике нужны ещё мальчики. Хочешь, порекомендую тебя?

Незнакомое, но прекрасное чувство - уверенность в завтрашнем дне. Впервые Джим говорит себе: «Вокруг - друзья, и все вместе мы никогда не пропадём! Мы добьёмся лучшего будущего для всех - больших и маленьких оборвышей!»

Неужели на родине автора такой финал показался революционным призывом? Неужели именно поэтому давно и прочно в Англии забыт и сам роман, выдержавший лишь одно издание - в 1866 году, и его автор? Единственный иностранный язык, на который переведён «Маленький оборвыш» - это русский. Всемирная отзывчивость...

«Родители не хотят видеть, что я взрослый, не хотят меня понимать, ограничивают мою свободу и нарушают мои права, обижают и унижают»... Если подросток может произнести такую тираду не в шутку, а всерьёз, значит повести **Гектора Мало «Без семьи»** он точно не читал. И даже «в кино не видел».

Нет, беспризорник из девятнадцатого века, не столкнётся с опасностями века двадцать первого. О таких прелестях бессемейного существования, как разборка на органы в частной клинике, позапрошлый век даже не подозревал. Может быть, поэтому повесть сегодня может показаться несколько сентиментальной? Но с тех пор не изменилось главное - отношение взрослых к «ничейному» ребёнку. Некоторые хотят ему помочь, и очень многие - на нём заработать. А отличить одних от других бывает непросто...

Восьмилетний Реми к своему ужасу узнаёт, что мама у него не родная. И от кого! От маминого мужа Барберена, который не появлялся несколько лет - работал в Париже. Мальчик убеждает себя, что ничего не изменится, он будет любить маму не меньше, но... наутро Барберен продаёт его бродячему музыканту. Читатель готов негодовать - да они просто негодяи! И продавец, и покупатель!

А оказывается, не стоит спешить с выводами. Покупатель Виталис, взяв на себя ответственность за ребёнка, понимает это так, что обязан обучить его всему, что умеет сам. Грамоте, профессии, отношению к людям и жизни. Очень нелёгкий хлеб у бродячих артистов - пешком от села к селу, от города к городу, в обществе дрессированных собак и обезьянки с прелестным именем Душка. Актёрское счастье - признание публики и ... добродетельные даяния зрителей. Ровно столько, чтобы можно было назавтра продолжать путь. И когда удача изменит, когда благородный Виталис погибнет (просто и буднично замёрзнет, не найдя ночлега), Реми скажет: «Если теперь я могу себя прокормить, этим я обязан только ему».

А «продавец»? Оказывается, Барберен был покалечен на стройке, и продавая Реми знал, что работать больше не сможет. На этот поступок его толкнуло отчаяние. Но почти сразу же он занялся поисками настоящих родителей этого подкидыша.

Будут у Реми и друзья, и «названный брат». Маттиа просто погиб бы, если бы Реми не взял его «в свою труппу»! И только потом понял, что его новый товарищ сказочно талантлив. Не зная ни одной ноты, Маттиа может сыграть что угодно и на чём угодно!

Но беспризорники, даже называющие себя музыкантами, непременно попадут в сферу интересов криминала. Выпутаются - придётся поработать в шахте. И даже попасть в завал, и оказаться в числе немногих спасённых.

А ведь повесть можно было назвать и «Без защиты». Семья - это защита! И от случайностей - превратностей, и от недобрых людей, и от настоящих негодяев. Да, негодяев немного, но ведь для того, чтобы погубить конкретно тебя, вполне достаточно и одного!

Найдёт ли Реми свою настоящую семью? Получит ли он ответы на свои вопросы: как он оказался на парижской улице? Почему был одет «по-господски»? И почему некий таинственный господин пытался направить его поиски по ложному пути?

Но «приключения» - это, преимущественно, в книжках про мальчишек.

Книги о девочках – подростках, пожалуй, беднее событиями, их содержание – «история души». И именно этим они нас и увлекали! Так интересно было узнавать, что твои сумбурные чувства и твои «безвыходные положения» - не только твои. И если другие переживали то же самое, и находили какой – то выход, так может, получится и у меня?

«Что мешает женщине быть самостоятельной?» - так называлась небольшая книжка, с которой дебютировала в литературе **Елизавета Водовозова**. Самой же ей, современнице и стороннице Чернышевского, «быть самостоятельной» не помешало ничто. Книги, написанные ею, сегодня назвали бы «научно-популярными» - это были «интересные учебники» - такие, которые детям интересно читать. Прочитав которые, ребёнок будет знать предмет, даже если учитель у него ленив или равнодушен. Но лучшая книга Елизаветы Николаевны - «**На заре жизни**» - автобиографическая повесть. Портрет эпохи и автопортрет. Для детей книга была переработана, несколько сокращена и выпущена под названием «**История одного детства**».

Знакомый по множеству русских романов мир дворянской усадьбы. В село Погорелое съезжаются соседи - ведь сегодня в театре Цевловских дают комедию! Это в то время, когда театры и в городах - большая редкость, а уж в селе... Но отец, воспитанный в традициях Просвещения, знал, что делает! Дети его никогда не были праздны - они вместе с отцом выбирали пьесы, разучивали роли, мастерили костюмы и декорации. Пусть они были лишь актёрами эпизода - в главных ролях крепостные актёры, но всё равно - участники общего дела!

Матушка, правда, долго не могла понять, зачем всё это баловство. Совсем неглупая от природы, она вышла замуж в 15 лет и рожала ежегодно. Детей же у неё было «по её собственному счёту 15, а по счёту соседей - 19». Однако и ей в конце концов стало очевидно, насколько её дети опередили в развитии соседских!

Идиллия рухнула в одночасье - холера! Умирает отец, а потом, один за другим, семеро детей. Заболела и Лиза. И услышала в полубреду слова матери:

- Пусть умирает... мне и оставшихся кормить нечем! Мог ли ребёнок понять, что это сказано в полном отчаянии?! Сколько лет не могла простить...

Но даже такое горе притупляется. С головой уйдя в хозяйственные заботы, мать не забывала, однако, об образовании для детей. Пришлось пустить в ход все связи - знакомства, чтобы устроить сыновей в военные корпуса, а вот дочери... Общество всё ещё не могло прийти к единому мнению «является ли женщина человеком!» И когда мать объясняла, что её старшая дочь Саша очень талантлива, ей отвечали, что «женщина подла и низка по природе, а уж с образованием это - чудовище!»

Трудно не верить тому, что говорят решительно все, и мать оставляет сестру Нюту без образования - выдаёт замуж. В полную власть мужа. Муж оказался садистом... С наслаждением избивал жену, а заодно и её младшую сестрёнку, девятилетнюю Лизу. А Лиза мужественно молчала - Нюта заклинала молчать, чтобы муж её никуда не увёз!

Этот человек кончил свои дни в сумасшедшем доме, но прежде превратил жену в двадцатилетнюю старуху.

Вот почему известие о том, что она будет с осени учиться в Смольном институте, Лиза приняла с радостью. Была уверена, что хуже нигде не может быть!

Первое знакомство с казённым заведением. В вестибюле неутешно, истерически рыдает восьмилетняя девочка. Её буквально не могут оторвать от мамы - они ещё никогда не расставались! Бедная мама умоляет начальство сказать её Фанни хоть одно доброе слово... Но начальница и классная надзирательница ледяным тоном требуют «прекратить позорную сцену, унять позорную дочь, приказать ей переодеться в казённое - и в класс!»

Холодные люди, холодные стены. Постели, в которых

не согреешься до утра. Питание такое, что осиные талии - поневоле. У всех. И ценят здесь - за способность соврать и украсть. Прокормить себя и сунуть хоть что-нибудь подруге. А как же институтская восторженность и слезливость? А это что - то вроде игры: когда надо изобразить «божественных, неземных созданий», с этой задачей девочки справляются мастерски! В этом искусственном мирке бедным легко скрывать свою бедность, но планы на «после института» у всех одни - богатство любой ценой! Любой!

Быт и нравы Смольного, уродующего даже самых лучших, самых умных и светлых девочек - незабываемые страницы... Но как же образование? А всё образование свелось к умению «танцевать» и болтать по-французски. Даже книги в этих стенах читать не полагалось! «Натуральный кабинет» не открывался полвека, а о физических приборах узнали случайно - обнаружили их в кладовке. Были закуплены ещё при Екатерине II, но в XIX столетии педагоги решили, что физика портит нравы благородных девиц!

Должно было произойти какое - то чудо, чтобы девочки, уже привыкшие считать самыми неприличными на свете вещами бедность и образование, вышли из такой школы людьми любознательными, мыслящими, неравнодушными. С неугасимой жаждой знаний и «полезных обществу дел». И чудо произошло. У этого «чуда» было имя: Константин Дмитриевич Ушинский. Создатель русской национальной школы, который сумел увлечь, зажечь целое поколение. Это его заветам оставалась верна Елизавета Николаевна Водовозова, народная учительница с невероятным педагогическим стажем - 70 лет!

А история английской девочки **Джен Эйр**? В романе **Шарлотты Бронте** тоже школа, в которой надо выживать, и очень туманные перспективы на «после школы». «Дамский роман»? Потому, что заканчивается воссоединением двух людей, любящих друг друга давно и преданно? Интересно... многие ли дамы пожелали бы оказаться на месте героини? Выйти замуж за слепого вдовца, отягощенного дочерью - подростком и совершенно разорённого?

Но почему все эти очевидные «минусы» не имеют для Джен никакого значения? Чтобы понять, насколько всё здесь логично и реалистично, надо не листать роман с конца, а читать сначала...

Восьмилетняя Джен не замечает окружающей роскоши, в особняке своей тётушки она ценит только богатую библиотеку. И потому, что любознательна, и потому, что только здесь её никто не обижает. Родителей своих Джен не помнит - умерли, а недавно умер и её замечательный дядя, брат отца. Больше Джен никому не нужна. У дядиной жены трое своих детей, «навязанная» ей девчонка в доме просто лишняя. Но миссис Рид не может признаться себе в своей собственной душевной недостаточности, и ищет причину своей неприязни... в девчонке.

Послушать эту милую даму, так Джен - сборище всех пороков! И девочка, как будто, подтверждает это нелестное мнение - смеет отбиваться от её детей. Дети требуют от «бедной приживалки» абсолютной, овечьей покорности! И Джен уже кажется счастьем заболеть - ведь фельдшер (настоящего доктора вызывают только к господам) говорит с ней по-человечески. Спрашивает, не попытаться ли ей пожить у другой родни? Правда, родственники её матери - люди бедные... «Бедные»? У Джейн это пока ассоциируется только с нищими бродягами...

- Но я не хочу быть бедной!

- Тогда в школу...

Джен заранее счастлива: она будет хорошо учиться и учителя её полюбят, а главное, у неё будут подруги!

Школа обдаёт таким казённым холодом! Нелепая форма, строй и весьма скудное питание. Все установленные здесь правила соблюдать просто невозможно, и дисциплина - это что-то вроде палки в руках воспитателей: мелкие промахи любимчиков они не замечают, но если кого невзлюбили... Постоять несколько часов на табуретке с табличкой «лгунья» - это в порядке вещей. И попробуй, объясни, что никакая ты не лгунья!

Вглядываясь в новых людей, Джен видит, что хорошие, благожелательные и справедливые учителя здесь есть, но они словно

боятся быть добрыми. В чём дело? Одна Эллен Бернс никого не боится - такая чудесная девочка! Но Джен не понимает, почему же она не бунтует в ответ на откровенные издевательства?

- Я здесь для того, чтобы получить образование. И получу, несмотря на все несправедливости!

Умница Эллен не доживёт до диплома – чахотка... Но это благодаря ей Джен поняла - человеком становятся не «благодаря», а «вопреки»! Вопреки таким моральным уродам, как мистер Брокльхерст, директор этого учебного заведения, который самолично считает

каждый кусок, каждую рюшку на воротничках. Который делает выговоры за «расточительность» и борется за нравственность, требуя стричь кудрявых наголо. Хорошо, что через год его уличили во взятках и уволили.

Но что же в этой школе хорошего? Почему очень скоро Джен скажет, что не променяла бы её на тётушкин особняк?

Здесь её оценили за действительные успехи - разглядели, что девочка талантлива, учат рисованию и музыке. «Вы чувствуете себя несчастными, - беседует с девочками мудрая мисс Темпл, - но когда вы закончите школу, несчастными себя почувствуют домашние девочки! Их родители передадут с рук на руки мужу, которого найдут им сами, а вы - вы будете хозяйками своей судьбы!»

Через десять лет Джен поймёт - быть хозяйкой своей судьбы непросто, но возможно. Именно образование дало ей независимость. И именно её независимый характер, самодостаточность заинтересовали мистера Рочестера, владельца замка, к дочери которого Джен устроилась гувернанткой.

Но старый замок хранит в себе какую-то тайну: жуткие звуки, полусумасшедшая прислуга, самовозгорания, которые едва успевают тушить! «Тайной» оказалась сумасшедшая жена Рочестера.

«Я не сдал её в Бедлам, обеспечил уход, я её не предал! - рассуждает Рочестер, - но почему из-за неё я должен теперь отказаться от счастья с Джен?!»

Но Джен, жалея Рочестера, всё же не колеблется:

- Я не стану любовницей - мне важно уважать себя.

Вот принцип, который сегодня уже сложно понять - ведь уже лет сто считается, что любовь (не всякая, а только какая-то «настоящая» любовь), извиняет и оправдывает всё. Но стремления прожить засчёт ближнего, попытки переложить свои проблемы на любимого, Джен не простила бы себе сама.

У этих любящих пути разойдутся, и жизнь будет у каждого своя.

Придёт время, они встретятся снова и всё-таки будут счастливы. Потому, что достойны счастья, потому, что заслужили его. Оба.

А что, разве слепые не имеют права на счастье?

Не таким уж большим количеством запретов окружали нас в детстве «взрослые», но вот играть «в слепых» запрещалось категорически. Опасение? Суеверие? Аргумент был один, зато - железный: «Накличешь!» И если кто-то запрет преступал, значит - прочёл «Слеплого музыканта» Короленко. Как было не проверить, может ли человек жить на ощупь, «на слух»? Не попытаться с закрытыми глазами выйти из класса, пройти по двору, или хотя бы просто поест? Не получалось... Ни у кого не вышло вслепую найти свой подъезд или сыграть хотя бы «чижика-пыжика» на пианино. Да никто и не выдерживал более десяти минут эту игру в жмурки со всем миром. Но в реальности истории, рассказанной в книжке, не сомневались. Она потрясала...

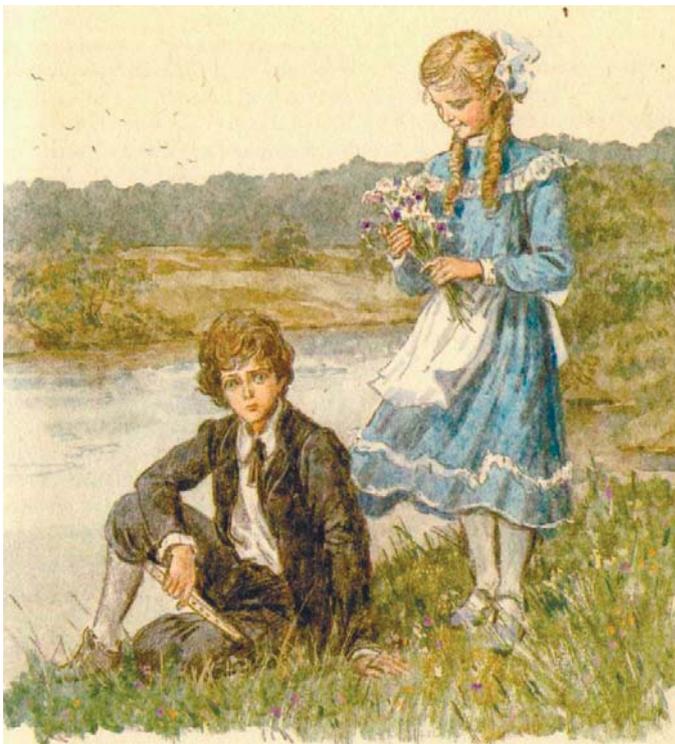
У Петруся было всё для счастья. Любящая семья, большой тёплый дом, окружённый роскошной природой... Всё, абсолютно всё, кроме ЗРЕНИЯ. Мальчик родился слепым.

Его жалели все: родители, ближняя и дальняя родня, прислуга, батраки... Деспотичный крик ребёнка был сигналом для целого большого дома: «На помощь!» Попытки угадать, в чём же именно надо помочь тому, кто ещё не умеет говорить – это стало повседневным умственным упражнением для целой семьи.

Иными словами, общение с несмышлёнышем свелось к разгадыванию желаний, зарождающихся в «тёмной голове» и попыткам их не просто удовлетворить, а предугадать, избавляя несчастного от малейших усилий. К чему могло бы привести такое «воспитание»?

Об этом старались просто не думать. Невозможно было бы жить в уверенности, что завтра будет хуже, чем сегодня.

И дядя Максим, искалеченный солдат, понял, что его жизнь не кончена. День за днём он внушал тем, кто готов окружить ребёнка ежеминутной опекой, что жалеть его - нельзя. Вредно. Ведь тогда малыш научится жалеть себя сам! Безволие, зависимость от дру-

гих будут несчастьем страшнее слепоты! И вот уже в доме Петрусь ориентируется, не призывая никого на помощь. Потом - двор, усадьба, окрестности... И знакомство с чудесной девочкой Эвелиной. Она даже не сразу поняла, что «немного странный» мальчик - слепой!

Будут у Петруся и друзья, и всепоглощающее увлечение музыкой. Воспринимая мир только на слух, он уверен, что и у людей, и у вещей - свои мелодии, надо только уметь их услышать! Даже цвета мальчик научился различать ... по высоте звука. Ему хорошо, уютно в этом выстроенном вокруг него маленьком мирке, и мать боится нарушить эту идиллию - уверена, что лучше не будет. Но неуёмный дядя решает показать племяннику большой мир...

Оказывается, слепых в мире не так уж мало, и они друг друга терпеть не

могут! Уверены, что среди них есть и счастливые - те, кто ослеп уже в сознательном возрасте. «Он свет помнит, он мать свою помнит, а я?!» - завидует напарнику звонарь, слепой от рождения.

Петрусь возвращается домой потрясённый и... озлобленный на весь мир. Пагубная жалость к себе всё-таки проснулась - и захлестнула...

Кому и как удалось не просто исцелить больную душу, не просто вернуть ощущение счастья, но и подарить способность делать счастливыми других людей, ближних и дальних?

«Счастье не вне нас, а внутри нас» - это старая и вечно новая истина, ещё раз подтверждённая судьбой слепого музыканта.

А способность строить свою судьбу – это, конечно, основная добродетель. Чтоб с руками-ногами-глазами – и не суметь?!

Именно такой вывод непреложно следует из книги **Лидии Будогорской «Повесть о рыжей девочке»**.

«Чти отца своего и мать свою». Непреложная заповедь, не допускающая исключений. Ничего не сказано о том, кем надо быть, чтобы чтить отца - разбойника. Или палача. Или жандармского полковника, который сажает в тюрьму «политических»... И возможности выбора между отцом и матерью заповедь не предусматривает. А как быть, если они несовместимы? Вот абсолютно никак?

«Россия, которую мы потеряли». Небольшой городок на Каме. Самый уважаемый человек здесь - крупный заводчик, второй по важности - хозяин местного пароходства. А жандарм - полковник только третий... И как же он тешится властью в собственной семье! Здесь он - бог, царь и господин. Бьёт прислугу, а с домашними держится так, что никто не сомневается - не сегодня - завтра изобьёт и их.

Маленькая робкая жена плачет. Её мать, далеко не робкая, но очень больная, может только сохранять достоинство... А как должна вести себя тринадцатилетняя Ева? Дом для неё - это место, где можно говорить только с бабушкой и только вполголоса. Во избежание очередного скандала. Это место где, кажется, и дышать можно только в полвздоха... И зашуганному ребёнку кажется, что виновата... она! Папа мечтал о сыне, а родилась она. Девчонка, да ещё и некрасивая. Рыжая. Но может, папа смягчится и перестанет издеваться над домашними, если Ева будет отличницей? И рыжая девочка буквально погибает над уроками, и всё равно что-нибудь да недоучено, нет- нет да и проскочит «тройка»...

Могла ли Ева предположить, что это время ещё будет ей вспоминаться, как счастливое?! Но вот мама, такая слабенькая и запуганная... исчезла! Сбежала. Забрать свою мать, Евину бабушку, ей было, очевидно, некуда. И папа сделал всё, чтобы сделать жизнь величественной старухи окончательно невыносимой. Ева, однако, не могла себе представить, что и бабушка может сбежать! Да, внешне это не побег, а солидное отбытие. «Бежим, Ева! Беги со мной, как есть, в одном платьишке, всё у тебя будет!» Но Ева не решается. Ещё не край... «Я буду тебе посылать деньги... копи на всякий случай!» - шепчет на прощание бабушка.

Погостив в селе у подруги, Ева вернулась домой и увидела... её комната не просто отремонтирована - превращена в дворцовый интерьер, изящную шкатулку! Это сделал папа? Для неё?! Но кухарка смущённо опускает глаза:

- Это больше не твоя комната... папа снова женится...

- Беру нищую, чтобы она была мне всем обязана! -

хващается папа.

Вот и невеста. Чуть старше Евы, в тесном поношенном платьице... впору пожалеть сиротку, которую откровенно продаёт родная тётка? Но никакой жалости не возникает ни у Евы, ни у читателя. Потому, что Женя (так зовут невесту) просто счастлива, что её продают так выгодно. Только одного и боится - чтобы сделка не сорвалась...

Край? Нет. Теперь папа шарит по Евиным тетрадям и ящикам стола, читает письма (и находит записку к мальчику!), поручает классной даме перехватывать письма к Еве, если они придут на адрес школы... И вот - перехвачено письмо от мамы! К вечеру его Еве всё-таки милостиво отдадут. Мама просит любимую дочку... потерпеть уж как-нибудь потому, что «прилично жить вдвоём им было бы не на что, если папа не даст на неё денег, а он, конечно, не даст, они бы даже нуждались»... Бедная, слабая мама! И к Еве вдруг приходит ясное понимание того, что как бы она ни любила маму, а она её очень любит, ТАКОЙ она не будет! Она сильнее уже сейчас, она не испугается «нужды», она никогда ни у кого не попросит денег. Сама, только сама!

Последнее унижение - последняя капля. Побег в тот день, когда папа поехал усмирять очередной бунт «черни».

Читателю ясно, что это просто поездка на пароходе, потом - на катере, потом - по железной дороге. Но Ева... она обмирает от ужаса при каждом шорохе, не смеет выйти из каюты пообедать, и даже просто снять платок - все увидят приметную рыжую шевелюру. Ведь папа, конечно, уже разослал телеграммы на все станции, её ищут! А милый попутчик удивлён, что девочка едет одна и безо всякого багажа. Приходится соврать, что багаж потеряла - не признаваться же, что живя всю жизнь на всём готовом, не догадалась взять с собой ничего! Даже еду... Спасибо добряку - соседу, голодной не оставил, и вообще - с ним не так страшно... Но всё равно страшно! Темнеет в глазах от ужаса при виде жандармской шинели на перроне! И Петербург понравился поначалу только тем, что здесь так много народу, легко затеряться!

Но вот и нужный дом, подъезд, квартира... Бабушка!

- Я знала, что ты прибежишь. Даже комнатку тебе приготовила!

- Боюсь...папа найдёт...вернёт...

Бабушка хочет промолчать, но не может. И отвечает хотя и не сразу, но очень торжественно:

- Не вернёт. Нашло его возмездие. Убили его.

Повесть автобиографическая. Какой же смелостью и честностью надо было обладать автору, чтобы так написать о своём детстве, о своей семье, о своём отце!

«Не убий»... ещё одна непреложная заповедь. Но почему читатель готов мысленно повторить высокое и справедливое слово – «возмездие?»

Потому, что гадостей и гадких людей в жизни много, очень много, к сожалению. И скрывать это от ребёнка – значит, делать его беспомощным и безоружным.

И вместо учебника по педагогике можно смело взять и прочесть толстую книгу, которая считается детской по какому-то недоразумению. Нет, детям она вполне доступна, и любима подростками (причём как девочками, так и мальчиками), но чем старше читатель – тем больше из неё извлечёт! И прежде всего – готовый рецепт, как вырастить обычное, «среднеспособное» чадо – творцом и борцом. Это повесть **Александры Бруштейн «Дорога уходит в даль»**. Кто сказал, что машина времени невозможна?! Стоит только открыть эту книгу, и...Конец девятнадцатого века, Вильнюс. Керосиновая люстра освещает уютную гостиную: плюшевая скатерть с бахромой, блестящий самовар... А в круглом боку самовара очень смешно - то «щекасто», то «тонюсенько» отражается девятилетняя Сашенька. Сейчас её начнёт «веселить» фрейлен Цецильхен, немочка, «похожая на пуделька». Ничего эта горе-гувернантка не знает, ни одного вопроса ей не задашь. А папа отвечает на всё, о чём ни спросишь, только дома он почти не бывает: врача могут вызвать в любое время суток...Но в этот день редкостно повезло: появился папа, прервал «веселье» с Цецильхен, и увёз дочку за город, «в гости».

Его туда пригласила богатая семья на неотложную консультацию: почему их дети не хотят есть?!

Если бы не бесхитростный рассказ от первого лица, дальнейшее было бы похоже на социальную сатиру – бедненьких богатеньких детей кормят... каждые два часа. И обеспокоенная мать патетически вопрошает: «Что им ещё нужно при таком питании?» «Второй желудок им нужен!» - смеётся доктор.

- А что, если я им буду приглашать гостей? Для компании, для аппетита? И вот, приходят «гости» - дети рабочих, которые НИКОГДА не ели досыта... Закормленные «хозяева» не понимают, как можно ТАК хотеть есть, но это же новая игра! Так весело скормить гостям всё, что стоит на столе!

На обратном пути Сашенька расскажет об этом папе - и папа будет морщиться, как от боли...

Каждый день приносит столько нового, столько интересного! Родители, наконец, разглядели бездарность немочки, и в доме водворилась француженка Полина, кратко - Поль. Чудесная старушка! Это благодаря ей и Сашенька, и другие её ученики навсегда полюбят и французский язык, и французскую историю, и саму «мадемуазель Поль», добрую и бесстрашную. Немногие могли бы помогать раненым демонстрантам, спрятанным на конспиративных квартирах, а она - решилась. И впервые девочка задумалась, почему в любой мало-мальски интеллигентной семье живут гувернантки, бонны, мисс? Откуда их целая армия?! И Поль ей ответила безо всякой горечи, что в Европе на бесприданницах никто не женится, надо кормить себя самим. Их язык - их ремесло, но ведь платят за обучение языкам только на чужбине. Вот она и прожила кочевую жизнь цыганки...

А знакомство, для приличной девочки, вроде бы, неподходящее? Её ровесница Юлька - дочка подёнщицы. Живут они с мамой в подвале, мама хватается за любую работу, и без конца молится, чтобы дочка хоть когда-нибудь встала на ноги - тяжелейший рахит... На что же ещё им надеяться, если не на чудо? Ведь врачи не лечат бесплатно! «Чудом» стало знакомство с Сашенькиным папой - не ужаснулся он дочкиному «кругу общения», занялся Юлькой.

И Сашенька уже мечтает стать человеком, «нужным людям». Героем! И решительно заявляет родителям, что математика ей ни к чему, она будет...укротительницей диких зверей! Потому, что укротительница - смелая, она - герой! И родители понимают - такие разговоры нельзя откладывать на завтра. Урок математики отменяется.

Отец рассказывает, что к нему в больницу вчера доставили пожарного, который спас двоих детей - выбросил из окна горящего дома - лестница обрушилась. И ему пришлось прыгать. «Не знаю, выживет ли»...

Мама приносит портрет своего отца - хирурга. В Севастополе работал вместе с Пироговым. Не ждал, пока раненых доставят к нему, в относительно безопасный лазарет - перевязывал прямо на бастионах.

И, наконец, учитель. «Ссылный-поднадзорный господин революционер». Потрясает рассказом, о своих товарищах, повешенных в Якутске. За бунт. «Бунт» состоял в том, что они потребовали закупить зимние припасы - для всей партии ссыльных. Сначала повесили «зачинщиков бунта» - потом припасы, всё-таки, закупили.

Образ укротительницы померк. Сашенька сделала вывод, что геройство - это не храбрость на потеху толпе. Это - для кого-то...

Кто сейчас говорит об этом с девятилетними?! А позже - поздно...

А Древницкий?! Герой, которого Сашенька и Юлька видели сами, своими глазами! Полёт на воздушном шаре... да от одной мысли дух захватывает! Разве человек может летать?!

- Может! - улыбается папа, - человек такое может, что нам с тобой и не снилось! Вот увидишь, через несколько лет люди будут садиться в воздушные шары, как на извозчика!

И когда на глазах огромной толпы человек поднялся в воздух, Поль заплакала от счастья: «Я это видела!». А Юлька... Юлька впервые в жизни встала на ноги, чтобы бежать за воздушным шаром.

И вот - осень. Школа. Называется «Институт», в первом отделении здесь учатся сливки общества: внучка городского головы, дочка жандармского полковника. А в скромное второе отделение попасть непросто: экзамены.

Слушая, как отвечают другие, Сашенька перестала бояться: все эти разборы по частям речи и составу она знает давно. Но что за чудо? Всех уже отправляют на следующий экзамен, а её и ещё пятерых девочек не вызывают... Все шестеро - еврейки...

Наконец, вызвали. Предложено читать отрывок из «Горя от ума» и ответить «по содержанию» на два десятка вопросов. Да-да, в девять лет. Справилась, и сама не поняла, почему на душе такой горький осадок...

А дома над кроватью висит рисунок в стеклянной рамочке: дорога среди деревьев, уходящая за горизонт. Эту картинку подарил Сашеньке безрукий художник - он выступал в цирке, на потеху публике рисовал... ногами. И увидел, как восторженно на него смотрит кудлатая девочка со съехавшим на бок бантом. Она явно думает: «Вот человек, который не дал несчастью себя победить!»

- Возьмите, маленькая барышня! Когда я был художником... настоящим... это была моя любимая тема. Вперёд! Упал - не ной, расшибся - не хнычь! Всё вперёд, всё - в даль! Как же пригодятся девочке в жизни эти слова...

Во второй книге трилогии, «В рассветный час», Сашенька уже в том «трудном - опасном» возрасте, когда влияние родителей перестаёт быть определяющим. Воспитывает общество, «жизнь». И мир тринадцатилетней девочки делится на своих и врагов... Какие могут быть «враги» у провинциальной институтки?

Сначала о «своих». Это и родители, пусть даже знающие не всё на свете, и вообще, «ужасно старые», и «мадемуазель Поль», и ворчливая няня Юзефа. И друзья отца, которые, в отличие от маминых подружек, заходят не просто пообщаться, а обсудить то, что происходит в большом мире. Волей-неволей они говорят о том, что «ребёнку слышать рано», но ни разу этого «ребёнка» не прогнали. Даже терпеливо объяснили, почему их не огорчила смерть Александра III, и каких именно перемен они ждут от нового государя.

Самый замечательный из этих друзей - старый доктор Рогов, который был ещё другом дедушки - они вместе геройствовали в Севастополе! У него такая интересная квартира - заставленная аквариумами и террариумами, и такой чудесный сад, который он сам вырастил, и какая-то тайна в прошлом... Тайна раскрывается неожиданно - доктор получает уведомление о смерти генеральши Хованской - Инночки Благовой, своей первой и единственной любви. Сорок лет назад родители не сочли молодого доктора солидным женихом, и выдали дочку за генерала. Он не смог её забыть - так и не женился, а она, казалось, смирилась. Но, похоронив сына, сноху и мужа, она завещает Ивану Константиновичу... двух

своих внуков! «Не отказывайтесь, милый Ваня, умоляю Вас! Никто не сможет их воспитать лучше»... И в берлогу старого холостяка въезжают Лёня и Тамара. Станут ли для Сашеньки «своими» и они?

А одноклассницы? Тесный кружок из шести подруг получился сам собой... Нет, всё началось с того, что одна из девочек, Катюша, похоронив накануне отца, совсем растерялась. Учителям не пришло в голову даже посочувствовать, а как помочь - сообразила только дочь юриста Лида Карцева. И дружеским кружком стали те, кто взялся помогать!

Оказалось, помогать людям, чувствовать себя нужными - можно всегда. Сколько людей хотят - и не могут учиться! Давать бесплатные уроки для гимназистов, для институток - дело чести, почти у каждого по одному - два ученика. Вот, например, евреям попасть в гимназию почти невозможно, гимназическую программу им предлагается

сдавать при учебном округе экстерном, экзамены раз в полгода. А просто «отстающие»? В институте, буквально, дарвинизм в действии - отстающие каждый год должны отсеиваться. Но год закончен без потерь, все переведены. Никакого чуда - это одноклассницы «переобъясняли» им уроки вопреки запрету начальства!

А могут ли быть «своими» учителя? Большую часть своих наставников Сашенька характеризует кратко: «паноптикум»! Хотя садистка только одна - классная дама по прозвищу «Дрыгалка». Остальные - просто скучные ремесленники. Хорошим приходится считать того, кто хорошо знает свой предмет, любит его, потому, что детей здесь, кажется, не любит никто. Хотя... а Гренадина? Справедливая, способная на человеческие чувства, она даже спрятала от завуча забытую ученицей секретную книжку про Маркса!

Вести из «большого мира» приходят с газетами. «Дело мултанских вотяков». Искусственно разжигая межнациональную вражду, обвинили в ритуальном убийстве людей, которые, не владея русским языком, не могли оправдаться! Их адвокатом стал писатель Короленко - и доказал всю сфабрикованность обвинения. И только «враги» были равнодушны к этому процессу! Так же, как и процессу Дрейфуса во Франции.

Вот и водораздел между «своими» и всеми остальными. Для «своих» чужого горя не бывает! Как для Гирша Леккерта, который сам, по своей инициативе выстрелил в губернатора (накануне губернатор отдал приказ о поголовной порке заключённых - и присутствовал лично, следил за добросовестностью палачей). Но губернатор перед законом прав - а

Леккерт будет повешен. Впервые в жизни Сашенька увидела, как её папа плачет. От бессилия.

Но стоит только раз сказать себе, что от тебя ничего не зависит, стоит только раз поддаться соблазну встать в удобную позу наблюдателя... И урон уже терпит свой тесный кружок!

Вот Меля Норейко, поначалу - верный дружок, с единственной забавной особенностью - «уж-жасная обжора!»! Пытается даже участвовать в интеллектуальной забаве - литературном журнале (её роман про «страдалицу Андалузию и принца Грандотеля» - уморительный образчик «девочкового творчества»). Но придёт время - семья ей объяснит, что в этой жизни важно, а что - нет. И «неважным» окажется всё, кроме сытости.

А Тамара Хованская? Так изящно - аристократично страдала, что попала в провинцию, так старалась подружиться со знатными - богатыми, но эту «придурь» одноклассницы ей простили. За действительные достоинства. И что же? Хватило нескольких писем питерской тётушки, чтобы внушить ей «истинные ценности» - главное - замужество! Только в высшем свете! И упорхнула Тамара от доктора Рогова, который успел её полюбить, к тётушке, которую совсем не знала. Тётушка обещание выполнила - выдала шестнадцатилетнюю племянницу за «старого бульдога, зато богача - удивительного!» Тамара счастлива. И больше всех её за это презирает родной брат Лёня.

Совершенно неожиданно в лагере «своих» оказывается учитель математики Горохов. Тихий, хворый, незаметный. Его приняли на работу за два месяца до выпуска, и он с ужасом обнаружил, что большинство девочек не продвинулись дальше таблицы умножения - математики у них не было месяцами. Целый выпуск шёл на скандальный провал - а начальству было всё равно... И вот этот честнейший интеллигент, сгорая от стыда, всё же передаёт девочкам задачи, которые будут на экзамене. Чтобы разжевали, разобрали по косточкам со всеми!

- Поймите, - скажет он потом, после благополучно сданного экзамена, - если бы вы были виноваты, если бы бездельничали, я бы и пальцем не шевельнул. Но вы виноваты не были!

Школа позади, и глядя на убегающий поезд, выпускницы скандируют в такт стучу колёс:

- В Пи-тер! В Пи-тер! Вмес-те! Вмес-те!

Учиться, дружить, жить...

«Благословенны дороги, по которым мы уходим в даль!»

Как же хорошо надо помнить себя подростком, чтобы увлечь рассказом об этой «тяжёлой и неблагодарной поре жизни» и новых подростков, и их родителей?! Вот так, как это удалось **Корнею Чуковскому**. Самый - самый детский писатель? Не для школы? Для дошколят? Как бы не так! Есть у Чуковского по крайней мере одна повесть, которая и «детям о взрослых», и «взрослым о детях», а ещё это подросткам - о власти. И об ответственности за то, кем и каким ты вырастешь. Личной ответственности! Семья, школа и подворотня здесь не при чём! У этой повести два названия. В первом издании 1938 года она называлась «Гимназия», во втором, значительно переработанном - «Серебряный герб».

...Пятиклассника Колю выгоняют из гимназии. За что?! Ведёт себя он не хуже других, учится лучше многих. Вместе с ним гонят ещё пятерых совсем не худших учеников, даже общего любимца Моню! Кому из несчастливцев не хватает своих грехов - тем беззастенчиво приписали чужие. Зачем?!

Коля пытается любой ценой удержаться за партой - ради мамы... Она одна «тянет» двоих детей, и никогда не жалуется на судьбу. Одного она не сможет простить судьбе – если её дети не получат образования!

Но разве может нормальный мальчишка думать только о школе? А друзья, а недруги, а гимназистки из соседней гимназии?! Это там учится полусказочная фея Рита Вадзинская... А дядя Фома, гениальный рассказчик? А Циндилиндер - уличный воришка, который честнее всяких «приличных»? А всеобщий кумир Уточкин, который ещё не лётчик, но уже чемпион по велоспорту?

Увы. С гимназией пришлось проститься. Что сказать маме?! И тут единственный учитель, возмущённый этим варварством, открывает глаза наивным мальчишкам. Рассказывает о правительственном предписании, согласно которому школы надлежит очистить от «детей кучеров, поваров, мелких лавочников и тому подобных людей, детям которых вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию»!

- Понимаешь? Гонят не за то, что ты что-то там натворил, а за то, что у тебя мать - прачка!

В историю этот циркуляр Александра Третьего вошёл, как «Закон о кухаркиных детях». Помимо бедноты, гимназии предлагалось избавить и от «лишних» евреев. Моня, правда, оставлен за партой, но не потому, что он отличник и скрипач, а потому, что его отец догадался нарочно проиграть в карты директору не то двести рублей, не то триста...

Теперь Коле не стыдно идти домой. Он придёт и скажет: «Мама, я не виноват! Я буду учиться сам, я стану студентом, вот увидишь!» И мама ответит: «Я знаю!»

Какой лёгкой оказалась гимназическая премудрость без вечной угрозы «двоек и колов», без классных наставников и директора! Правда, аттестат был получен с опозданием на три года. «И я, наконец, купил себе студенческую фуражку. Нарочно потёртую - пусть все думают, что я уже старый студент!»

Но сколько ещё трудностей и приключений выпадет на долю талантливого самоучки Николая Корнейчукова прежде, чем он станет замечательным писателем Корнеем Чуковским!

«Кондуит и Швамбрания» Льва Кассиля – тоже книга «на вырост», то есть такая, в которой детям интересно одно, а взрослым - другое. Жаль только, что очень немногие взрослые берутся перечитывать «детскую» книжку. Передавая «Швамбранию» из рук в руки, зачитывая до дыр, перебрасываясь цитатами, мы были уверены, что это - самая смешная книжка в мире! Чего стоят одни только высказывания четырёхлетнего грамотея Оськи:

- Патриарх Гематоген, ваше неправдоподобие!
- А наша кошка - тоже еврей?
- Разбойники - это вандалы? Вот почему на них набуты кандалы...

Уже смешно? Да это ещё даже не начало! Всё началось с того, что пропала шахматная королева. И двое наказанных, Лёля и Ося, нашли, чем утешиться - они придумали себе «ИГРУ - НА - ВСЮ - ЖИЗНЬ»! Собственную страну. Швамбранию. Нарисовали её карту, сочинили её географию и историю, врагов и друзей, продумали законы, будни и праздники...

Вот карта Швамбрании - обратите внимание на географические названия. Да-да, на карте «Пришпандория» и «Шелапутия», «Нахлобучи» и «Кудыкины горы», «Горящее море», «Мыс Кегля» и многое - многое другое. Столь же весёлые имена и у обитателей Швамбрании, честных, благородных, справедливых. На всю страну - один подлец Уродонал...

Может ли жизнь оказаться интереснее ТАКОЙ игры? Оказывается, может. Если - революция. Сначала - Мировая война, потом - революция (Февральская, а затем и Октябрьская) - глазами гимназистов, у которых ещё нет никакого особого прошлого, а значит, и нет повода страдать о «гибели России», такой, какой они её видели. Лёля и Ося вообще уверены, что на смену несправедливому миру должна прийти их прекрасная собственная сказка. Швамбрания осуществится наяву!

Если знаешь, для чего живёшь - можно выдержать почти любое «как». И не только юные герои, но и их родители не жалуются на непроходимые трудности быта (о которых автор пишет вполне натуралистично). Видят за ними - бытие. Историю, которая пишется на их глазах. Обратите внимание, взрослые!

Карта Швамбрании в эпоху Бренабора IV.

«РОМАНОВ НИКОЛАЙ, ВОН ИЗ КЛАССА!»

Артем Незабудный, цирковой атлет, человек - легенда, вспоминает свою блистательную жизнь, свою мировую известность - с ужасом! У него нет даже того утешения, что своими спортивными рекордами он принёс честь и славу Родине. Потому, что Родину он покинул, не поверив в её будущее.

Париж-Лондон-Берлин-Нью-Йорк... Отели-стадионы-ринги-арены... и всё! Невыносимое ощущение бессмысленности жизни «бугая», десятилетиями развлекавшего праздную толпу. Гладиатора.

И он возвращается туда, где родился - в маленький посёлок Сухоярку, затерянный в степи. И даже привозит с собой приёмного внука, осиротевшего сына эмигрантов «Пьера». Петьку.

А ещё - школа. Уроки, учителя, школьные проделки, друзья - приятели... Юмор брызжет через край! Может, именно эти страницы и западают в память навсегда? И именно поэтому книга воспоминаний Кассиля о собственном детстве проходит по разряду подростково - юмористических?

И каков же диапазон Кассиля, если его «Чаша гладиатора» – это предложение мальчишкам заглянуть в душу не просто «взрослого», а Самого Сильного Человека Планеты! Да-да, у героя именно такой фантастический титул.

Что должен чувствовать побеждённый чемпион мира? Побеждённый много лет назад... фашистом? И никаких надежд на реванш - подступила старость...

Как отговаривали, как пугали «кровоной гэбнэй», которая непременно припомнит ему бесславный конец спортивной карьеры - и не простит...

И вот - Самый Сильный Человек Планеты почувствовал себя едва ли не лилипутом среди великанов увидев, какой мечтой, какой целью живут его соотечественники. Без ложного пафоса. Мальчишки, тут же ставшие «свитой» богатыря, точно знают, что каждый новый день будет, просто не может не быть лучше, интереснее прошедшего!

Это настоящее ожидание счастья - знать, что через несколько месяцев, в точном соответствии с планом, в посёлок придёт вода! Строится водохранилище, которое преобразит бывшую голодную степь. Начальник строительства, которого Незабудный знал ещё мальчишкой, вернулся из лагерей.

- И ты им простил?! Такое?!

- Кому «прощать», если мы все - первопроходцы? А я строил там - строю и здесь...

Человеку, привыкшему мыслить категориями «я-мне-моё» понять и принять это «мы» почти невозможно. Неужели родина его не принимает?

И что должно было произойти, чтобы французик Пьер превратился в Петьку, а его дедушка стал героем для своих земляков? Настоящей легендой?

Да, это детская книга. Едва ли не единственный автор, который говорил с детьми ОБ ЭТОМ. Впрочем, теперь может показаться, что у тогдашних счастливых людей никакого особого выбора и не было, всё было просто и ясно. Враг есть враг, а кто против него – тот свой. Как для Симы Крупицыной, девочки из повести **«Великое противостояние»**.

«Жизнь мне не удалась! Мне стукнуло 13 лет, это уже очень порядочно... и ни приключений, никаких интересных случаев!» - написала в своём дневнике московская школьница Сима Крупицына. Она была уверена, что удача и успех - удел красавиц, а ей, веснушчатой дурнушке, ждать от жизни нечего! И вдруг...

На улице возле неё остановилась машина, и двое мужчин заинтересовались ею необыкновенно. «Настоящая Устя!» Затем, проявив странную осведомлённость, пообещали заехать за ней на машине прямо в школу. «Вы нам очень, очень пригодитесь!»

Непонятно, но как откажешься, когда таинственно и интересно?! В крайнем случае, можно будет крикнуть «помогите» - и ни один милиционер не сделает вид, что не слышит.

Как? Разве Симе не объяснили на уроках ОБЖ, что нельзя садиться в машину к подозрительным незнакомцам? Нет. Потому, что никаких уроков ОБЖ у неё не было - это поколение никто не учил обороняться от жизни. Они - будущие победители, ведь на дворе 1938 год.

Куда её привезли? В огромном здании люди странно одеты, странно говорят, а во внутреннем дворе она встречается сразу с шестью Наполеонами! В кабинете, где Симу попросили «подождать», девочка видит на стене...свой портрет. Только одета она там необычно - платок, тулуп. Может, это и есть Устя, с которой её спутили?

- Да что всё это значит? - оборачивается она к вошедшему незнакомцу.

- Это кино.

КИНО! Магическое слово, волшебный мир, предел мечтаний красавиц. А девочка в тулупе, Устя Бирюкова, - была крепостной актрисой. Потом - партизанкой. Потом - снова крепостной...Чтобы сыграть такую роль, оказывается, надо столько знать и уметь! Читать «непрограммные» книги, учиться верховой езде, давно забытым танцам, французскому языку... Надо работать «на свежем воздухе» в любую погоду наравне со взрослыми - и при этом регулярно предъявлять режиссёру школьный дневник. Чтобы - никаких «двоек»! Хороша была бы партизанка - второгодница...

Придёт время - Сима поймёт, что единственный в её жизни фильм воспитал её ум, волю и характер. Жёстче и требовательнее, чем семья и школа. А это то, что нужно каждый день. Всю жизнь.

Потом была война. И Сима удивительно, почти мистически повторила судьбу своей героини. Маленькой партизанки из далёкого, почти легендарного 1812 года.

И что здесь важнее? Воспитание? Способность мыслить? Или здоровый нравственный инстинкт?

Что помогло сделать выбор маленькой гречанке из повести Альки Зеи «Наш брат Никос»? Когда все вокруг считали именно фашистов силой, способной воскресить её страну, возродить дух древней Эллады?!

Подросток... С точки зрения сегодняшних «ювенальщиков - детозащитников», это такое нежно-ранимое существо, над которым родители не должны доминировать, дабы не нанести ему непоправимой психотравмы, и ущерба его зреющей... неповторимой индивидуальности.

Такое демонстративное стремление разорвать связь поколений выглядит широкомасштабной диверсией даже в том случае, если общество задалось целью воспитать небывалое поколение борцов-искателей-героев. А если «грамотных потребителей»? Или «молодых зверей, избавленных от химеры совести»?!

И если подросток не лишён здорового нравственного инстинкта, где же ему искать моральной поддержки и опоры, если не в своей семье? Даже рискуя прослыть «несовременным» среди сверстников.

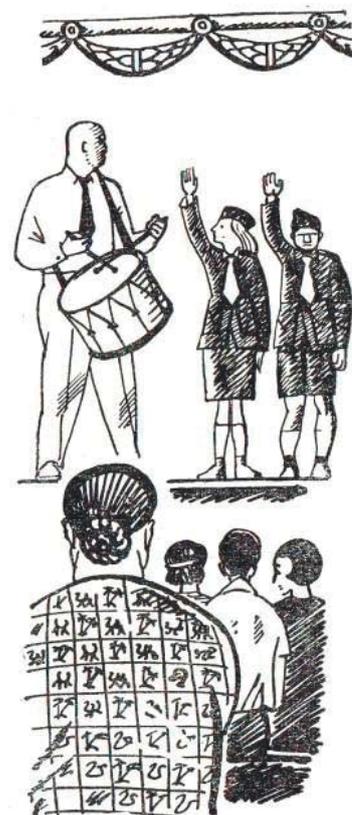
Именно такие ответы подсказывает книжка «Наш брат Никос». Хотя на первый поверхностный взгляд может показаться, что автор... не ставит вопросов! Внешне это простой и бесхитростный рассказ девочки о нескольких месяцах её отрочества. Но это были месяцы становления фашистской диктатуры. Подросткам была предложена такая большая игра, одна на всех! Красивая форма, строй и песни, знамёна и барабанный бой. Словом - возможность почувствовать себя народом будущего, которому предстоит воссоздать великую Элладу в союзе с великой Европой. Им указан враг - коммунисты, но кто же их всерьёз боится? Всякий знает, что коммунисту только покажи крест - он и рухнет замертво!

Но обо всём по порядку:

Один из бесчисленных греческих островов - райский уголок земли. Здесь в небольшом городе живут две славные девочки, две сестрёнки - Мирто и Мелисса. Мирто очень красивая и мечтает стать командиром, а Мелисса обожает «древние сказки», которые им рассказывает дедушка - профессор. Они очень дружны и по вечерам обсуждают каждый прошедший день. Спрашивают друг друга на «секретном» языке: «До-во? Не до-во?» Чаше всего «До-во, до-во!» Потому, что они вполне довольны жизнью. Потому, что каникулы, дача (на другом острове), дружная ватага друзей из рыбацких хижин и полная свобода от понедельника до пятницы! Только выходные - сущее наказание потому, что приезжает папа, а при нём ничего-ничего НЕЛЬЗЯ! Можно только чинно сидеть с бантиками на голове... Больше всего папа боится, что кто-нибудь из его семьи скажет или сделает что-то такое, что не понравится его начальству. Ведь тогда он потеряет место в банке!

Но самые неблагонадёжные люди - не дети, а папин племянник Никос. Девочкам он двоюродный брат. Большой уже - усы выросли! И самый интересный, самый добрый, самый умный (не считая дедушки). Самый - самый. Увы, Никос приезжает нечасто, он «секретный».

И есть у Никоса своя «секретная сказка». Её главный герой - снежный барс, что стоит в гостинной, в витрине. Ну и что, что он - чучело? Известно, что даже куклы оживают, когда их никто не видит, а великолепный барс - тем более! И где он только не побывал, что только не повидал своими разноцветными глазами! И всё, что видел, он рассказывает Никосу, а Никос - детям.

Но недавно барс вернулся из Испании. В стране Дон Кихота война! С одной стороны - хищные совы, чернорубашечники, с другой - интернационалисты. Бойцы из всех стран, от Англии до России. И есть у них общая песня... Но пусть она будет нашей тайной!

Тайны у детей как - то не очень держатся, дети увлечённо распевают «песню интернационалистов», а папа, случайно услышав, стонет от ужаса: «Меня выгонят из банка»...

- Не до-во, - шепчет Мелисса, - не до-во... как могут выгнать с работы за песню?

И вопросов с каждым днём всё больше и больше... Почему едва ли не главным предметом в школе вдруг стала политэкономия? «Только делая деньги человек становится полезен себе и обществу»... Почему те ученики, которых до сих пор считали балластом (двоечники - хулиганы), вдруг стали красой и гордостью школы, только потому, что первыми вступили в Фалангу (греческий аналог Гитлерюгенда)? Почему у одноклассника Алексиса папа не побоялся потерять место? Он очень хороший человек, но... теперь ему не на что купить башмаки сыну, и Алексису ужасно стыдно перед одноклассниками. Как детям понять, что прогнуться за кусок - это стыднее, чем ходить босиком? Ведь школа внушает обратное!

И Мирто, дорогая сестрёнка Мирто, от страницы к странице становится всё более чужой - она просто счастлива в Фаланге, у неё такая красивая чёрная форма со звёздочками, она представляет школу на всех городских мероприятиях - красавица...

Чернорубашечники врываются в дом - они ищут Никоса. И Мирто не сознаёт, что предаёт брата! Эти люди для неё - свои, и она спокойно отвечает, что Никос им иногда пишет, а записки передаёт барс, приносит в зубах. Витрина разбита, сказочный барс вспорот и выпотрошен. «Они убили его!»

А потом был Костёр. Книги, противные духу нации, свалили на площади и под громкие речи о великом будущем подожгли. Школьники обязаны смотреть. Могла ли Мелисса не поднять книгу, упавшую прямо к её ногам, если это - Платон?! Такой же, как у дедушки...

Вернувшись домой, она видит пустые стеллажи и дедушку, одряхлевшего в один день. И делает бесповоротный выбор между дедушкой и «великим будущим».

И что должно было произойти, чтобы вскоре такой же выбор сделала и Мирто, расставшись со своей мечтой о «командирстве»?!

А Никос, их самый лучший в мире брат, появится ещё раз, пред тем, как исчезнуть навсегда: - Барс не погиб! Его ранили, но теперь он уже здоров! И завтра он унесёт меня туда, где я очень нужен. В Испанию. Я буду сражаться на стороне тех, кто поёт!

И всё же... для нас это были «дела давно минувших дней». Фашизм – это ведь целую вечность назад, когда наши родители были маленькими. А книг про ребят, одновременно «настоящих» и сегодняшних почти не было...

Мы, старший отряд пионерского лагеря «Заполярик» в Геленджике, в 1974 году совершили для себя настоящее литературное открытие: писателя **Владислава Крапивина**. Несколько номеров журнала «Пионер» передавались из рук в руки, напечатанная в них «с

продолжением» повесть «**Мальчик со шпагой**»- читалась взахлёб! И не беда, что кому-то достался журнал с продолжением, а кто-то начал читать и с конца. Найдётся добрая душа, перескажет начало...

Казалось бы - незатейливая повесть о буднях пионерского отряда. Но её герои... Это были мы. Книга была абсолютно про нас! Генка-кузнечик, Наташа, Митя, Данилка - все они не просто узнаваемы, а знакомы, как одноклассники, как друзья. Им интересно всё на свете, они готовы любить целый свет, они стараются его понять - но при этом хотят, чтобы и ими интересовались, и их любили, и их понимали. Если встречается такой взрослый - за него готовы отдать душу. Такой, как Олег, ребячий вожак по призванию.

А главный герой повести, Серёжа Каховский... он, пожалуй, лучше нас. Но это не идеал, совсем нет! Он только чуть-чуть лучше, ровно настолько, насколько мы хотели бы «улучшиться» и сами.хлопот своим наставникам он доставляет больше, чем все остальные, вместе взятые. Но только ему и пригодятся уроки фехтования, полученные у Олега - чтобы задержать преступника. А его чувство собственного достоинства, умение доказательно спорить, отстаивать свою позицию перед любыми «взрослыми» - это восхищало.

Поначалу автор думал ограничиться рассказом только об одном дне из жизни Серёжи, и написал повесть «**Всадники со станции Роса**».

На крошечной станции мальчишка ждёт поезда. Ждать долго, полдня. Но назад он ни за что не вернётся - ведь он ушёл из пионерского лагеря. Не сбежал, а объявил, что уйдёт - и ушел. Не мог остаться там, где считается нормой чтение чужих писем - письма подопечных читает лично директор.

А ведь хорошо там было. Особенно после отбоя, когда никому ещё не хочется спать, и едва знакомые мальчишки начинают рассказывать...

В один из таких вечеров Серёжка и рассказал свою сказку про Всадников: однажды, когда он был ещё маленьким, была страшная гроза, а окно оставили открытым. И с подоконника исчез отряд игрушечных будёновцев. Они умчались туда, где грохотали взрывы, туда, где они нужны! А потом пришли к нему во сне. И командир сказал:

- Если тебе будет плохо - позови, и мы придем. Скажи только: «Эскадрон, ко мне!» - и знай, что мы рядом!

Серёжку попытались вернуть в лагерь силой. Скрутив руки и издеваясь:

- Ну давай, давай, зови свой эскадрон! Громче, громче кричи: «Эскадрон, ко мне!»

И только были произнесены эти слова, на поляну вылетели всадники. В будёновках! Подхватили ничего не понимающего Серёжку и ускакали, оставив далеко позади обалдевших обалдуев!

Чудо?! Но что такое чудо, если не редкое стечение обстоятельств? А значит, чудеса хоть и не часто, но бывают! И творить такие чудеса по силам каждому...

А во второй части повести - школа. С её главной проблемой - малоадекватными, а то и просто невменяемыми учителями. Нет, есть и замечательные, но что - то в школе сильно не так, если не они - хозяева положения.

И в свободное от школьной повинности время ребята выстраивают свой, параллельный мир - ОТРЯД. В котором найдётся место любому с любой идеей - но лжи и подлости здесь быть не может. Даже трусость готовы простить - но не двурушничество.

А большое дело, которого хватит на всех - это съёмки фильма «Три мушкетёра». В этом безудержном фанфике Дюма ни за что бы не узнал своего творения! Но не обиделся бы - ведь с юмором у него было всё в порядке.

Найти в интернете фильм «три мушкетёра», снятый киностудией «ФИГА», совсем несложно. Как же так? Книга художественная, отряд выдуманный, а фильм - настоящий? Этот секрет раскрыл сам писатель: отряд НЕ выдуман. Пионерским отрядом «Каравелла» Владислав Петрович руководил сам. Вот почему люди и события в книге - прямиком из жизни.

Чем по своей психологии отличается семилетний мальчишка от себя самого - шестилетнего? Да, конечно, семилетний - это уже школьник, появились обязанности... Ну а восьмилетний от семилетнего? На этот вопрос ответит не всякая мама, не то, что педагог! Как же внимательно и вдумчиво нужно относиться к «своим» пионерам, чтобы эту разницу увидеть. И рассказать о ней так, чтобы зачитывались и ровесники героя, и их родители!

Повесть **Владислава Крапивина «Мушкетёр и фея»** состоит из пяти рассказов, и в каждом - по одному эпизоду из жизни Джонни Воробьёва. «Джонни» - это прозвище, пришедшее прочнее имени - вот есть что-то в нём такое... книжно - приключенческое.

В первой повести Джонни шесть лет, во второй - семь... и в последней - одиннадцать. Перемены, почти неуловимые - но явные. На глазах читателя «приготовишка» превращается в подростка.

Дошкольника, «херувимчика» с золотистыми волосами никто ни в чём не заподозрит. Не то что недогадливые дачные соседи, но даже и банда рогатых викингов - местного малолетнего хулиганья. И вот - викинги посрамлены так, что охота терроризировать малышню у них пропала надолго, если не навсегда! «Страшную месть» придумал и осуществил шестилетка!

В семилетнем Джонни проснулся инстинкт исследователя - натуралиста. Он уверен, что странные следы возле речки принадлежат если не динозавру, то уж по меньшей мере - крокодилу! Подстеречь! Выманить! Исследовать! Описать! Пусть эпохальное открытие не состоялось - состоялся человек, способный совершать открытия.

Потом будут сложности, взаимное непонимание и с родителями, и с учителями. И неожиданный, но самый настоящий аристократизм, когда в ответ на все незаслуженные унижения десятилетний человек поведёт себя так, что читателю захочется вспомнить цитату из Шиллера: «Здесь могут с нами низко поступать; унижить нас - не могут!»

Будет и неожиданная дружба с ... директором школы. И неожиданное понимание того, что директор - тоже существо подневольное, тоже замученное казёнщиной. Но он, по крайней мере, может уйти - а ученикам деваться некуда.

А то приключение, которое читатели, пожалуй, назовут «первой любовью»? Самому Джонни такое определение и в голову бы не пришло, просто... такая она хорошая, эта фея - Катя, что даже подойти - заговорить как-то неудобно. Пришлось быть и остроумным, и изобретательным и, без преувеличения, мужественным, чтобы просто оказаться рядом. Познакомиться, не вызвав ничьих насмешек.

Это отношение к девочке, как к существу более высокого порядка, внимание которого надо заслужить, стать для этого лучше - настоящие пробуждение Мужчины.

И на последних страницах Джонни - уже «ветеран жизни» в глазах новых первоклашек. А как же - ведь он уже в пятом! И знает, и понимает, и

умеет всё на свете, даже во главе команды малышек набрать «материал» по всем помойкам - и соорудить Змея Горыныча на страх всему городу!

Пять лет - огромный срок в жизни мальчишки!

И почему эти огромные годы с годами ... если не забываются, то сливаются во что-то единое, довольно скучное и однообразное? Почему и как из великолепных мальчишек получаются взрослые, серенькие и невзрачные?

А вот такое беспощадное расследование **Владислав Крапивин** провёл в повести с «детсадовским» названием: «**Гуси - гуси, га - га - га!**»

Где - то в уютных «Европах»...

Жизнь хороша до приторности, хороша до отвращения. Немножко поработаешь в офисе, в компании симпатичных «хомячков» - и возвращайся на собственной машинке в собственный дом, снабжённый всеми удобствами, вплоть до имитатора погоды. Нравится -

зима - сделаешь за окном зимний пейзаж. Поплескался - полакомился - и устраивайся с баночкой пива у телевизора, смотреть тысяча первую серию «про пиратов». Людей, которым шпага в руках была привычнее, чем тебе - фломастер. И можно спокойно философствовать о неких тайных струнах души, которые поют от одного упоминания «плаща и шпаги». И почти верить в то, что были времена настоящих чувств, настоящих опасностей, настоящей жизни. Как, а разве у него, Корнелия Гласа, жизнь какая - то ненастоящая? Все так живут... И, если совсем уж начистоту, не о такой ли жизни мы мечтаем? Чтобы все блага - и с полной гарантией?

Есть профессия - художник. Наверное, Корнелий рисует хорошо, но - только там, на работе. Ни в коем случае не в свободное время, не для себя. Значит - равнодушный ремесленник.

Есть жена. Ничем она не плоха, но... вот уехала в отпуск - и понятно, насколько без неё лучше. Никто не оторвёт от сериала вопросом «Не хочешь ли починить соковыжималку?»

Есть потомство, но оно звонит раз в год. Просто докладывает, что оно живо. Проверяет, живы ли ещё «предки»?

Получается, нет ничего, кроме иллюзий? Но помилуйте, какие же это иллюзии - заработанная с минимальными усилиями полная и гарантированная сытость? Это же вечная мечта человечества, утопия!

Стоп... а это - Крапивин?! Не однофамилец? Но ведь это не о подростках, не о нашей жизни, и вообще... не о нашем времени! Однако, интересно, что может произойти такого, чтобы нарушилась эта идиллия?

Но вот - казённый пакет из почтового ящика. Уведомление. Приглашение на казнь. Нет, речь идёт не о публичном зрелище. Корнелий Глас уведомляется о том, что за переход улицы в неполюженном месте он был внесён в «миллионный список», то есть бесстрастный компьютер приговорил к смерти одного из миллиона мелких правонарушителей. И этим единственным оказался он, Корнелий Глас. Ему предлагается добровольно явиться в тюрьму для приведения приговора в исполнение.

Так чем же отличается Утопия от своей противоположности? От антиутопии? Только отсутствием свободы выбора! Здесь у каждого есть «индекс» - подкожный излучатель, заменивший все документы. Он - гарантия медицинского контроля, образования, наилучшего трудоустройства, полного благополучия... в обмен на полную лояльность. А нарушителю от представителей системы не скрыться! Корнелий об этом даже не помышляет, не видит смысла. Ведь если даже он каким-то чудом спасётся, у него больше не будет ничего - ни работы, ни денег, ни дома. Всё равно это будет не жизнь, уж лучше так... сразу...

Любезные тюремщики объясняют, что сегодня пятница, палач уже ушёл, и до понедельника не появится. Только через двое с половиной суток «на кушеточку... укольчик... и вы просто больше не проснётесь». А пока - надо же чем-нибудь заняться? Так присмотрите за детьми. У нас тут дети асоциальных элементов, «безынды». То есть дети тех, кто не согласился снабдить своих детей подкожным излучателем - индексом. Изгой, от которых общество не знает, чего ждать, и на всякий случай - изолировало.

Запуганные дети играют лишь тогда, когда им кажется, что на них не смотрят. Игра какая - то малышова... Под присказку «Гуси - гуси, га-га-га!» каждый из них пытается прорваться через строй «охраны» и улететь... на какие - то «зелёные луга». Игра в побег? Мечта о воле?

И когда в тюрьме появляется мальчишка-чуть-лучше-других (вот, наконец, крапивинская нотка!), когда он не затаённо мечтает, а откровенно бунтует, Корнелию, наконец, становится стыдно! За общество, за систему, за тюремщиков, но прежде всего - за себя: «Если они не сдаются - почему сдался я?!»

Превращение обывателя в борца, растущее понимание того, что «всё есть» - это совсем не синоним понятия «жизнь» - и схватка с системой, готовой уничтожить людей, «потенциально опасных». С системой, которая казалась непобедимой.

А «смертный приговор» в конверте оказался... розыгрышем. Но за несколько дней пожилой офисный хомячок изменился настолько, что почти благодарен за эту милую шуточку своему дураку - приятелю!

Невероятно запоздалое взросление?

Но есть надежда, что читатель не захочет задержаться в состоянии «полувзрослости» до седых волос. Что откроет для себя секрет взросления – и не преминет им воспользоваться!

И уж во всяком случае поймёт, что опустить руки и просто умереть – это не выход. Это просто побег из жизни. Или слабость, или трусость, или глупость.

Но бросать такие упрёки героям любимым?! Нет, нет, какие же они самоубийцы...

Казалось, пьесы можно читать только по обязанности. Правда, обязанность эта была не тягостной, а даже радостной - ведь всё «программное» читалось в классе по ролям. Но всё же трагедия, которую прочли абсолютно все и абсолютно добровольно, была только одна. **«Ромео и Джульетта» Шекспира.** По причине фильма Дзеффирелли, который вышел у нас на экраны в 1972 году. Это было откровение, это было паломничество. Толпой сметали растерянных билетёров, объяснявших нам, что «это - до шестнадцати нельзя!» В самом деле, смешно запрещать «до шестнадцати» фильм о тринадцатилетних...

Читали, сравнивали, так ли всё в фильме, как в книге? Неловко было узнать, что принц Парис у Шекспира любил Джульетту ничуть не меньше, чем любил её Ромео. И точно так же пришёл к её гробу, чтобы умереть! И Ромео прежде, чем выпить яд, убивает неудачливого соперника... трагедия, которую из фильма режиссёр просто убрал, изобразив Париса старым, наглым и неспособным любить.

Но сами главные герои - от них, казалось, исходило сияние! Это была та «любовь на выходе из детства», которая возможна лишь раз в жизни. Такая свежесть чувств, такой накал страсти, что никакого воображения не хватало представить себя на их месте. Можно было только завидовать. И понимать, что смерть в объятиях любимого - удел ничуть не менее прекрасный, чем «жили они долго и счастливо».

Но почему они погибли?

В глубине души мы знали ответ, но очень уж не хотелось произносить его вслух: потому, что такие чувства не бывают навсегда. Может быть, они не бывают даже надолго, и именно поэтому автор «уместил» всё действие в ... один день?! Это - вспышка! Яркая молния, озарившая мрачную, склочную, кровавую жизнь солнечной Вероны. Но если бы

такой вывод сделал и преподнёс нам какой-нибудь многоопытный «взрослый» - возмутились бы. Очень уж хотелось верить, что - пусть редко, но - бывает Вечная Любовь! А ребятам просто не повезло - враги... а кто их враги? Родители?!

Вот эти несчастные, которые так хотели видеть своих детей счастливыми? Да ведь их достаточно было поставить перед фактом: «Бог нас соединил - и люди не должны разлучать!» Не решились... Побоялись... Взрослая, необъятная любовь свалилась на детей - и убила их. Как стихийное бедствие! И это очевидно, кроме фильма Дзеффирелли, ещё в классических иллюстрациях Дементия Шмаринова. Два автора, которые вернули героям их возраст! Пусть актёрам в фильме тоже не по тринадцать, а по 16-17 лет, но всё-таки не тридцать, как в большинстве спектаклей и экранизаций. А живописные полотна?

Есть и такие, где Ромео с бородой! Но ведь такая история могла произойти только с детьми...

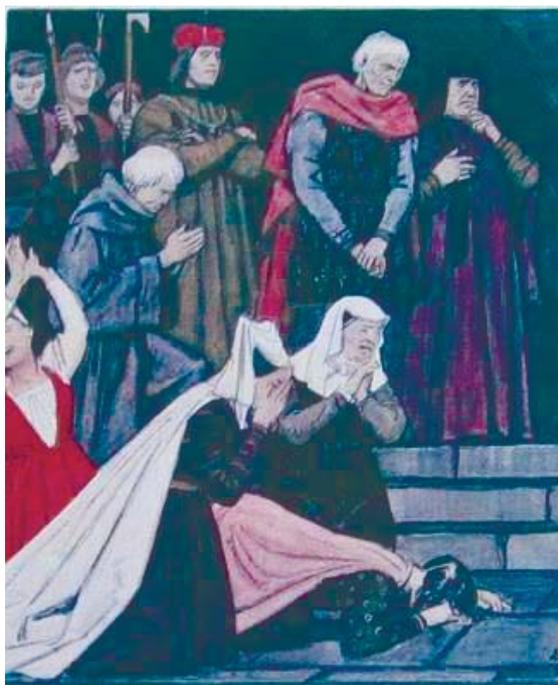
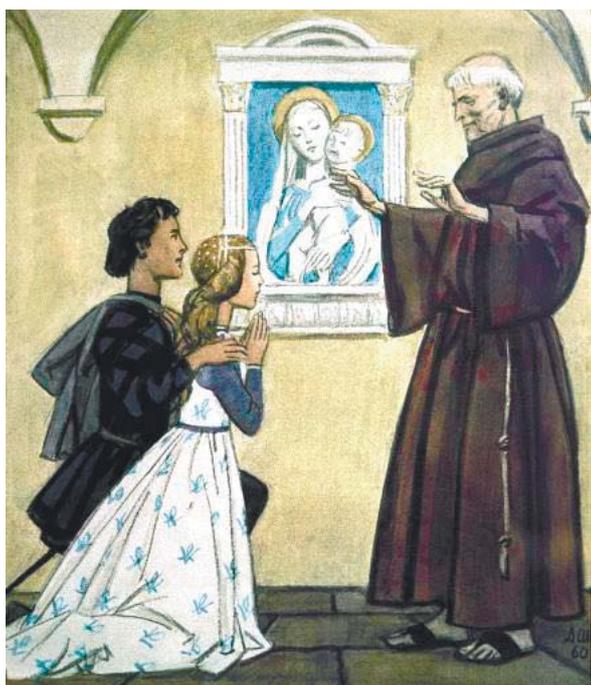
Да, мы это понимали. Но вслух говорилось совсем другое:

- А почему это мне нельзя целоваться?! Вон Джульетту мать уже просто выгоняла замуж! Говорила: «Сама я в твои годы давно уж матерью твоей была!»

- Так старухе Капулетти двадцать шесть лет?! Неужели это могло ждать и Джульетту...

Невинная шутка могла отрезвить лучше любой нотации. Вдруг становилось очевидным, что «целоваться» и «замуж» - это совсем не одно и то же. У них там, в странном мире средневековья, «замуж» - это «пока смерть не разлучит». А этих юных веронцев не разлучила даже смерть.

Подлинная история, превратившаяся в легенду задолго до Шекспира, для нас, ершистых подростков, стала толчком к самоанализу, самопознанию. Светлейшая трагедия!

К какому жанру отнести книги, написанные на основе радиопередачи? Радиосериала, не потерявшего популярности у подростковой (да и взрослой) аудитории на протяжении... 35 лет?!

В 1945 году два озорных энтузиаста, **Владимир Крепс и Климентий Минц**, задумали и осуществили ... классический кроссовер - **Клуб знаменитых капитанов**.

Авторам хватило любимой игры на всю жизнь!

Герои разных книг, составив постоянную дружескую компанию, свободно перемещались во времени и пространстве, переживая всё новые приключения. Предполагалось, что в клуб может войти любой литературный персонаж, имеющий чин капитана, но довольно скоро составила постоянная, немногочисленная компания. Это Гулливер, Робинзон, Мюнхгаузен, Тартарен, Дик Сэнд, Немо, Артур Грей и Василий Фёдорович, капитан корвета «Коршун» (Станюкович забыл придумать ему фамилию!)

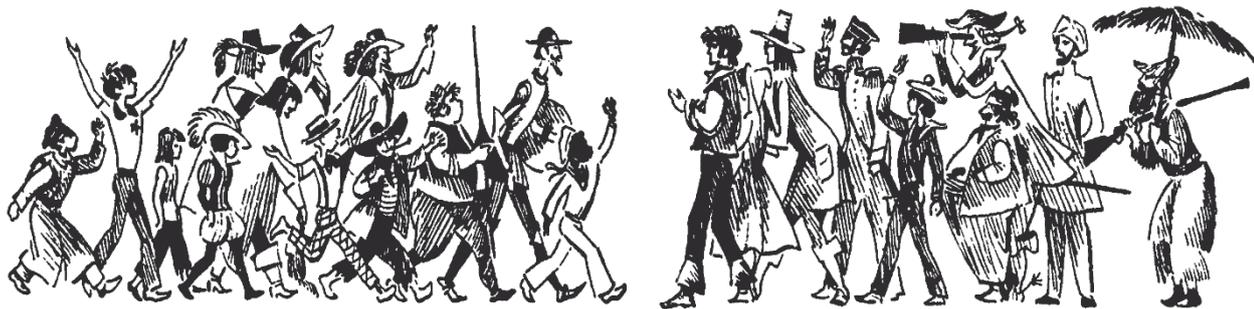
И как только в библиотеке на Арбате библиотекарь Мария Фёдоровна выключала электричество и запирала дверь, тут же в помещении таинственно загорались свечи в старинных канделябрах, и знаменитые капитаны, спрыгнув или спустившись по трапам со своих книжных полок, собирались за столом, чтобы спланировать очередное путешествие. И взять с собой, например, Петю - пятиклассника, получившего двойку по географии. Пусть своими глазами увидит, в чём он был неправ!

Потрясённый Петя узнает и об устройстве брига, и о порядках на корабле, и о путешественниках, бороздивших эти моря в поисках неведомого... Но враги капитанов, объединившись в команду пиратов-злодеев, сделают всё, чтобы помешать им вернуться к читателям! Обидно отрицательным персонажам - ведь без них книги не были бы такими интересными, а между тем, вся слава достаётся не им!

Но везде, в любой стране, в любом времени, в любом месте - даже на дне морском! - у капитанов найдутся друзья. И вовремя придут на помощь.

Случалась капитанам и растеряться, попав туда, где человек до неузнаваемости изменил земную поверхность, и картам, даже выпущенным недавно, уже нельзя доверять! Новые города, новые водохранилища, цветущие степи на месте пустынь и дороги в тайге,

прежде непроходимой... Случалось и попадать в те времена и страны, где у них недруги начинали допытываться с пристрастием, кто из них чистокровный, а кто «цветной»! И почему они терпят цветных, и даже с ними дружат...

То, что началось, как познавательная, научно - популярная телепередача, превратилось в увлекательную литературную игру с участием десятков героев книг. Подбор этих книг не был случайным - только и исключительно те, которые составили «золотую полку» - неперенный круг чтения трёх и более поколений русских читателей. Те, герои которых были одинаково дороги дедушкам, родителям и детям - подросткам. Ближайшая цель игры была в том, чтобы приохотить детей к чтению (и выполнялась!). Как же не прочесть книги, из которых явились для совместных приключений члены этого славного клуба? Как не узнать, что из себя представляют их друзья и помощники, явившиеся из других романов? Но была у авторов цель и более отдалённая - в том, чтобы не дать заглухнуть нормальной любознательности. Ведь в каждой серии попутно, ненавязчиво сообщалось столько интереснейших сведений по истории, географии, астрономии...

Да, сегодня «Золотой полки» больше нет - книги, некогда составлявшие её, не выдаются в библиотеках десятилетиями! Но разве ещё кому-нибудь не очевидно, что на другой литературе детей не воспитаешь? Что «витамины духовного роста» - это не то, отчего можно отказаться безнаказанно?

А несомненной приметой книги, которую стоит прочесть, было для нас оформление обложки: золотая рамка, составленная из скрещённых шпаг и ветвей тропических растений. Именно так выглядели книги «Библиотеки приключений».

Приключения могли быть реальными и полусказочными, земными и космическими, в прошлом и в будущем: серия объединяла литературу собственно о приключениях, о путешествиях и географических открытиях, и «беспризорный жанр», так долго не считавшийся «настоящей литературой» - фантастику!

Как же, в какой момент новые мальчишки отвернулись от старых книг, проверенных поколениями их личных предков?

Начало девяностых лет двадцатого века. Корреспондент подходит к компании подростков, с американским шиком потягивающих новомодную «Пепси-колу»: «Вам действительно нечем заняться?»

- А что нам делать. Книжки, что ли, читать?!

Брезгливые гримасы подтверждают, что ничего, глупее чтения книжек, нет и быть не может!

И тут же - библиотекарь говорит, как о свершившемся факте:

- Провал цивилизации... Вот, «Робинзона» никто не спрашивал уже десять лет!

Они не встретятся, и библиотекарь не скажет подросткам, что для их кумира - Америки роман **Даниэля Дефо «Робинзон Крузо»** - вторая книга после Библии. Вторая и по популярности, и по значимости. А для нас это, вроде бы, книжка подростково-приключенческая... Увлекательная, но... почему англоязычный мир считает её неким краеугольным камнем, лежащим в основе всей цивилизации Запада?

Можно ли ответить на вопрос, какой народ самый «бунташный», самый революционный? В 17 веке мир был уверен, что это - англичане. И дело тут не только и не столько в Английской революции, потрясшей Европу в середине столетия, дело в совершенно новом понимании сущности человека, цели и смысла его пребывания на земле.

«Твоя судьба в твоих руках» - провозгласили пуритане, не признававшие над собой никаких господ, кроме Бога. А Бог послал человека на землю для труда. Труд - не проклятие для потомков Хама, а долг перед Творцом и собственной совестью! «Труд - та же молитва».

Вот к какой культуре принадлежал Робинзон Крузо, моряк из Йорка. Прежде, чем попасть на необитаемый остров, он побывал в плену у мавров, бежал вдвоём с негрятёнком Ксури, пережил вместе со своим спутником множество опасностей, а затем...выгодно продал Ксури капитану случайно встреченного корабля.

Совесть, правда, тревожила: он потребовал у капитана обещания «хорошо обращаться» с мальчишкой. Но какая выгодная сделка! Не заняться ли работоторговлей? И найдя компаньонов, Робинзон отправляется к берегам Гвинеи за чёрным товаром!

Но вот - потеря кораблём курса - страшная буря - гибель капитана и всей команды - необитае-

мый остров. Одинокое заключение на 28 лет.

Дальнейший рассказ - настоящий гимн человеческой воле. Не позволяя себе опуститься, «жить, как зверь», Робинзон выстраивает вокруг себя не просто «человеческую», но и вполне английскую жизнь. Крепость - на случай вторжения врагов, дом с мебелью, чтение книг, взятых с корабля, ведение дневника...

Почувствовав, что скоро разучится говорить, Робинзон обучает попугая - просто, чтобы слышать человеческую речь. Последовательно он проходит ступени развития человечества: собирательство, охота, рыбалка, земледелие, скотоводство...

Иногда автор иронизирует над своим героем. Вот Робинзон нашёл на корабле деньги:

- Ненужный хлам! - воскликнул я, и положил их в карман.

А вот, обнаружил проросшие колосья ржи и ячменя. Уверен, что это сам Господь послал - позаботился о его пропитании! С благодарностью воздевает глаза к небу и видит... мешок из-под зерна, который сам же закинул на крышу! Это из него выпали последние зёрна - и проросли.

Умом Робинзон понимает, что его остров - настоящий земной рай, «таким владениям мог бы позавидовать любой лорд». Но человек не создан для одиночества! И однажды он чуть не сходит с ума от горя - когда его не заметили на проходящем корабле...

А потом - схватка с людоедами ради спасения их пленника. Разве можно было заранее предугадать, что молодой индеец окажется толковым учеником и отличным другом? Одиночество кончилось с появлением Пятницы.

Будет и бой с пиратами, и спасение испанцев, католиков, которых в «нормальной» жизни Робинзон считал бы врагами.

Что же это?! Полжизни в одиночестве - для того, чтобы переоценить свои прежние поступки? Чтобы извлечь из жизни самый ценный урок: люди делятся не на белых-чёрных-красных-католиков-протестантов-испанцев-англичан, не на первый-второй-третий сорт, а просто ... на людей - и существ, недостойных этого звания!

Взгляните на карту: в Тихом океане у западного побережья Чили два маленьких островка. Один из них называется «Остров Робинзона Крузо».

Единственный остров имени литературного героя!

А современник и соотечественник Робинзона **Гулливер** - вот уж с кем мы все знакомы с самого детства! Само имя героя **Джонатана Свифта** стало нарицательным. «Гулливер» - это «великан»...

Но интересно - обрадовала бы автора такая слава? Или наоборот?

Дело в том, что девять читателей из десяти знакомы с Гулливером по... мультфильмам! В лучшем случае - по детским изданиям, очень - очень вольным пересказам, из которых «соавторы» беспощадно выбрасывают всё «не детское». Получается очаровательная «сказка про лилипутов и великанов». Но даже в сказке кажется странным: почему лилипуты считают потерянным для истории время, когда они не воевали (за идею разбивать яйцо с тупого конца, а ни в коем случае не с острого), а великаны держат армию лишь для того, чтобы воспитывать мужчин - мужчинами? Почему в Лилипутии Гулливера осудили за миролюбие, а король великанов сторяча обозвал его злобным карликом за одно только намерение поделиться секретом пороха?

В чём разница, если в обеих фантастических империях правят короли? Только в мере их разума и гуманизма!

Но снимем с полки полное издание, и прочтём о том, как Гулливер, исполненный патриотического пыла, расписывает королю прелести демократии! «В Парламенте заседают те, кто служит украшением и оплотом королевства. Это собрание перворазрядных джентльменов, свободно избранных своим народом, за их великие способности и любовь к родной стране!» Король уточняет, «не было ли случаев, когда люди попадали в это высокое собрание по прихоти короля или за деньги? Все ли они настолько независимы, беспристрастны и чужды корысти, что могут устоять против подкупа, лести, узких партийных соображений? Не может ли кто-нибудь убедить избирателей голосовать за него с помощью тупого кошелька?» И делает вывод, который Гулливеру даже неудобно повторить...

А летающий остров Лапута с его Академией, занятой, помимо всего прочего, получением солнечной энергии из огурцов и составлением гениальных романов «с помощью множества слов, написанных на табличках»? А струльбруги, владеющие тайной бессмертия? Услышав о таком племени, Гулливер размышлял о том, как он, имея впереди вечность, потратил бы первую жизнь на скучнейшее дело - зарабатывание денег, а уж потом... Купил бы лучший в мире корабль, собрал бы команду из лучших друзей, и открыл бы на нашей планете всё, что ещё не открыто!

Но оказалось - эти бессмертные к концу своего первого столетия утрачивают всякую любознательность, всякий интерес к жизни. Только сидят и поминают друг другу обиды трёхсотлетней давности...

Но оказалось - эти бессмертные к концу своего первого столетия утрачивают всякую любознательность, всякий интерес к жизни. Только сидят и поминают друг другу обиды трёхсотлетней давности...

Но оказалось - эти бессмертные к концу своего первого столетия утрачивают всякую любознательность, всякий интерес к жизни. Только сидят и поминают друг другу обиды трёхсотлетней давности...

А разумные лошади и люди, добровольно отказавшиеся от своего преимущества - разума?

От людей здесь ничего не требовали и не ждали, и через пару поколений в них уже трудно признать людей. Хотя их представление о власти, определённно, человеческое: вождю они усердно вылизывают зад! А процесс отстранения вождя от власти состоит в том, что его обмазывают дерьмом... честное слово, это написано не сегодня!

Йеху - тупые и злобные существа, живущие только сиюминутными прихотями, только инстинктами, самый мощный из которых - жадность. Причём жадность совершенно бессмысленная! «Если дать одному йеху еды для десяти йеху - будет есть, пока его не начнёт рвать. Остальное спрячет, и отдаст только за блестящий камень!» Единственная память о цивилизации - представление о ценности алмазов, которые на этом чудесном острове просто валяются на берегу. Но, чтобы не уподобиться мерзким тварям, Гулливер их подбирать не станет!

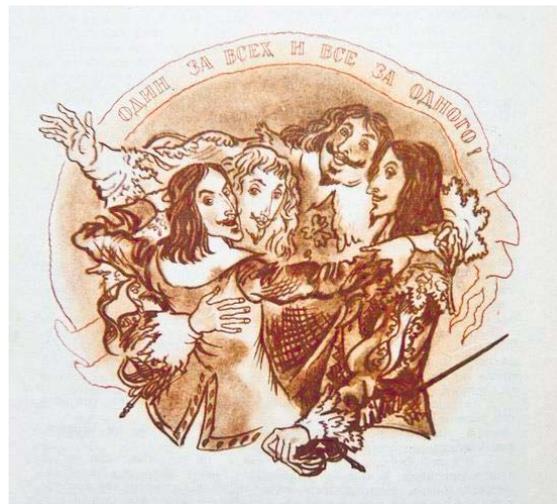
Итак, если от человека ничего не требовать, не подавлять его животное начало - он неизбежно вырастает животным. Всякое воспитание - это насилие с целью превратить особь в ЛИЧНОСТЬ. Почему Свифту в его восемнадцатом веке это было ясно, а сегодняшним детозащитникам - нет?!

Но увы... все рассуждения Свифта о природе общества, государства, человека - останутся неизвестными тем, кто не перечитает «Гулливера» в зрелые годы.

Неужели это – сознательный расчёт: подsunуть вместо шедевра – убогую пародию? А вoсь, обманутый читатель не доберётся до подлинника...

Именно это я заподозрила, увидев в книжном магазине огромную красочную книжку «Три мушкетёра». На обложке значилось «Александр Дюма», но текст этого комикса был похож на авторский меньше, чем обёртка жвачки на живописное полотно! Весьма вольный пересказ... первой части книги. Что там было дальше – это «пересказчик», очевидно, счёл слишком сложным для детей. А может, и вредным?

Роман **Александра Дюма** для нашего поколения - не просто книга - веха жизни, не просто книга - эпоха. Безо всякого преувеличения это была книга - вторая жизнь! Читая и перечитывая, пересматривая фильм (франко-итальянский) по многу-многу раз, без конца обсуждая и иллюстрируя, усердно размахивая лёгкими спортивными рапирами, мы буквально жили в двух параллельных мирах. В своей скучной школьно-домашней обыденности - и в дерзком, галантном, благородно-возвышенном семнадцатом столетии. Простительное заблуждение для тех, кто прочёл Дюма раньше, чем Мольера!

Но всё же - чем объяснить любовь, столь бурнопламенную?

Оценивать политические симпатии господ мушкетёров, или давать их поступкам юридическую оценку - такое и в голову не могло прийти. Герои были просто идеальными! Или всё же не совсем? Ведь «идеальные образы» должны быть непроходимо скучными? А здесь так легко вообразить себя «внутри» романа, одним из героев! Кем?

При первом знакомстве, конечно же, д`Артаньяном! Ближе всех по возрасту и по ощущению жизни, как сплошной череды новостей, испытаний, возможностей. Ему 18 лет,

а значит (по нашим тогдашним понятиям), он только что окончил школу, и вот - взрослая жизнь. Работа (шпагой). И все его беспричинные вроде бы поединки совсем не казались глупыми - это были ежедневные экзамены, которые герой устраивал сам себе. И не просто выдерживал, а сдавал блестяще!

Прочтёшь второй раз, повнимательнее-повдумчивее, - акценты чудесным образом сместятся. И ты уже Арамис. Драки для доказательства собственной храбрости - пройденный этап, а должность дворцового охранника - совсем не предел мечтаний. Правда, фразы типа «в мушкетёрах я лишь временно» воспринимались едва ли не как готовность изменить дружбе, но ведь Арамис единственный, кто поставил перед собой цель - и движется к ней. Учится! И пишет стихи. И любит.

Совсем не напоказ, не хвастаясь очередной «победой». О его любви друзья и узнали-то случайно...

Примерить на себя роль Атоса в 14 лет куда сложнее. Ведь он старше всех остальных не только годами. У него есть «прошлая жизнь», тайна, завесу которой он едва приоткрывает. Актёр в фильме изображает эту таинственность, почти не меняя выражения красивого лица и трагических интонаций, а в книге было не так! В книге как раз Атос выглядит самым неожиданным - непредсказуемым, то «почти стариком», то весёлым товарищем д*Артаньяна. То образцом благородной сдержанности, то мрачно-наглым разорителем винного погреба...

Портос?

Вот на него походить, как будто, никому не хотелось - простак! Но какие неожиданные результаты дал простой опрос (из журнала): «Кого из мушкетёров вы выбрали бы себе в друзья?» Имелось ввиду, что только одного. И почти все, весь класс, выбрали именно Портоса! Вдруг стало очевидно, что добрый, бесхитростный великан в чём-то сродни былинным богатырям. Тот, кто всегда готов подставить плечо (и какое плечо!) Тот, кто никогда не заподозрит в лукавстве тебя. А что любит прихвастнуть - что за беда, стоит ли разоблачать столь невинное хвастовство? И к тому же, заметьте, только у Портоса слуга - скорее, друг, чем слуга.

А главное - «великолепная четвёрка» - это нечто большее, чем просто сумма персонажей. Это как будто целое, самостоятельное существо, в котором каждый, при всей разности характеров, идеально дополняет друг друга. «Друзья, готовые пожертвовать друг для друга всем, от кошелька до жизни»...Есть у нас такие друзья? Умеем мы сами быть такими друзьями?

И что ещё было очень важно - кодекс чести. Кодекс конфликта, понятие о тех рамках, за которые нельзя выйти ни в коем случае. Можно убить, но нельзя оскорбить. Нельзя! А мы были вынуждены глотать оскорбления каждый день (школа!). И выстраивали свой, внутренний мир. Да, с идеалами, вычитанными из книг, но всё же это были идеалы!

Честь и хвала писателю, воспитавшему понятие о чести, о самодостаточности, подарившему силы для противостояния пошлости всем, кто только потрудился прочесть его книги!

А книги о перспективах науки – это «сложно»? «Преждевременно»? Может быть, и так. Но тем и замечательны книги, пережившие века, что в детстве они читаются, как приключенческие, а их философское содержание становится очевидным тем, кто к ним вернётся. И не странно ли, что одна из таких книг «на вырост» написана автором, далеко не достигшим «возраста философа»?

История создания этой книги интересна, пожалуй, не менее чем её содержание. 1818 год. Два гения английской литературы Байрон и Шелли отдыхают на Женевском озере. «Отдыхом» у них называлось благородное соревнование в создании поэтических шедевров. А юная жена Шелли, восемнадцатилетняя Мэри, чувствовала себя не у дел. Почему бы и ей не принять участие в творчестве? В конце концов, она из литературной семьи - и отец, и мать её были писателями...

Девочке вручили толстую тетрадь - и даже не спрашивали, чем она её заполняет, в полной уверенности, что ничего, кроме девичьих грёз там появиться не может. Не может - и всё.

А через два месяца потрясённые гении прочли «Франкенштейна». Книгу, которой суждено было занять прочное место в английской классике, но жанр этого сочинения при жизни автора не смогли определить! Это сегодня мы знаем, что «Франкенштейн» - фантастический роман, а его автор - основатель нового жанра. Научной фантастики.

Виктор Франкенштейн - последний алхимик. В его просвещённое время «средневековая псевдонаука» давно осмеяна и забыта, но он унаследовал старинный замок с огромной библиотекой, большею частью состоящей из произведений предтеч будущей науки - химии. И заразился их мечтой - постичь тайну жизни. Для начала создать живое существо из неодушевлённой материи, а затем... Головокружительная перспектива - победа над смертью! В мечтах Франкенштейна нет ничего эгоистического - подобно Прометею, он бросает вызов богу, в надежде осчастливить человечество.

И вот - «Адам нового мира» создан. Сшит из частей трупов и оживлён. Об одном не подумал творец - не позаботился придать ему внешнее благообразие. И когда с анатомического стола поднялось страшилище, автор сам в ужасе шарахнулся от своего творения... Тот, кому создатель даже не позаботился дать имя, тот, кого люди будут называть только «уродом» - новорожденное существо с чистой душой. Он бесстрашно идёт навстречу людям, надеясь на понимание, он очень хочет быть полезным. Тайком помогает молодой семье по хозяйству (и они хвалят своего доброго «домового»), но стоило показаться им на глаза - «друзья» в ужасе спасаются бегством от «монстра». И это ещё лучшие среди людей, от других искусственное создание получает то камни, то пули... В него стреляет человек, у которого он спас тонущего ребёнка!

И тогда «монстр» находит своего творца:

- Единственное, что может примирить меня с жизнью... всё живое создано парами! Если ты создашь для меня женщину, ты нас больше не увидишь. Поселимся где-нибудь в джунглях Амазонки.

- Чтобы дать начало племени уродов?! Я могу создать такую же уродину, как ты, но что если ей понравиться не ты, а нормальный мужчина?!

- Я мог бы убить тебя, но одиночество хуже смерти... и ты познакомишься с ним!

Один за другим гибнут все, кто был дорог незадачливому учёному... Безответственный творец понял, что создал силу, которая не могла не выйти из-под контроля. Силу, превышающую человеческую. Но несчастное создание не упивается мстостью - ведь он...любит! Безответно любит того, кого мысленно называет «отцом»...

Рекомендацией для незнакомой книги могла быть и фамилия автора на обложке. Могла, но становилась нечасто: как ни странно, авторов многих понравившихся книг мы не запоминали. Но «**Жюль Верн**» - это – гарантия!

В реальность этого человека многие современники просто отказывались верить. «Никакого «Жюля Верна» нет и быть не может! Это всего лишь псевдоним, под которым скрывается целое географическое общество!»! А что ещё можно было предположить, если за сорок лет написано 65 полновесных романов, не считая рассказов и очерков, как художественных, так и научно-популярных?

Неутомимый пропагандист науки оказался «предсказателем» аэростата и подводной лодки, самолёта и вертолёта, электродвигателя, радио, кино, телевидения... Его герои совершают кругосветные путешествия не только по земле и по воде, но и под водой, и даже по воздуху. То, что нас сегодня уже перестало удивлять, для девятнадцатого века было абсолютной фантастикой! Но если то, что для Жюля Верна было завтрашним днём человечества, для нас уже - позавчерашний, почему же его книги не забыты? Чтобы это понять, достаточно прочесть хотя бы одну. Вот, например, «**Двадцать тысяч лье под водой**»:

Что или кто может отправлять на дно многопушечные фрегаты?! Встречи с вражескими кораблями исключены, стихийных бедствий не было, а корабли загадочно пропадают! Это «нечто» всплывает из-под воды и исчезает под водой... И вот уже мистический ужас охватывает Европу: уж не сам ли это демон морской пучины Левиафан?! Но чем тогда объяснить то, что гибнут только и исключительно суда под английским флагом? Неужели морское чудовище имеет политические убеждения? Загадка, которую может разрешить лишь научная экспедиция.

И вот судно «Авраам Линкольн» тоже гибнет в схватке с «китообразным чудовищем»! Чудом спасаются только трое: учёный Пьер Аронакс, его слуга Консель и китобой Нэд Лэнд. Где очнулись эти люди, уже мысленно простившиеся с жизнью? Просторное замкнутое помещение с искусственным освещением, которое невозможно покинуть... в плену? У кого? Можно догадаться лишь, что это - корабль, но ведь таких кораблей просто не бывает!

Капитан, с которым пленники пытаются заговорить на нескольких языках, молчит. Не понимает или просто не удостоивает ответом? На европейца он не похож... но невозможно поверить, что столь совершенное судно построено и управляется не белыми людьми - этим передовым отрядом человечества! Наконец, капитан заговорил: пленникам он не оставляет выбора. Пожизненный плен или смерть. «Мы не можем обещать, что не попытаемся бежать!» - восклицают гордые европейцы, и капитан впервые улыбнулся: они ещё не поняли, где находятся? Подводная лодка! «Наутилус».

Очень скоро Аронакс убедится, что такой «плен» не будет скучным даже в случае «пожизненности». Кругосветное путешествие под водой! Уникальная возможность увидеть то, чего не видел ещё никто из людей. И описать, оставив своё имя в науке!

Подводный мир полярных широт и тропических, невиданные формы жизни, сказочная скорость передвижения - и полная невозможность связаться с внешним миром, или хотя

бы определить, где они всплывают, в каких районах? Но ведь всплывают, и капитан оставляет на берегу... сундуки с золотом. Для кого? Зачем? Кто он вообще такой, этот таинственный капитан, называющий себя «Немо». По-латыни «Никто»!

Если принимать на веру всё то, что Немо говорит о человечестве - большего человеконенавистника просто свет не видывал! Настолько разочарован в людях, что был бы счастлив никогда больше их не видеть, вот и скрылся в глубинах океана. И находит отраду в музыке - на «Наутилусе» есть решительно всё, даже орган.

А для кого же тогда золото? Для тех немногих, кто хочет остаться людьми, и борется с колонизаторами! Да, он отлично сознаёт, что на его деньги будет закуплено оружие. И это оружие будет стрелять. Это - единственный язык, который понимают «хозяева жизни» - европейцы... Да, его родина - колония Англии! Жюль Верн не был прекраснородным идеалистом. В идеале он видел будущее человечество единым, но на основе чего оно может объединиться? И возможно ли это в обозримом будущем, когда население земли бесконечно многообразно? Готовых ответов фантаст не даёт, но для сближения людей делает то, что может: на страницах его романов действуют люди всех рас и всех национальностей, неизменно находя общий язык, даже если они встречаются, как враги. Что может положить конец вражде и подтолкнуть к взаимопониманию? Почему в конце своей жизни «человеконенавистник» Немо становится таинственным «добрым божеством» для людей, которых он готов был считать врагами? И как могут стать друзьями даже люди, в обычных обстоятельствах не имеющие никаких точек соприкосновения?

Вероятно, для этого им надо создать условия, совершенно необычные... Такие, как в романе «**Пятнадцатилетний капитан**».

Если, например, корабль несётся по воле ветров и течений, а на нём - ни команды, ни капитана? Только пассажиры! Эта ситуация, созданная автором, конечно, достаточно искусственна. Но как этот сюжетный ход помог выявлению характеров «осиротевших» пассажиров!

А ведь начиналось плавание просто идиллически: капитан Гуль согласился взять на борт своего китобойного судна семью своего работодателя - судовладельца. Миссис Уэлдон, её пятилетний сынишка Джек, няня Джека Нэн и ещё один член семьи - кузен Бенедикт. Поначалу он - объект всеобщих добродушных насмешек. А как же ещё могут относиться практичные янки к выключенному из действительности чудачу - учёному? Энтомологу, помешанному на «букашках»?

Маленького Джека развлекает (лазит с ним по вантам) младший матрос, вчерашний юнга. Если бы автор не сообщил, что этому персонажу пятнадцать лет, читателю бы ни за что не догадаться: Дик Сэнд психологически - взрослый! Впрочем, сирота - подкидыш был просто обязан повзрослеть досрочно.

Спасение пяти негров и пса с потерпевшего крушение корабля - и команда пополнилась работниками, не слишком умелыми, но усердными. А как доволен энтомолог, что нашёлся для него заинтересованный слушатель - Геркулес! Молодой гигант, «способный заменить лебёдку», всерьёз заинтересовался тайнами мира насекомых...

Но вот кит одним движением хвоста переворачивает шлюпку с китобоями - и уносит в пучину команду во главе с капитаном. Дик Сэнд оказывается единственным, кто смыслит в искусстве управления кораблём. Капитан...

Впрочем, есть ещё один знаток морских наук - корабельный кок Негоро. Но он скрывает свои морские познания. Он портит компас и злорадно наблюдает, как корабль безнадежно сбивается с курса. Зачем? Это выяснится лишь тогда, когда корабль налетит на рифы

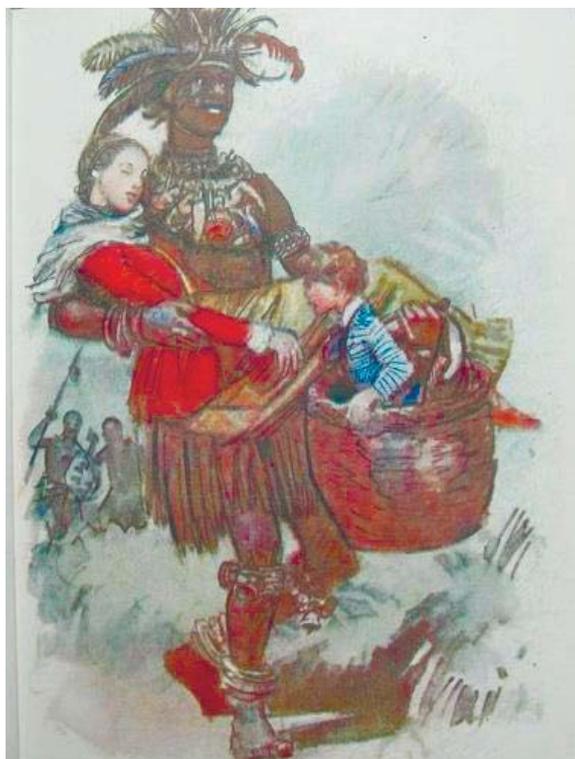

у неведомого берега, и измученные путешественники устремятся вглубь континента. Единственная «цивилизация» здесь - «контора по продаже чёрного дерева», скупка и перепродажа рабов! Африка...

Обычно «отрицательные» герои у Жюль Верна отрицательны весьма условно: просто люди, решившие побороться за существование, не слишком разбираясь в средствах. Но Негоро - один из немногих безусловных негодяев. Тех, кто на крови и страданиях делает деньги!

Судьба пассажиров «Пилигримма» решена - негры будут проданы, белые - освобождены за большой выкуп. А капитан, вызвавший «особую личную неприязнь» Негоро? О, ему приготовлена совершенно особая участь...

Но почему такой позор человечества, как работорговля - возможен? Ведь у Европы или Америки нет ни средств, ни человеческих ресурсов для вторжения в Африку! Решительно некому охотиться за живым товаром - неграми, ловить их и перегонять за сотни километров - на побережье. Африка пожирает себя сама. Сотнями и тысячами гонят в рабство пленников, захваченных в междоусобных войнах, африканские царьки! Не смешно, а почти страшно читать, как «насквозь проспиртованное африканское величество» сгорел, пригубив горящий спирт, и такую смерть его соплеменники сочли божественной! Устроили невиданные по размаху похороны, закопав и затопив живыми десятки людей, обязанных прислуживать королю на том свете.

Однако, в отличие от огромного большинства своих современников, автор не презирает расу, оставшуюся на первобытной ступени развития. Он задаёт вопрос: можем ли мы мириться с тем, что человек ещё не везде стал человеком? И если не можем и не должны - что делать? Запретить рабство - это даже не полумера! Одно несомненно - возможности развития у этих людей такие же, как у всех представителей вида Человека Разумного: самым разумным из попавших в беду героев оказался Геркулес! А ведь его дед был вывезен из Африки точно так же - на невольничьем корабле...

Внешне Геркулес ничем не отличается от подданных покойного короля - и как же великолепно он разыгрывает роль колдуна! Как «избавляет людей от нечистой силы» - белых пленников! Никто даже не понял, что это - побег!

Но преодолеть сотни километров по джунглям?.. Вот где самым ценным человеком оказался чудаковатый профессор! Разве без него люди, избалованные цивилизацией, смогли

бы прокормиться там, где ничего не купишь?

А капитан останется капитаном. Ведь у Дика не просто задатки лидера, но главное - чувство ответственности. То самое ценное качество, которое, собственно, и делает мужчину - мужчиной.

Расхожее мнение гласит, что в детскую литературу идут не самые талантливые авторы. Потому, что дети не ждут от книги психологических глубин, для них главное - сюжет, интрига, увлекательность. Но разве для создания захватывающего сюжета не нужен талант? Интрига - это то, над чем Жюль Верн чувствовал свою абсолютную власть! И придумать сюжет интереснее путешествия вокруг света - едва ли возможно вообще. Ведь это - и борьба со стихией, и преодоление огромных расстояний по совершенно безлюдным пространствам, и встречи с людьми, которые видят в путешественниках вкусную пищу... Но такой

вояж по материкам и океанам должен иметь какую - то цель. Может быть, научную? Или лучше - спасение хорошего человека, героя! Именно такова цель кругосветного плавания в романе «Дети капитана Гранта».

Лорд Гленерван и его жена Эллен столкнулись с загадкой - на борт их яхты поднята убитая акула, у неё в желудке - бутылка, а в бутылке... Три размокшие записки на трёх языках. Повреждены разные части текста, так что смысл написанного можно понять: капитан Грант потерпел кораблекрушение и оказался на необитаемом острове. Но где?! Видна только цифра 37. Это, явно, параллель. Но на этой параллели Южная Америка, Австралия, Новая Зеландия - и это не считая островов...

Но как не попытаться спасти того, кого знает и любит вся Шотландия? Ведь этот капитан пять лет назад отправился в плавание, чтобы осуществить свою мечту - подарить Шотландии ненаселённые острова для соотечественников, которые хотят и могут работать на себя, создавая некое идеальное общество, свободное от грешной Англии.

Дети капитана Гранта, Мэри и Роберт, узнали из газет, что отец, которого они давно мысленно похоронили - жив! Но отправить экспедицию на поиски? Лорды адмиралтейства отказали... А Эллен Гленерван отказать этим чудесным ребятам не может. Для неё с мужем это будет незабываемым свадебным путешествием - обогнуть на своём «Дункане» всю землю по тридцать седьмой параллели!

Когда автор принёс почти готовый роман издателю, он услышал немало комплиментов (Увлекательно! Познавательно! География, этнография - такие, что не нужны никакие учебники!). Но... Одно «но» издатель всё же увидел:

- У Вас нет запоминающегося, неповторимого, авторского персонажа. Героя, какого в литературе ещё не было. А ведь Вы пишете о науке... Что если в этом сюжете появится учёный-который-знает-всё?

- Как же он появится в готовом сюжете... Свалится с неба?

- Да пусть хоть с неба!

И вот - через сутки после отплытия «Дункана» на его палубу выходит из каюты некто, карикатурно длинный и тощий, в круглых очках и клетчатом плаще. Он не спеша раздвигает гигантскую подзорную трубу и начинает любоваться океаном. Но откуда посреди океана появился на корабле этот таинственный незнакомец?

А очень просто - сел не на тот корабль, проклятая рассеянность! Что возьмёшь с географа, члена всех академий наук, Жака Паганеля!

Немного похож на кузена Бенедикта из «Пятнадцатилетнего капитана»? Немного. Разве что очками да лёгкой чудаковатостью. Потому, что по натуре Паганель - не созерцатель, это человек действия. Очень скоро читатель начинает понимать, что герои книги взяли на себя задачу, совершенно непосильную. И если экспедиция не только не погибла, но и достигла цели - это исключительно благодаря знаниям, изобретательности, силе воли, неуёмной энергии и всегдашнему оптимизму «случайного попутчика». И сколько же мальчишеского в этом академике всех академий! Не случайно

наилучшими друзьями они становятся с Робертом!

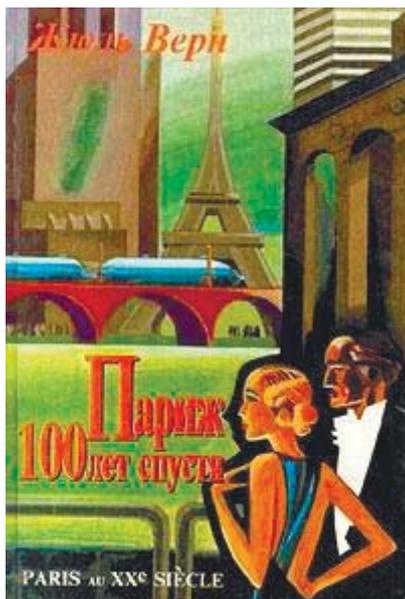
Пожалуй, именно Жак Паганель получился самым интересным авторским созданием Жюль Верна. Именно таким виделся ему идеальный соотечественник, французский характер в лучшем своём воплощении.

Верный своему принципу «населять» свои романы представителями всех национальностей, европейских и не только, Жюль Верн сравнительно редко писал о русских. Понятно - побывать в России ему так и не довелось. Но тем интереснее узнать, какими же ему представлялись мы?

В романе «Клодиус Бомборнак» французский журналист путешествует по Транссибирской магистрали, поражаясь бесконечному многообразию России:

- А ведь никто в мире не верил в возможность этого пути! Но я сразу сказал: русские - они такие... чем более невероятно - тем больше вероятности, что они это сделают!

Устами героя это сказал сам автор: ведь роман был написан... за пять лет ДО открытия Транссиба!

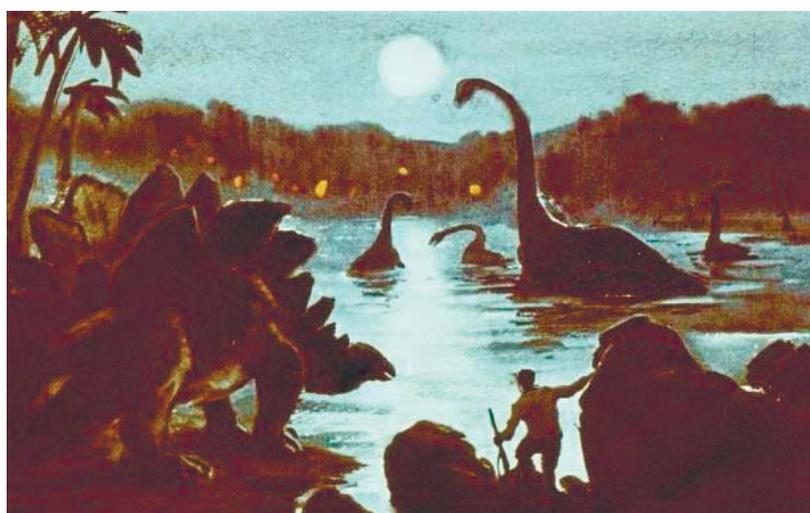
А самый малоизвестный (и самый сенсационный) роман Жюль Верна «Париж, двадцатый век» (или «Париж сто лет спустя»), увидел свет лишь в 1994 году! Рукопись считалась утраченной, но была найдена правнуком писателя. Книга опубликована с купюрами - целиком даже не решились!

Это роман о человечестве, единственным божеством которого стали деньги. О человечестве, освоившем технологии скрещивания растений с «живыми молекулами» животных – и, в результате, получившем баснословные урожаи. Сыты все, но как биологический вид, человек запустил механизм собственной деградации. Чтение книг для большинства уже просто непосильно - и общество высмеивает тех ненормальных, кто не может расстаться с печатными сокровищами, кто собирает по помойкам книги, выброшенные людьми нормальными!

Жутковато...

«Артур Конан Дойль» - это тоже просто не могло быть неинтересно, но ... неужели это не коллективный псевдоним нескольких авторов? Сложно поверить, что такие разные романы писал один человек. Ведь под этими чёрно – красными обложками восьмитомника – детективы, фантастика, история, документальные рассказы...

С первой страницы и не догадаешься, к какому жанру принадлежит «Затерянный мир!»

«кино» то, что там произошло? Вышел на трибуну профессор Челленджер, «похожий на

приплюснутого Геркулеса», и давай рассказывать о динозаврах, которых видел своими глазами! «Доказательства?! Докажу на месте тому, кто поедет со мной!». И первым решается его вечный оппонент, профессор Саммерли. Почти одновременно с ним вскакивают со своих мест страстный охотник Рокстон и молодой журналист Мэллоун.

Что может объединить двух чудаков-профессоров и двух искателей приключений? Только страсть к неизведанному!

Но каков в этом романе «процент» фантастики? Разве так уж мало на нашей планете мест, где условия жизни почти не менялись? Прежде всего - океан. А на суше самым большим «затерянным миром» оказалась Австралия, населённая животными, каких нет больше нигде. Почему же не предположить, что доисторические формы жизни могли сохраниться в почти недоступных Андах?

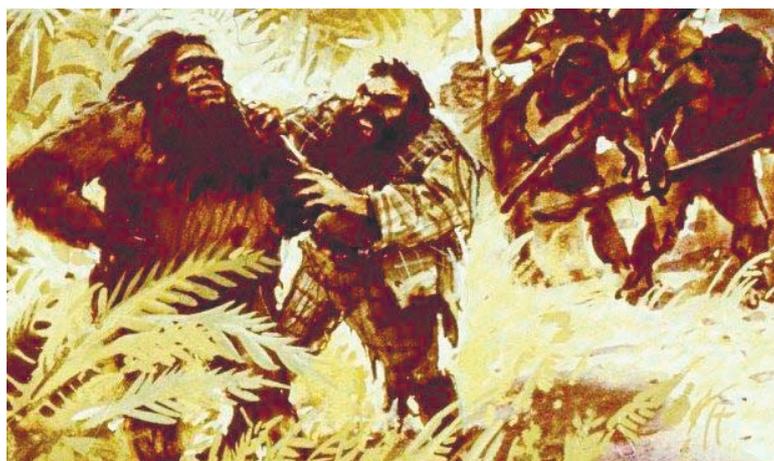
И вот - первый привет «затерянного мира» - птеродактиль! Спикировав с высоты, он... украл у наших путешественников ужин. А дальше... встречи с динозаврами. Безобидными диплодоками, своеобразно-красивыми плезиозаврами, ужасными тиранозаврами... Земля начала времён!

Она живёт в своём оставившемся времени по своим законам, не замечая пришельцев. Не замечая?! А чьи же глаза постоянно следят за ними с затаённой злобой? Ах, это то самое существо, в котором так не хочется признавать предка? Люди, которые в «нормальной» жизни, в Лондоне были друг другу чужими, здесь обнаружили, сколько у них общего! Храбрость, находчивость, ненасытная любознательность... и чувство юмора. Умение вовремя посмеяться, в том числе и над собой. Чего стоят одни только научные дискуссии в окружении летающих ящеров, с последующим бегством от «предмета дискуссии». А знакомство Челленджера со своим «близнецом» - вожаком «человекообезьян»?!

После этой встречи профессор даже забеспокоился, как это опишет журналист? И Мэллоун пообещал изобразить вождя «вполне достойной личностью». Поняли друг друга почти без слов, как и положено друзьям.

А лорд Рокстон в порядке дружеской услуги поймает маленького птеродактиля. Так и подманит его: «цыпа-цыпа-цыпа»... Какой фурор произведёт явление этого «цыпы» в Лондонском Географическом обществе!

А почему его там нельзя увидеть сегодня? Да перепугала его толпа своим восторженным рёвом, вырвался и улетел домой!

Сколько экспедиций, возвращаясь из «затерянных миров», рассказывали о том, чего ещё никто не видел, и привозили доказательства, поверить которым было почти невозможно?! И роман Конан - Дойля останется настольной книгой мечтателей, пока не исчезнут «белые пятна» на нашей планете, пока люди не узнают всё обо всём.

Но разве абсолютное знание достижимо?

А члены маленькой экспедиции, ставшие друзьями, встретятся для новых приключений ещё в двух книгах: «Отравленный пояс» и «Когда Земля вскрикнула».

«Не является ли наша планета...живым существом?» - таким вопросом задался профессор Челленджер. И проверил свою теорию, призвав на помощь всю свою изобретательность... Это из - за его экспериментов Земля «вскрикнула» так, что весь мир ощутил на себе последствия! А журналист Нед Меллоун окончит свой отчёт об этом событии такими словами: «Заставить весь мир говорить о себе - это может едва ли не каждый. Но - заставить мир КРИЧАТЬ о себе? На это способен только Челленджер!»

«Не знаем сегодня - узнаем завтра! Не можем мы - смогут потомки!» - такие настроения царили всего столетие назад и в жизни, и в литературе. И Конан Дойль был уверен, что в «**Маракотовой бездне**» он рассказал о том, что произойдёт вот-вот! Дело только в изобретении некоего сплава для изготовления батискафа, достаточно прочного, чтобы опуститься на дно Атлантики.

А может, наши представления о чудовищном давлении на глубине семи тысяч метров сильно преувеличенны? Ведь глубоководные тралы достают со дна нежнейшие водоросли, попадаются и живые существа, похожие на хрупкие цветы - погонофоры...

И трое храбрецов, профессор Маракот, биолог Хедли и механик Сканлэн в батискафе на стальном тросе погружаются в неизвестность. Ни один не хочет признаться, насколько ему не по себе при виде того, что выхватывает свет прожектора из сгущающейся тьмы - созданий, похожих на порождения преисподней. Ведь трос прочно связывает их с людьми, со светом, с жизнью! А значит, надо спокойно запоминать, записывать, фотографировать.

И вдруг - сотрясение, скрежет, свободный полёт вниз - трос перекушен чудовищным крабом. Но не будь профессор англичанином, если он позволит себе паниковать:

- Мы успеем увидеть то, что не видел ещё никто. А мне станет памятником новое географическое название - Маракотова бездна!

И вот - сфера на дне, иссякает кислород, начинается бред... Но разве может сразу троим привидеться в бреду одно и то же?! Снаружи в окно иллюминатора смотрит человек! Он явно понимает, что пришельцы попали в беду, он что-то говорит! Не слышно, но по выражению лица понять не сложно: «Помощь близка»! Разум отказывается верить в спасение но, очнувшись от сна (искусственного?), покорители глубин обнаруживают себя во дворце странной архитектуры, которая смутно напоминает им... Крито-Микенскую? Нет, это что-то ещё архаичнее... неужели?!

И тому, кто принесёт им еду, они зададут лишь один вопрос:

- Атлантида?!

- Атлантида.

Увы, это единственное слово, понятное и гостям, и хозяевам!

Каким невероятными судьбами выжила древняя цивилизация, создав свой искусственный мир! Самой необходимой наукой здесь оказалась химия, и в ней достигли такого прорыва, о каком и сегодня приходится только мечтать. А телепатия, вплоть до того, что мысль здесь можно сделать зримой, и показать, как кино?! Именно так пришельцев знакомят с историей Атлантиды - древней, наземной, и новой, подводной. И прежде всего с историей Великой Катастрофы.

Но эти люди с возможностями богов сохранили... систему власти одиннадцатитысячелетней давности! И летоисчисление у них по датам жизни вождей. Более того, в этом

мире возможно и «оскорбление чувств верующих»! Пришельцы и не подозревали, как они рискуют, проникнув без разрешения в храм с великолепной статуей. Вождь, застав их в этом «святая святых», готов к гневу своего божества. Он обращается с мольбой к статуе:

- Тэя! (богиня!)

- Тэя Афина?! - радостно восклицает Маракот, и вождь готов признать в нём единоверца: знает богиню Афину!

Вернуться в «верхний мир» пока не представляется возможным, а вот связаться - вполне! Если вода проводит электричество - значит, и радиоволны... И вот, получен ответ! Их ждут на земле... вместе с атлантами, если, конечно, подводные люди решатся вернуться в мир, о котором сохранили память в преданиях. Если объединить возможности двадцатого века со знаниями таинственной подводной расы...

Но всё же... Прежде всего **«Артур Конан Дойль»** - это **«Рассказы о Шерлоке Холмсе»**.

В те времена, когда ещё не было не то, что компьютера или мобильной связи, но даже и обыкновенного телефона, трамвая, электричества... В Лондоне жил и прекрасно без всего этого обходился... кто?

Конечно же, величайший сыщик всех времён и народов Шерлок Холмс!

Не то, что подростку, но даже и взрослому читателю лучше не напоминать о том, что Холмс - всего лишь фантом, созданный фантазией скромного врача Артура Конан Дойля. Ведь это тот редкий случай, когда литературный персонаж воспринимается куда более реальным, чем большинство людей реальных, ныне живущих. И в дом 221-б на лондонской Бейкер-стрит идут и идут письма, адресованные мистеру Холмсу. Авторы этих посланий не смущает даже то, что Холмсу нынче исполнилось бы, примерно, сто шестьдесят лет!

Но ведь остросюжетные рассказы «про убийства» - жанр такой же древний, как сами убийства? Почему же именно этот цикл рассказов стал классикой жанра? И не просто «стал», но и остался навсегда? Ведь количество экранизаций, «продолжений» и подражаний просто не поддаётся исчислению!

В чём новаторство автора, если Конан Дойль, написавший десятки исторических и фантастических романов, стал для читающей публики именно «автором Шерлока Холмса»? Неужели всё дело в необычной, нестандартной для этого жанра композиции повествования? Ведь «обычный» детектив для невзыскательной публики начинается с преступления, затем - ряд более или менее интересных приключений, и наконец - победа правосудия. Но сэр Конан Дойль эту схему решительно изменил!

У него каждый рассказ начинается с ... любовной зарисовки мирного быта викторианской Англии.

Холмс и его верный друг Ватсон беседуют «о жизни». Их беседа прерывается неожиданным посетителем (а кто это будет - предугадать невозможно). Но именно от визитёра друзья (а вместе с ними и читатель) узнают о преступлении (или о неразрешимой загадке). Затем - поездка, знакомство с людьми, казалось бы, не имеющими отношения к событиям, странные действия и странные поручения... и разгадка! Холмс преподносит разгадку ошеломлённому Ватсону - и читателю. Наконец, главное - финал. Послесловие. Рассказ у камина о том, КАК именно, на основании каких наблюдений Холмс пришёл к своим выводам. И читатель вместе с простодушным Ватсоном готов воскликнуть: «Как просто»!

Да, в отличие от «бульварного чтения», главное здесь - не стремление пощекотать нервы читателю, не «кровища», а чудеса наблюдательности и логики, «приключения мысли». И читатель, зная, что ему предложена логическая задача, сам становится сыщиком

- пытается её разгадать! Пусть безуспешно - игра в «дедуктивный метод» интересна сама по себе.

Холмс уверяет, что «не засоряет свой чердак лишними знаниями», а лишним ему кажется буквально всё, что не касается криминалистики. Но как неожиданно в его рассуждениях «всплывают» то литературные цитаты, то сведения из истории Англии, то подробности жизни замкнутой касты английской аристократии! А музыка? Разве она не «лишняя»? Но победный клич «Едем в оперу!» - это даже и не удивляет. Если человек хорошо играет на скрипке, опера для

него - потребность.

А на столе у этого «женоненавистника» фотография актрисы Ирэн Адлер. Говорит - просто на память. Ведь это - единственная женщина, которая сумела одурочить великого сыщика!

- Почему Вы не служите в полиции? - спросил Ватсон Холмса в самом начале их знакомства. Вразумительного ответа не получил, но очень скоро готов был ответить на этот вопрос сам. Потому, что в полиции пришлось бы служить Закону, а Холмс, как частное лицо, может позволить себе роскошь служить Справедливости. А это далеко не всегда одно и то же! Как бы он ни скрывал свои эмоции, как бы ни прикидывался «машиной», он жалеет оступившегося случайно, прощает остроумного мелкого жулика, и даже способен понять мстителя, убившего убийцу. Его задача - не «посадить», а ПОНЯТЬ. Разгадать мотивы человеческих поступков. И преступлений. Ведь преступление - это тоже поступок - противозаконный...

Так может, в этом и есть секрет бессмертия?

Когда стало известно, что BBC снимает фильм «Шерлок» - о приключениях Холмса и Ватсона в двадцать первом веке - многим идея показалась настоящим безумием. Персонажи, казалось бы, совершенно неотделимы от мира цилиндров и газовых рожков, кэбов и лондонских туманов, а тут... этот кудрявый психопат... какой же это Холмс?!

Однако достаточно посмотреть хотя бы одну серию, чтобы убедиться - Холмс! Да ещё какой!

Потому, что мотивы человеческих поступков (и преступлений!) - остаются неизменными. И люди, нашедшие цель и смысл жизни - в служении Справедливости, будут современны всегда.

А вот Герберт Уэллс мог обмануть ожидания – далеко не все книги этого плодотворного писателя были нам тогда интересны. Не только бытовые романы, но и юмористические рассказы казались чем-то за гранью понятия «литература». А уж его «Россия во мгле» ... Помню, чуть не поверила «историчке», утверждавшей, что это – памфлет, написанный «от непонимания»! Так что, «Уэллс» для нас тогдашних – это всего пять или шесть романов. Но каких!

«Война миров», «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро», «Машина времени», «Первые люди на Луне». И конечно «Пища богов».

Человечество так многообразно, что нет, и не может быть ни общечеловеческой морали, ни общечеловеческих проблем. В начале 20 столетия в этом были уверены все. Или почти все. И когда английский фантаст Герберт Уэллс высказал убеждение, что человечество стоит на пороге неразрешимых противоречий, причём проблемы будут общими для всех стран и народов, его сочли просто экстравагантным чудачком. Какой же англичанин -

не чудак? А писатель мысленно заглядывал в недалёкое будущее, пытаясь догадаться, что произойдёт раньше? Открытие разрушительной энергии атома или прорыв в биологии?

Трудно сказать, что опаснее, если «человек отстал от собственного уровня знаний», если прогресс морали и нравственности не может угнаться за прогрессом науки.

И вот в его романе двое учёных в тиши своей лаборатории изобретают некий препарат, который увеличивает размеры живых существ. Во много раз. О возможных последствиях своего открытия они и не догадываются, и испытывают его прежде всего на курах - неплохо бы получить яйца размером с бочку. Но яйца обыкновенные, а вот цыплята растут и растут! И насекомые, которые питались продуктами этих мутантов... ах, какая неожиданность, когда одного из авторов «пищи богов» сбивает с велосипеда гигантская оса!

Экологическая катастрофа?! Нет, для этого Земля представлялась тогда слишком просторной. Казалось, на ней хватит места для любых гигантов. Именно поэтому гигантские осы и комары, а также экономически выгодные «цыпы», которые ростом больше хозяйки, остаются в книге лишь юмористическими эпизодами. Главное впереди! Коссар, как и подобает настоящему учёному, испытывает препарат на себе и на своих маленьких сыновьях. Сам не подросток, а вот мальчишки...

А потом - утечка из секретной лаборатории. Вдруг начали аномально расти дети в разных концах света - и сын профессора Редвута, и заморская принцесса, и деревенский мальчонка Кэддлс...

Что делать?! Юные великаны, как оказалось, желают ближним только добра. Дураки?

А если бы они осознали свою силу?!

Вот Кэддлс, который доставляет одни хлопоты и неудобства: матери - подёнщице его не прокормить, приходится кормить общине. Однако на него тоже распространяется «глупейший и развращающий умы закон об обязательном образовании». И волей местного священника всё образование мальчишки свелось к запретам всего и к требованиям быть благодарным приходу за всё. Учить его грамоте сочли опасным! Но и неграмотный Кэддлс размышляет и задаёт вопросы: «Если работать хорошо, то почему господа не работают? Если бы не было господ и всё принадлежало тем, кто работает...»

А профессорские дети перешли от мыслей к действиям! Если люди не понимают собственной выгоды - надо просто сделать для них то, что необходимо всем! Увидят - и оценят. Прямые дороги, осушенные болота, плотины на реках... Наконец, город, удобный для жизни! А то в Лондоне, этом «светоче цивилизации», девять из десяти домов даже без ванны.

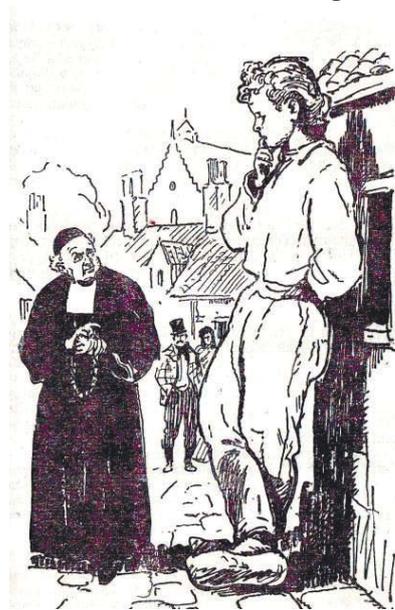
Но благодарности гиганты не дождались. Наоборот, на них готовы подать в суд! Обвинений куча, и самое страшное - преступления против частной собственности! Ведь вся земля нарезана на носовые платочки частных владений...

По-настоящему несчастной чувствовала себя принцесса - от неё тщательно скрывали существование других великанов, ей внушали, что её рост - уродство, злая шутка природы. Но Редвут - первый увиденный ею «большой человек» - объясняет, что они «ещё не новая раса» только потому, что их слишком мало, и они разрозненны. Пришла пора объединиться! Принцесса счастлива: «Я не знала, стоит ли мне жить, а теперь передо мной новая жизнь, новые горизонты!»

Никому они не угрожают, эти люди будущего, они просто хотят жить иначе. Так, как требует их возросший соответственно росту интеллект. И нравственность. Но именно это и пугает элиту общества: это потрясение всех основ!

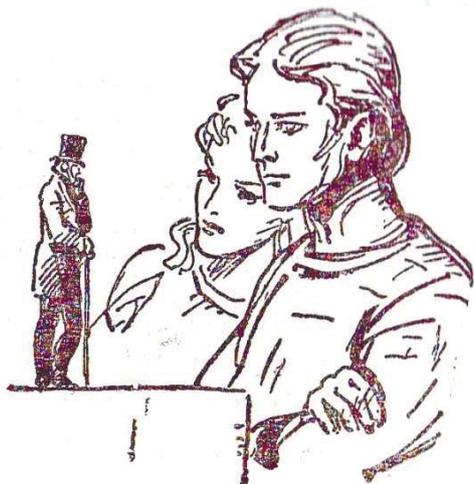
И премьер - министр не испытывает ни сомнений, ни колебаний:

- Мобилизация! Боевая готовность! Покончить, пока не поздно!

Оружия у гигантов нет. Первую атаку британской армии они отбили, но отобьют ли вторую?

И как добропорядочные британцы должны относиться к предателям? Например, к профессору Редвугу, перебежавшему в стан великанов - к сыну?

Как заметно отличалась фантастика прошлого столетия от современной! Сейчас это – «фентэзи». В лучшем случае – притча, в худшем – графомания по мотивам сказок. А сто лет назад людей всерьёз волновали перспективы науки, возможные последствия научных открытий... И ещё не были утрачены иллюзии, что прогресс может быть управляемым.

Восторг публики и шквал критики - таким было появление на свет романа **Александра Беляева «Человек – амфибия»** в 1928 году. Две экранизации. Одна - великолепная. История любви. Другая – более чем посредственная. История болезни. И обе равно далеки от авторской версии...

О чём же эта повесть, такая скромная по объёму, но заслужившая звание «романа» за многообразие характеров и сюжетных линий, за мысли, обогнавшие время?

Сальватор - хирург от бога, Но, тем не менее «не один десяток людей погиб под его ножом прежде, чем он достиг совершенства. Виноватым он себя не считал: десятки погибших - тысячи спасённых». А сделав состояние на земельных спекуляциях, он окончательно почувствовал себя хозяином собственного мира. Демиургом.

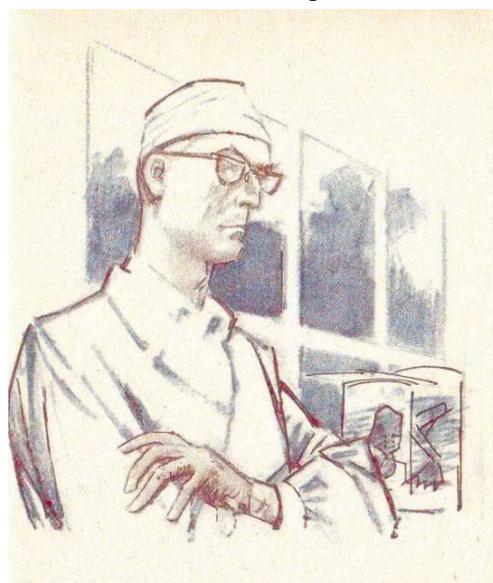
И вот ему в руки попадает умирающий мальчик - лёгкие не работают... Уникальная возможность для эксперимента - трансплантации органов другого биологического вида. Так появляется Ихтиандр.

Сальватор «любил его, как лучшую свою работу». Жутковатая фраза... Совершенно непонятно, кем и каким должен был вырасти этот мальчик, по мнению его «создателя». Образование у него «лучше, чем у научных светил», и при этом столь узко - специальное, что только научные светила и могли бы его оценить. Но как раз с людьми ему встречаться запрещено. Вообще за пределы имения - никуда. Только в океан!

Страницы, посвящённые океану - самые светлые, самые мажорные, настоящий гимн беспредельной свободе и красоте мира. Мира, чужого человеку настолько, что он здесь может быть лишь восторженным наблюдателем и вдумчивым исследователем. И когда этот мир подарил мальчишке друга - дельфина, это уже было сверх ожиданий, это уже счастье! Но даже дружище Лидинг не мог оценить красот подводных пещер, даже ему нужен воздух...

Тревога в повествовании нарастает с того момента, когда Ихтиандр находит в океане... девушку, привязанную к доске. Как она сюда попала и почему привязана? Этого он не узнает. Просто спасёт. А потом решится уйти в город, чтобы увидеть её снова. И ужаснётся - как, оказывается, отвратительны города!

Случай поможет ему найти Гуттиэре, но читателю ясно - их отношения обречены с самого начала. Как Ихтиандру понять, почему он не может подарить девушке камешки,

которые собирает сам - жемчуг? Как Гуттиэре понять, в какой колбе вырос этот милый паренёк, если он не знает даже, что такое «деньги»?

А между тем люди разворачивают настоящую охоту на «морского дьявола». И если бы хоть кем-нибудь из ловцов двигал научный интерес! Но увы... только жажда наживы!

Вот Кристо, слуга Сальватора, придумал нечто, выдающееся по подлости. Ведь у его брата Бальтазара двадцать лет назад умер новорожденный сын...

И Кристо внушает брату:

- Я тогда сказал тебе, что ребёнок родился мёртвым, чтобы не расстраивать. Но на самом деле я отнёс его к Сальватору! И ждал у него под дверью полдня, а к вечеру Сальватор вышел и сказал: «Ребёнок умер». Так вот, у твоего сына была на плече родинка, и точно такую же я увидел у Ихтиандра!»

И Бальтазар начинает бегать по судам, доказывать, требовать, а Кристо спокойно сидит в сторонке и потирает руки: его устраивает любой исход! Ему всё равно, будет ли Ихтиандр ловить жемчуг для нового «отца», или Сальватор начнёт откупаться от шантажистов!

Но удача улыбнётся ловцу жемчуга Педро Зурите - он «поймает и птичку, и рыбку». Женится на Гуттиэре, посадит Ихтиандра на цепь, а затем и Сальватора за решётку.

Речь Сальватора на суде - о беспредельных ресурсах Океана и беспредельных возможностях его освоения - это, быть может, лучшее, что написано в жанре научной публицистики! Даже судья и охрана заслушались... Но есть люди, на которых не воздействуешь доводами разума. Епископ ещё до начала судебного разбирательства чётко поставил задачу: безбожник Сальватор и его богомерзкое детище Ихтиандр являются вызовом Богу и, следовательно, не должны существовать. Анатомическое вскрытие «монстра» должно дать самые веские основания для осуждения доктора.

Вот и думай, читатель, что произошло дальше? Сальватор избавляется от самой веской улики против себя, или же у него в самом деле проснулись отцовские чувства?

Как бы то ни было, но он устраивает побег.

Больной, измученный Ихтиандр снова в океане. Он никогда больше не появится у этих берегов, и то единственное, о чём он будет жалеть на Земле - это Гуттиэре. А она прячется за скалой, не решаясь подойти проститься. Она так и не узнает того, что знает читатель: Ихтиандр уплывает не от людей, а к людям! К другу отца, который живёт и работает на островке посреди Тихого океана. Он океанолог.

Так о чём же это? О сказочных перспективах науки? Об изначально испорченной человеческой природе? О безответственности творца? Или это притча про ангела, разбившегося о грешную землю?

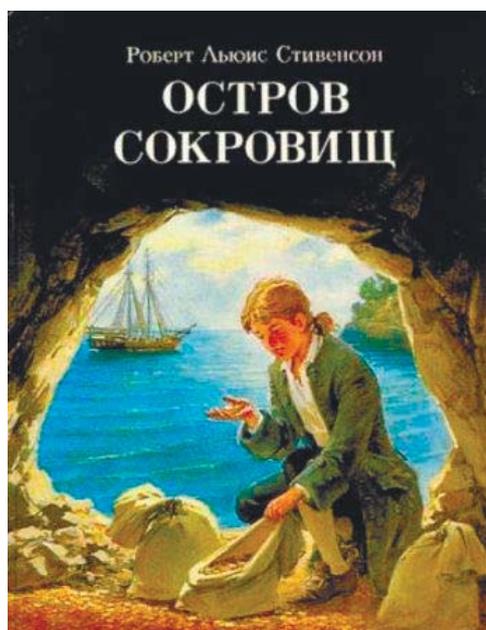
Сколько читателей, столько мнений. И столько любительских и полублюбительских продолжений - настолько книга кажется «недоговоренной», оборванной на полуслове.

Пожалуй, все читатели согласны только в одном - этот чуткий, трепетный, обаятельный Ихтиандр получился абсолютно живым! Самый реалистичный образ в советской, а может, и в мировой фантастике.

Впрочем, и «старые» темы, классические приключения «на суше и на море», далеко ещё не казались исчерпанными!

Пираты...увидеть в этой профессии что-то романтическое писатели смогли не раньше, чем сама профессия ушла, как казалось, в далёкое прошлое. Выветрился запах крови и осталось... а что, собственно, осталось? Воспоминания о свежем ветре, солёных брызгах, неожиданных встречах с неизведанным? С кораблём, купеческим или военным, с

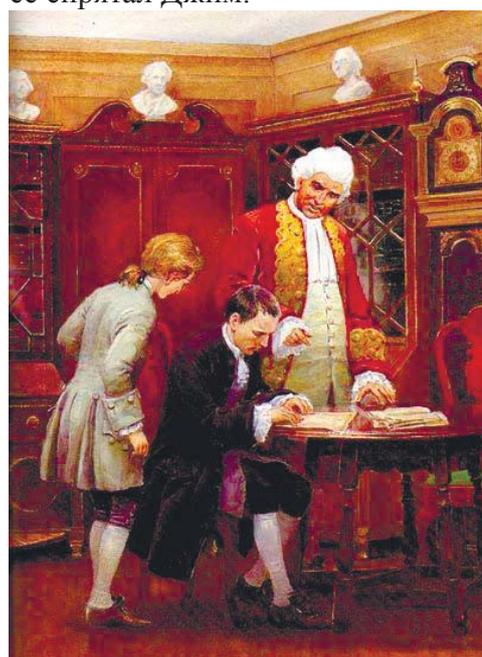
коварными дикарями и тайнами островов, в пещерах которых сверкают алмазы? Да ещё знание о том, что пиратом мог стать и искатель приключений, и обычный грабитель, и беглый каторжник, и бунтовщик, и человек, принятый за бунтовщика по ошибке...

Общее у этих людей одно – мужество жить так, как могут, а не так, как их заставляют другие. Так неужели «Бригада» – это пираты нашего времени? Неужели они затрагивают те же струны души?! Пожалуй, «бригада» 18 века – это команда шхуны «Эспаньола» из романа **Стивенсона «Остров сокровищ»**.

Пиратское береговое братство доживало последние годы, и называть его «братством» уже невозможно было даже в насмешку. Понятия «дружбы» здесь уже нет, и сомнительно, было ли оно раньше. В этом мире главный тот, кого боятся, а боятся здесь самого коварного, того, кто может выглядеть безобидно и выждать момент. А потом перебить ближнему хребет брошенным в спину костылём и сложить покойника, как стрелку – указатель. Чем дольше пролежит, тем будет белее и виднее.

Вот и наглядная разница – в такой «бригаде» нельзя доверять никому. Здесь каждый за себя. И симпатии читателя непременно окажутся на стороне тех, кто противостоит. Просто потому, что противники пиратов, даже если они не испытывают друг к другу особых симпатий, всё равно абсолютно надёжны. Не то, что предать своих, но даже просто подвести, им не позволит ЧЕСТЬ. Вот понятие, само упоминание о котором вызвало бы у «нормального» пирата лишь недоумённую улыбку!

Роман и начинается с того, что морской бродяга, с виду такой грозный, а на деле спивающийся от страха, буквально, перед собственной тенью, прячется от своих «коллег» в трактире «Адмирал Бенбоу». И возбуждает невероятное любопытство у сына хозяев, пятнадцатилетнего Джима Хокинса. Тайна старого пирата заключалась, как выяснилось, в небольшом бумажном пакете. Карта острова, где капитан Флинт спрятал сокровища, отобранные у своего предшественника, прежнего короля пиратского мира капитана Кидда. «Старые друзья» всё же выследили товарища и убили. Но карта пропала! Несложно догадаться, что её спрятал Джим.

В руках мальчишки оказался клад. Смертельно опасный клад, которым к тому же невозможно воспользоваться в одиночку, Для начала надо посоветоваться с человеком образованным, доктором. Или с местным сквайром – помещиком, ведь он здесь самый богатый.

И вот общая цель – поиск сокровищ – объединила людей, вчера ещё незнакомых. Разных настолько, что в обычных условиях они бы и не стали поддерживать знакомство! Утончённо – интеллигентный доктор Ливси, дотошный – пунктуальный капитан Смоллет, легкомысленный и болтливый сквайр Трелони – кажется, общего у этих людей только неспособность изменить слову.

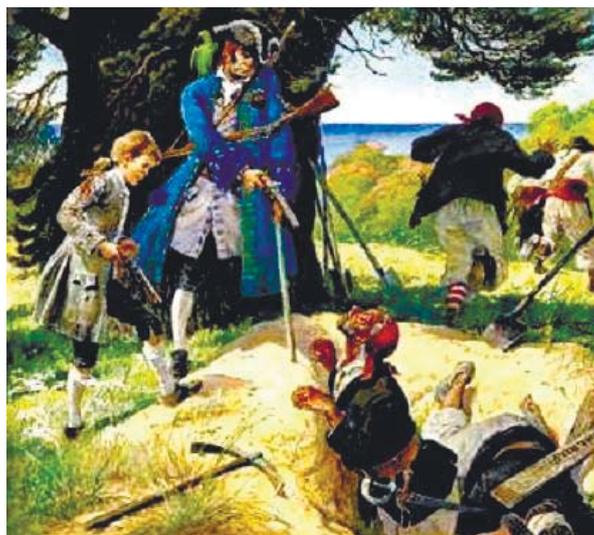
А команду для их корабля набирает по портовым кабакам живописный морской волк! Такой насквозь просолённый морем, такой бывалый и остроумный! И не беда, что одноногий – зато какой попугай у него на плече!

Всех этих людей – будущих противников – мы видим восторженным взглядом Джима. Он плывёт не столько за сокровищами (мальчуган, конечно, умеет с толком распорядиться маленькими деньгами, но что такое большие – он себе и не представляет), сколько за впечатлениями. Для него это – уникальная возможность вырваться из-за буфетной стойки трактира! Но очень скоро Джиму придётся сделать выбор.

Это он, случайно подслушав разговор, поймёт, КОГО набрал в команду очаровательный одноногий повар. Пираты! И о цели путешествия они отлично знают, и в любую минуту готовы перерезать всех «не-пиратов». Одно останавливает – нет у них карты! Но понимают, что карта у капитана. Так пусть капитан и найдёт то, что ищет, а уж потом...

И как бы читатель не восхищался жизнестойкостью, изворотливостью, находчивостью и храбростью одноногого Джона Сильвера, вслед за автором он сделает выбор в пользу того, кто неспособен ПРЕДАТЬ. Джима. Эти два персонажа – два полюса, вокруг которых группируются все остальные. И как противоположности, они испытывают странное притяжение друг к другу. Ведь Сильвер не кривит душой, когда уверяет, что вдвоём с Джимом он наделал бы таких дел... И Джим искренне желает спасти незадачливого пирата от виселицы, угрожающей ему вполне реально!

Читатель догадывается, что Сильвер не родился таким вот великолепным мерзавцем. Был мальчишкой, мечтавшим о море, о бегстве от серости, от обыденности. И вероятно, от бедности. Это позже деньги стали главным, а все средства для их добычи – хорошими. А Джим? Он увидел своё возможное будущее, и увидел его с ужасом! И сделал всё, чтобы его избежать. Прежде всего, угнал у пиратов корабль и спрятал в надёжном месте...

А ведь этот роман был вызван к жизни насущной необходимостью! Автор, Стивенсон, женился на женщине с ребёнком. И мог ожидать долгих и трудных поисков общего языка с пасынком – подростком. Но на то он и писатель, чтобы найти нестандартный выход! И вот – нарисована карта неизвестного острова. С крестиками, означающими места спрятанных кладов...

- Давай, сочиним историю о поисках сокровищ. Вместе!

Можно ли представить себе воспитание, более ненавязчивое? И более увлекательное?

И тем не менее тот, кто в начале двадцатого века ещё пытался писать о парусах, плащах и шпагах, рисковал быть жестоко осмеянным: темы, сданные в архив, казалось, навсегда! Однако неизменным оставался «читательский рейтинг» не только Дюма, но и Стивенсона. Не было ли в этом противоречия? И нельзя ли вывести некую формулу идеального героя и идеального романа?

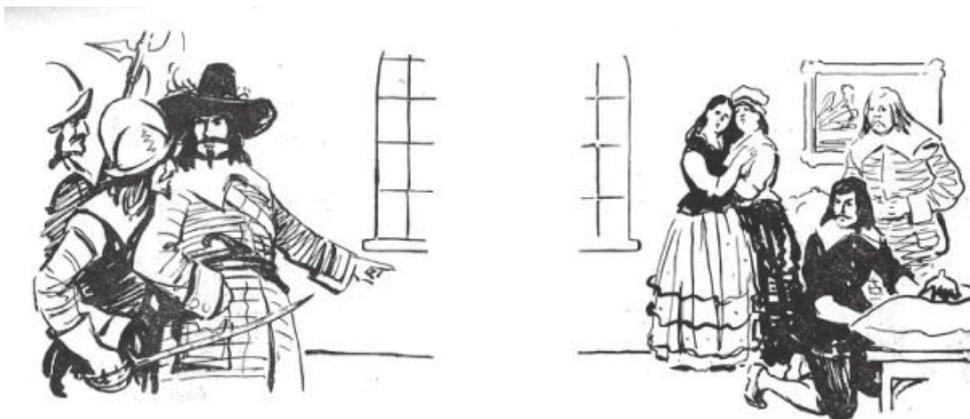
Таким вопросом задался **Рафаэль Сабатини**, английский писатель итальянских кровей. Казалось, «рецепт интересности» открыт романтиками ещё на заре девятнадцатого столетия: надо писать об исключительных людях в исключительных обстоятельствах. Но оказалось, читателю интереснее ассоциировать с героем самого себя, типичного - обыкновенного. Нет, польстить читателю можно и даже нужно, но... только чуть-чуть, так, чтобы герой выглядел идеалом... достигаемым. До которого хочется «подрости». Интеллигентом?! А ведь во времена Дюма интеллигенция, как явление, только зарождалась, и он делал своих любимых героев психологически - людьми будущего, помещая их в прошлое! А «необыкновенные обстоятельства», интересные судьбы - их можно черпать и черпать из позабытых

мемуаров. Неужели - так просто?! И **Сабатини** пишет роман - эксперимент, роман - игру по правилам, которые «вычислил» и задал самому себе. «**Одиссея капитана Блада**».

Питер Блад с самого начала выглядит едва ли не пришельцем из будущего: он точно знает, что восстание герцога Монмута обречено на поражение! Ирландец, католик среди англичан - протестантов он, однако, не чувствует себя чужаком. Для него, врача, все люди достойны внимания и сочувствия. Не только больные, но и мнящие себя здоровыми. Почему «мнящие»? А что, разве здоровые повалили бы с пиками на королевские пушки?

Наутро сосед, Джереми Питт, приносит весть о полном разгроме повстанцев, Блад, и не ожидавший ничего другого, спешит на помощь раненому. И судьба распорядилась так, как распорядилась: доктора Блада застали за ПРЕСТУПЛЕНИЕМ - оказанием помощи мятежнику!

Согласно приказу короля, любая помощь повстанцам карается виселицей. Впервые

у представителя мирной профессии возникает мысль, что возможно, он был неправ, не бунтуя против ТАКОГО короля.

- Что мог делать я, католик, в армии протестантов? - резонно вопрошает он судью.

- Ты - католик?! Ты - ханжа-протестант! Я носом чую протестанта за десять миль!

И вот, на основании показаний судейского носа, Блад осуждён кротко и милостиво: он будет продан в качестве раба на Ямайке!

Какие эмоции может вызвать сцена продажи рабов? Люди в цепях, наглые приказчики, уверенные в своём праве покупатели... Жалость к несчастным? Да, если всё происходит «по правилам» и продают негров, или хотя бы иноплеменников. Но здесь... здесь на продажу выставлены соотечественники. Эти пуритане - бунтовщики не выглядят жалкими! Именно это обстоятельство заставляет внимательнее взглянуть в покупателей. Ничтоже-ства... Мы видим их глазами Блада, а он пока не делает исключения для девушки, которая почему-то обратила на него внимание. Указала на него своему дядюшке - плантатору.

Ах, этот мешок с костями - доктор? Может принести хозяину дополнительный доход? И Питер Блад определён на работу в госпиталь. Ему поручены те, к кому свободные врачи и прикоснуться не хотят - испанцы! Местные дамы навещают - угощают больных соотечественников, но только одна решила подкормить подопечных доктора Блада. Та самая племянница плантатора!

А потом был головокружительно - дерзкий побег на испанском корабле. И единодушное признание капитаном организатора этого безумного предприятия - Питера Блада. И понимание того, что нет и не может быть для «преступников» другого пристанища, кроме Тортуги - республики пиратов. И никто не понял, почему капитан придумал для корабля такое странное имя: «Арабелла». Наверное, никто и не знал, как звали племянницу плантатора, завладевшую воображением капитана...

Возможно ли сочувствие пирату? Человеком этой профессии можно восхищаться, если он бесстрашен и удачлив, но невозможно забыть о гнусности самой профессии. А Бладу сочувствуешь! Но почему?! Как получилось, что персонаж, искусственно сконструированный в порядке эксперимента, «сотканный» из одних положительных качеств, вдруг

становится абсолютно живым и реальным? Не потому же он выглядит воплощением справедливости, что все его противники – не приукрашенные герои эпохи «первоначального накопления капитала», хуже любых пиратов?!

Ему неизменно сопутствует удача, его обожает команда, золото течёт к нему рекой, а он... тихо спивается. Потому, что всё это ему не нужно! Ему нужен дом под яблонями. В Англии. И его мирное ремесло. И Арабелла. Но объяснить это он не может никому. Изменить судьбу - не в его власти. Вот и приходится быть, если уж пиратом - то самым лучшим на свете. Благородным с честным противником, готовым лично сразиться с бесчестным - и непременно победить. И защитить слабых - случайных жертв этой необъявленной войны.

И ни разу не поддаться соблазну рассчитаться с соотечественниками, даже если это - явные негодяи.

Вот уж чего

команда не способна понять в принципе!

Можно ли было ожидать, что сбудутся все мечты Блада, такие скромные - и такие, как казалось, недостижимые? Но именно его абсолютная порядочность побудила нового английского короля Вильгельма предложить этому пирату... государственную службу! И не только ему, но и всей его команде - власть в Англии сменилась, и все участники восстания оправданы!

Великолепная пиратская карьера и её столь неожиданное завершение - в чине губернатора Ямайки - это прямоком из хроники. Это факты биографии Генри Моргана. Однако был у Питера Блада и другой прототип, гораздо менее известный: Генри Питмен, хирург герцога Монмута, действительно сосланный на Барбадос за оказание помощи раненым мятежникам! И захват корабля, и пиратство - всё это в его биографии было. Было и главное - отвращение к пиратскому ремеслу. Этот человек прожил долгую жизнь - и прожил её, занимаясь своим делом. Пиратство оказалось в его жизни лишь эпизодом.

А поскольку Питер Блад стал самым известным и любимым книжным пиратом, остаётся признать, что эксперимент Рафаэля Сабатини по созданию «героя-на-все-времена» увенчался успехом. И его рецепт конструирования романа - проверен временем.

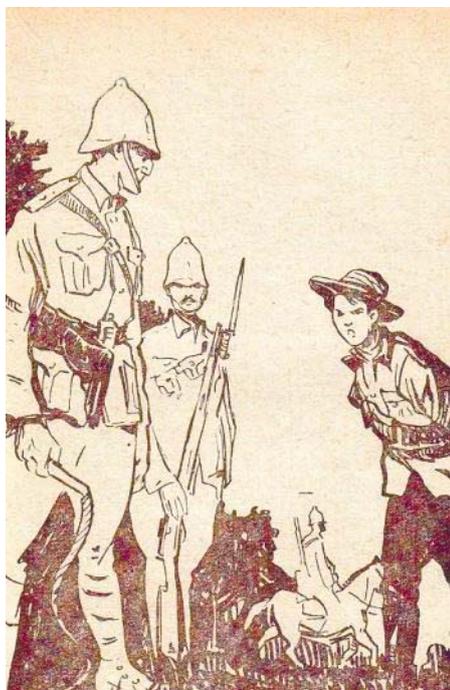

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Историческая повесть? Что, казалось бы, может быть проще?!

Возьмём прекрасную героиню, влюбим её в прекрасного героя, поставим между ними подлого соперника, а рядом - благородного друга, и окружим родней, милой или гадкой. Осталось только дать персонажам старинные имена, одеть их в старинные костюмы и поместить во времена, достаточно отдалённые!

По этому нехитрому рецепту написаны целые библиотеки повестей, романов, поэм и сценариев сериалов. Отчего же не воспользоваться безотказной схемой, если автор не мечтает о бессмертии? Просто хочет немножко заработать? Но если автор для этого слишком талантлив и самобытен? Если, предположим, он - мастер интриги, мастер диалога, а вот в изображении «страсти нежной» - совсем не силён? В таком случае надо проявить вкус в выборе эпохи. Стать современником и летописцем необыкновенных событий! Ведь время, события скоро, совсем скоро станут «историей» - вот и получится из репортажа, запечатлённого мгновения, настоящий «исторический роман». Только его персонажи не должны быть слишком конкретны, слишком индивидуальны. Лучше, если это будут вечные национальные типажи. Французские, например: Фанфан-тюльпан, Сорви-голова...

Вероятно, именно так и рассуждал французский писатель Луи Буссенар. Англо-Бурская война стала не просто фоном, а «главной героиней» его самого известного романа **«Капитан Сорви-голова»**

Жан Грандье, шестнадцатилетний романтик, отправляется на эту войну добровольцем, по пути набрав целый отряд мальчишек. Далее – повороты сюжета, самые неожиданные - сплошные приключения, погони и «стрелялки». Что же выделило этот роман из бесконечной череды «боевичков»?

Не только читатели, но и сам герой с изумлением обнаруживают, как немного на войне тех «безусловных негодяев», которых они горели желанием убивать. И притесняемые буры далеко не всегда безупречны, и притеснители-англичане далеко не всегда бесчеловечны. Выразителем авторской точки зрения становится доктор, который мечтает о более гуманных пулях, «не калечащих всё на своём пути»! И спасает всех, кого может спасти.

Книжка для мальчишек, которая вовсе не замышлялась, как историческая, уже для следующего поколения стала литературным памятником Англо-Бурской войне, ныне почти забытой.

И точно таким же памятником нашей Гражданской войне стала повесть **Павла Бляхина «Красные дьяволята»**, о баснословных приключениях пятнадцатилетних героев на фоне страны, разодранной в клочья, до состояния «республик Гуляйполе»!

Даже сегодня, когда «профессия» бандита героизируется и романтизируется, не найдётся юного читателя, который, читая «дьяволят», представлял бы себя махновцем. Или не понял бы, «зачем революция».

А ведь и Бляхин очень удивился бы узнав, что написал историческую повесть! Он просто рассказал о том, что видел. Ну разве что чуть - чуть приукрасил для занимательности...А занимательно-таки получилось! Две экранизации. Одна – почти дословная, но к сожалению,

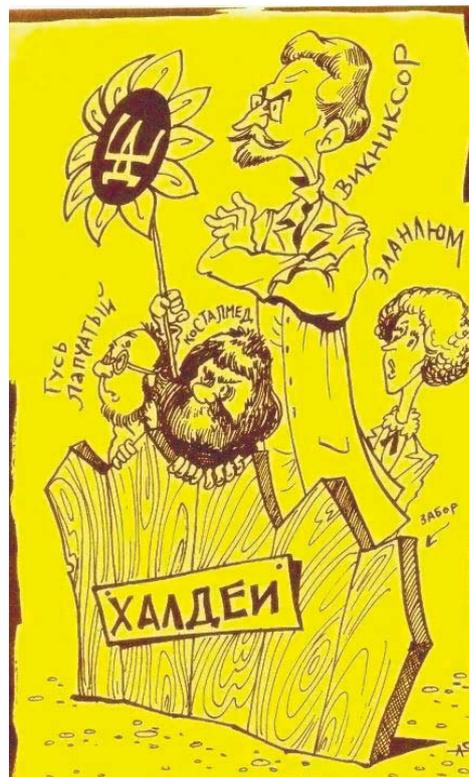
очень старая – 1923 года. Это было ещё немое кино. Другая – всем известная, и всеми любимая, но к сожалению, сильно «по мотивам». Это – «Неуловимые мстители».

А если цель автора - запечатлеть не столько события, сколько характеры? Людей, сформированных новой эпохой, или прошлой, ушедшей безвозвратно?

Едва ли восемнадцатилетний **Леонид Пантелеев**, принимаясь за первую в своей жизни книгу, ставил перед собой именно такую цель. Замысел, очевидно, был скромнее - увековечить школу, какой никогда не было и, наверное, больше никогда не будет. Единственную и неповторимую **«Республику ШКИД»**.

Здесь беспризорники со стажем, многие - с уголовным прошлым, которым так хочется в школе «тюремного типа» сохранить остатки уличной свободы! Но их наставники видят главное - эти «безнадёжные» хотят учиться! Готовы! Хоть с утра до ночи! И никакого чуда в этом нет. После шести лет войны школа для них - синоним и символ нормальной жизни.

Перед нами портрет не только времени, не только голодного Петрограда, но и «уходящей природы» - учителей, буднично и упрямо воскрешающих «потерянное поколение». В рассказах об этих последних «чеховских» интеллигентах - смесь добродушной насмешки и ... восхищения. Чего стоит один только Викниксор, бессменный президент республики Шкид (а проще говоря - директор школы), который вопреки всем инструкциям «сверху» создаёт для «необучаемых-дефективных» что - то вроде пушкинского Лицея!

Совершенно сознательно поставил перед собой задачу создать коллективный портрет уходящего поколения **Лев Толстой в «Войне и мире»**. Его собственные стареющие родственники казались ему настолько лучше, душевно богаче, нравственно чище его ровесников, что это требовало объяснения. Тысячестраничного расследования, как и почему сформировалось это поколение - легенда, эти «лицейсты - декабристы»?

Сегодняшнему читателю толстовские герои (и в особенности героини) кажутся эфирно-романтичными до полной нереальности, а ведь у каждого и у каждой - живой прототип из многочисленной родни автора. Такими вот и были люди, которые свою свободу от материальных проблем использовали для размышлений о том, «как стать вполне хорошим», зачем и для чего жить. И жили в соответствии со своими личными выводами, победители Наполеона!

Но и Лев Николаевич не считал свой роман «историческим»! Да, он писал о событиях, которых сам не видел, но ведь писал со слов людей, которые видели, участвовали - и ещё не успели стать «историей»!

Наблюдения и воспоминания современников, хотя и становятся для потомства источником исторических познаний, всё же, строго говоря, исторической прозой не являются.

ПОВЕСТЬ – РЕКОНСТРУКЦИЯ

Собственно, историческая повесть - это рассказ о том, чему живых свидетелей не осталось. Только мемуары современников, только документы, картины, вещи, наскальные рисунки и пепел давно погасших костров. Это - **реставрация**, более или менее достоверная, и в то же время художественная, поскольку речь идёт о произведении литературы.

Синтез «художества» и документа стал возможен сравнительно недавно, ведь только в девятнадцатом столетии археология стала наукой (и поиски увели в «допотопные» времена), а затем учёным сообществом почти единогласно был принят дарвинизм.

Стало очевидно, что пещерные люди каменного века - не ошибки господ бога, уничтоженные потопом, а наши предки. Открытие наскальной живописи (пещера Альтамира в Испании) дало повод считать, что столь «современное» искусство означает и практически «современный» психический склад авторов, что человек почти не меняется. (И конечно, такой взгляд был «другой крайностью»). Авторам первых «реставраций» - повестей о жизни в каменном веке, приходилось усмирять свою фантазию, не выходя из области фактов. Постоянно напоминая себе, что выжить, просто **ВЫЖИТЬ** - это было главной и единственной задачей наших пращуров.

Повесть **Рони-старшего «Борьба за огонь»** захватывает и не отпускает с первой и до последней страницы. Вот когда выживание требовало напряжения всех сил!

Племя уламов разгромлено. Безжалостные враги знали, что совсем необязательно убивать всех - достаточно обратить соседей в бегство и погасить их огонь. Жизнь, и без того очень нелёгкая, без огня становится буквально беспроектной...

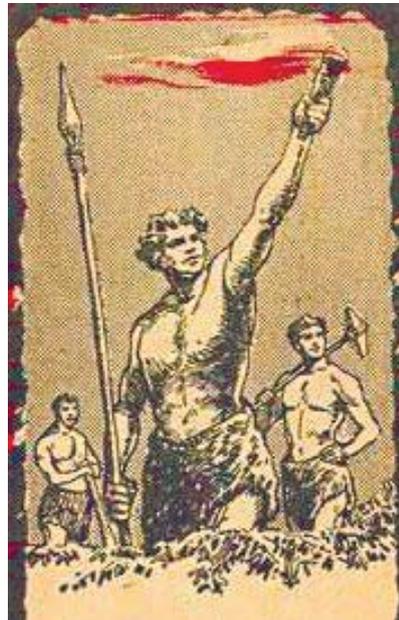
И тогда шестеро храбрецов отправляются на поиски огня. Трое - на юг, трое - на север. Читателю всё больше нравится предводитель одной из групп, юноша по имени Нао. Выносливый и бесстрашный, он оказывается ещё и мыслящим, находчивым, даже остроумным! Он не боится встреч с дикими зверями - зверя обхитрить несложно. Куда более опасный враг - человек!

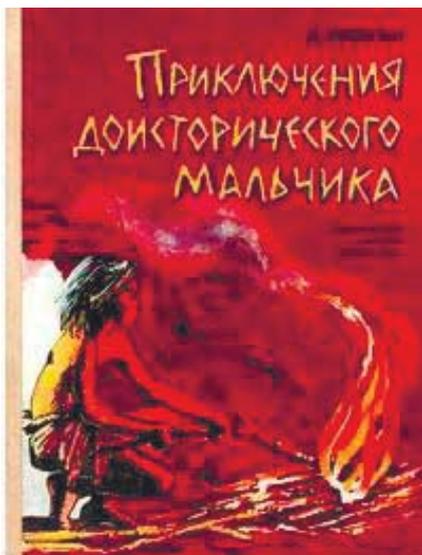
Для человека убить чужаков - обязанность, ставшая обычаем, ведь чужак вполне может быть разведчиком. Кто знает, не приведёт ли он сюда всех воинов своего племени?!

Но у этих врагов есть огонь. И чтобы добраться до их костра, Нао придумал заключить союз с ... мамонтами! Флегматичные великаны охотно принимали корни кувшинок из рук людей, и пошли за этим лакомством даже к костру. Под их могучей защитой огонь был взят и доставлен соплеменникам. Племя спасено!

Вот и найдена точная мера «очеловечивания» пещерного предка: здесь волей - неволей живут «для того, чтобы есть». Но «лучшим человеком», героем песен и сказаний становится тот, кто способен помочь выжить всем соплеменникам.

Значит, злейший враг племени - тот, кто лишит его огня. Пусть даже по неосторожности, по легкомыслию, по малолетству... В повести д*Эрвильи **«Приключения доисторического мальчика»** восьмилетний Крек оставлен в пещере поддерживать огонь. Он так

голоден, а ждать мужчин с охоты ещё так долго... Но вот - младший братец вбегает и кричит: «Там сурки! Много - много! Набьём и напьёмся тёплой крови!» Что ж, если подбросить огню побольше корма, может, ему хватит надолго? Увы! Мужчины вернулись в пещеру с потухшим костром! По обычаю, Крек должен умереть - даже мать не находит для него слов оправдания. Но однажды он подсмотрел, как развёл огонь чужой человек, пришелец. И вспомнил! В пещере снова горит огонь, но Крек не прощён. Соплеменники не знают, смогут ли доверять ему впредь - и мальчишка приговорён к изгнанию. Такой приговор был хуже смерти, но ведь повесть написана для детей. Благополучный конец не производит впечатления «антиисторичности», книга впечатляет прежде всего ощущением одиночества, бессилия, беспомощности голого человека на голой земле.

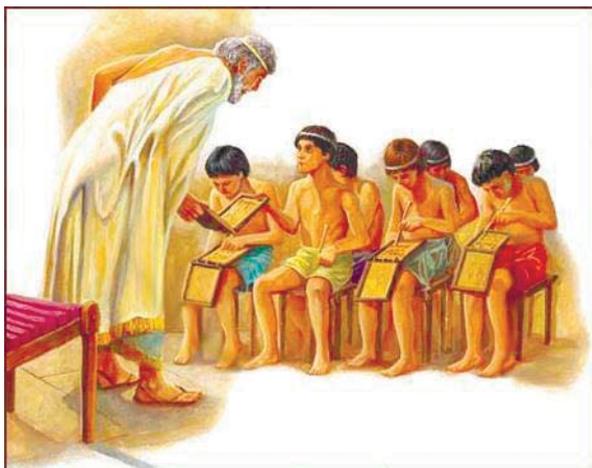
«Когда человека ещё не было» - одна из самых интересных «реконструкций» жизни в каменном веке. Болгарский писатель **Дмитрий Ангелов** проследил судьбу племени чангов. Почти обезьяны...

Но вот - случайное использование палки и камня - заострение новой палки когтями и зубами - заострение камнем - заточка камня... Случайно найденные орехи, запёкшиеся в лесном пожаре - и вот уже в огонь, загоревшийся от молнии, бросают орехи, чтобы испечь - не дают огню погаснуть, подбрасывая ветки... Случайно подобранный осиротевший волчонок выкормлен - и помогает своим спасителям охотиться...

Десятки маленьких открытий, каждое из которых делает этих странных существ, едва выделившихся из мира животных - всё более и более людьми!

В этой повести нет сюжета в привычном понимании, нет интриги. Её сюжет и интрига - появление и развитие невиданного орудия, позволившего существу, далеко не самому сильному от природы, стать «великаном». Это орудие - РАЗУМ.

Но от тех баснословно далёких времён осталось лишь то, что не намётанный глаз может увидеть - и не заметить: заточенные камни, разбитые камнями кости... Другое дело - письменные источники, документы! Жаль, что письменность - изобретение, сравнительно недавнее. Всего-то каких-нибудь пять тысяч лет...

Если археолог находит школьную пропись на глиняной табличке, папирусе или бересте - разве не возникнет перед его мысленным взором тот, кто учился по этой прописи? И город, в котором он жил, и его родители, учитель, приятели? И цель этого учения, и планы на дальнейшую жизнь! Вот и рассказ или даже целая повесть!

Классический образец такого рассказа - реконструкции написан ещё в двадцатые годы двадцатого века. «**Письмо греческого мальчика**». Всё началось с того, что историку **С.Я. Лурье** был подарен папирус любопытного содержания... Это было письмо мальчика к отцу.

Отец собирался поехать в Александрию, и сын по имени Феон уговаривал-убеждал взять его с собой. А если отец уедет один, то сын с ним и здороваться перестанет, и даже есть перестанет!

Папирус был найден в городе Оксирихе, в Египте, и относился к III веку нашей эры. Затухающий очаг греческой культуры, сохранивший, однако, традиции античного образования. Совсем не трудно оказалось представить себе мальчугана из семьи состоятельной и образованной, любимого родителями и несколько избалованного. И его учителей, и школу,

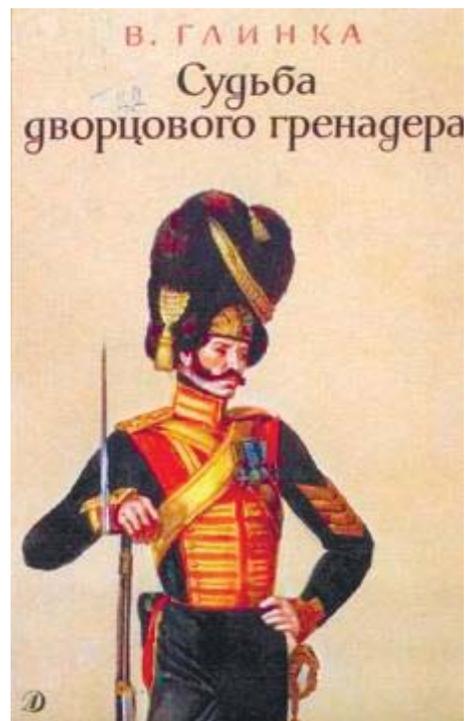
и школьных товарищей - греков, римлян, египтян. Отношения между ними были, скорее всего, напряжёнными - ведь Египет в эти годы сотрясали восстания.

Определить своё место среди людей, свои взгляды на жизнь, Феону было так же не просто, как и его современным сверстникам...

ПОВЕСТЬ-ИЛЛЮСТРАЦИЯ

Но русскому писателю (да и читателю) проще представить себе картины русской истории. Потому, что хоть какое-нибудь представление о ней имеет каждый - в школе «проходим», фильмы смотрим, даже книжки ещё иногда читаем...

Историк **Владислав Михайлович Глинка** просто не мог не стать ещё и писателем. Человек, наделённый живым воображением, он видел за сухими строчками казённых бумаг живых людей, с их неповторимыми характерами и судьбами. И очень хотел спасти от забвения тех, кто забвения не заслужил.

Вот, например, в дворцовом архиве, в одной из бесчисленных папок более ста лет пролежало прошение на царское имя от некоей унтер-офицерской вдовы Анны Ивановой.

Вдова просит о назначении ей пенсии за покойного мужа. Александр Иванов выслужился из рядовых, и все долгие четверть века службы копил деньги, чтобы выкупить из крепостного состояния своих родных: мать, братьев, их жён и детей. Успел выкупить на своё имя, но не успел «выправить» им вольную - погиб при пожаре Зимнего дворца, спасая портреты из Галереи героев 1812 года. И его родные достались в качестве крепостных его вдове.

Вдова хотела бы исполнить последнюю волю мужа - отпустить их на волю, но тогда она с маленькой дочерью останется без средств...

На прошении размашистая резолюция Николая I: «Пенсию назначить».

Из этого архивного документа, как из малого зерна, выросли две повести о прекрасных русских людях: «История унтера Иванова» и «Судьба дворцового гренадера», особенно интересные тем, что ни один их персонаж не выдуман!

«Повесть - иллюстрация» - такого определения нет. Но как иначе определить исторические повести, призванные «оживить», приблизить к современному ребёнку то, что он не может сам разглядеть за сухими строчками учебника?

Просто прочесть на уроке о том, как Иван Фёдоров сделал по итальянскому образцу свинцовые литеры - наборный текст, стал набирать их в раму, мазать краской и класть под пресс - это одно, а прочесть рассказ Яна «Никита и Микитка» - это совсем другое!

Боярского сына Никиту отправляют в Москву учиться грамоте. С ним едет его ровесник - холоп Микитка.

И вот - школа, так не похожая на современную, главная ценность в которой - единственная КНИГА. И обучение, от которого, кажется, легко тронуться умом: «Аз, буки - АБ, буки, аз - БА, буки, аз, буки, аз - БА-БА». Эту тарабарщину твердят хором часами, неделями, месяцами - и лишь к концу второго года «боярин Никита уже читает Псалтырь!»

Микитка же скоро сообразил, что в названии буквы надо обращать внимание лишь на первый звук - и сам научился складывать слова! И вот, увидел боярин Годунов, как маленький холоп пишет прутиком на снегу, да и определил его к дьяку Фёдорову на печатный двор.

Здесь - настоящее дело, «делание книг, доселе невиданных», а главное - недорогих, доступных многим! Работа ради цели, которая казалась фантастической - «народишко грамоте обучить!»

Через полгода боярских детей приводят в типографию на экскурсию - посмотреть, как новые книги делаются. И боярин Никита едва узнаёт Микитку - ничего в нём не осталось холопского. Мастерство «друкаря» - печатника и достоинство мастера, работающего ради «всей Руси».

Александра Мелентьевича Волкова знают все - автор «Изумрудного города»! А вот его повести для подростков переиздаются нечасто. Одна из них - «**Царьградская пленница**» - тоже смело может быть названа «иллюстрацией».

Ну у кого может вызвать живой отклик строчка учебника о том, что древний Киев тревожили набегами печенегов? Или вызвать какие-нибудь эмоции речной путь «из варяг в греки», который всем нам предлагалось «проследить по карте»?

А если рассказать о киевских подростках? Светлана и Зорька, сестра и брат, очень дружны, и до поры до времени - счастливы. У них могучий и добрый батюшка Стоюн, и самая прекрасная мама. Ольга. Но вот - набег печенегов, и в несколько минут жизнь, казалось, рухнула. Горит дом, тяжело ранен отец, а мать схвачена и увезена. Найти - никакой надежды...

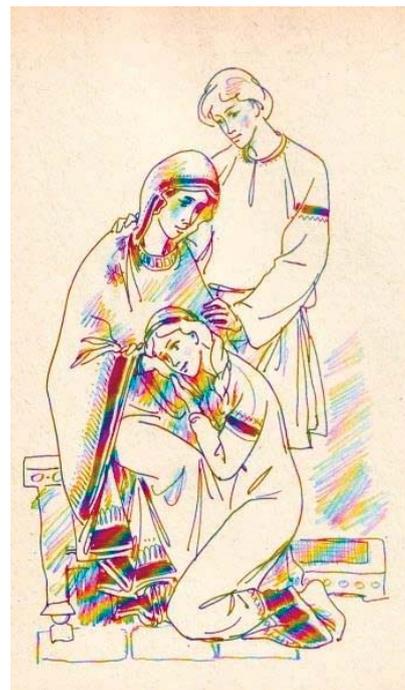
Но, через год купцы, плывущие по старинному пути из варяг в греки, привезли письмо из Константинополя! Ольга продана знатной семье, нянчит у них ребёнка, надеется, что хоть кто-нибудь из её семьи жив, а вернуться уже и не надеется, может только мечтать.

И как же читателю хочется, чтобы ответное письмо, написанное дьячком, пришло быстрее, чтобы семья смогла скопить денег на выкуп, чтобы дети Ольги добрались до Константинополя без приключений, чтобы хозяева согласились продать русскую рабыню! Немножко жалко только маленького грека Стратона: придётся ему расстаться с любимой няней!

Может, кому-то покажется, что история с выдуманными персонажами - это не совсем история? Но историческая обстановка, события и отношения между людьми в этих «иллюстрациях» - строго исторические! А значит и люди, персонажи такие, каких, быть может, и не было, но вполне могли бы быть!

Каким же может и должно быть соотношение фантазии и документа, правды и вымысла, чтобы историческое повествование осталось историческим?

Нигде не уклониться от исторических фактов? Пожалуй, но ведь факты можно трактовать очень по-разному, в зависимости от убеждений автора. Да и так ли уж велика разница между персонажем, выдуманным и реально существовавшим, но неизвестным широкой публике, не оставившим заметного следа в истории?

Крайний случай - это Александр Дюма с его кредо: «История - это гвоздь, на который я вешаю свою картину». Великолепную картину, ничуть не потускневшую за полтора столетия! А ведь исторические события и исторические персонажи в его романах - подлинные. Только в очень вольной авторской трактовке. Более того, практически все герои Дюма, даже второстепенные - не выдуманы. Были. А если бы были выдуманы, что бы изменилось для читателя?

Назвать его романы историческими? Г-м-м-м... Любой историк возмутится. Но потом... потом, краснея, признается, что и историком-то стал потому, что читал «Трёх мушкетёров»!

Значит всё же - исторические!

ПОВЕСТЬ-ФЭНТЭЗИ

Что касается модного ныне жанра фэнтези, к исторической прозе он отношения не имеет, даже если действие происходит не в Средиземье, а в конкретную историческую эпоху.

Жанр, в котором «прописаны» все создания народной фантазии, от эльфов до единорогов, где перемещения во времени так же естественны, как и в пространстве - это жанр совершенно самостоятельный, родственник сказке и философской притче.

Но всё же можно назвать несколько исторических повестей, где некоторые приёмы и сюжетные ходы фэнтези использованы авторами совершенно сознательно.

В повести **К.К. Сергиенко «Бородинское пробуждение»** наш современник москвич Берестов «проваливается» в 1812 год. И становится участником событий, поручиком русской армии.

Сами события - отступление армии к Москве, канун великой битвы, «битва гигантов»

показаны настолько реалистично - кинематографично, что читатель их буквально видит вместе с героем. Дополнительную ценность (дополнительную документальность) книге придадут цветные вставки - план тогдашней Москвы, план битвы, русские и французские мундиры, образцы вооружения...).

Всё замечательно, но одно непонятно - зачем было отправлять «попаданца» в девятнадцатый век, а затем возвращать его в двадцатый, если он изо всех сил старается стать обыкновенным поручиком, а судить о событиях и людях с современных позиций даже и не пытается?

Несколько более оправданным выглядит путешествие в прошлое в детской повести **Виталия Губарева «Преданье старины глубокой»**

Десятилетние близнецы Игорь и Таня скучают дома одни - их родители уехали на раскопки, они археологи.

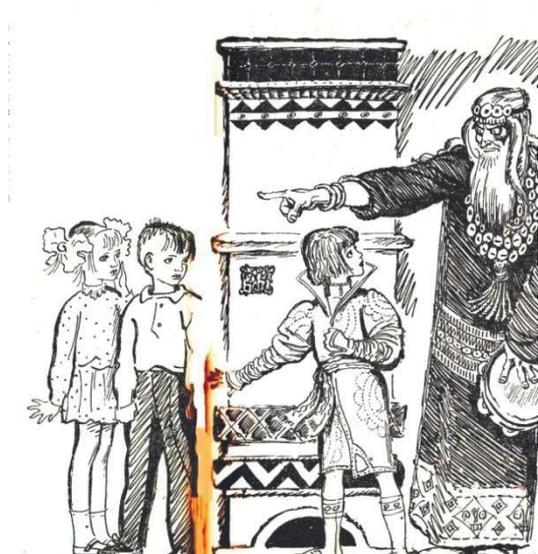
- Даже в выходной копаются в земле, выискивают черепки...

- Как будто тебе неинтересно увидеть прошлое!

- Конечно, интересно! Но я хотел бы увидеть его не нацарапанным на деревяшке, а... вот если бы я мог познакомиться с князем Игорем, когда он был такой, как я!

Должны же детские мечты иногда сбываться - и вот, прямо перед юными мечтателями появляется фея. И отправляет их в Новгород 882 года.

Изда смерда и княжеский терем, Ярославово дворище и корабли, отбывающие «к персиянскому берегу», народное вече и языческое капище, увиденные свежим взглядом детей из будущего - это ещё не самое интересное в повести. Самым большим потрясением

для Игоря и Тани оказалось то, насколько за тысячу лет изменились люди! Какие эти древние новгородцы, по современным меркам, жестокие, невоспитанные, необразованные и до смешного доверчивые! Но герои, так же, как и сам автор, совершенно не настроены ни критиковать тех, кто создал страну, в которой мы живём, ни уж тем более смеяться над ними.

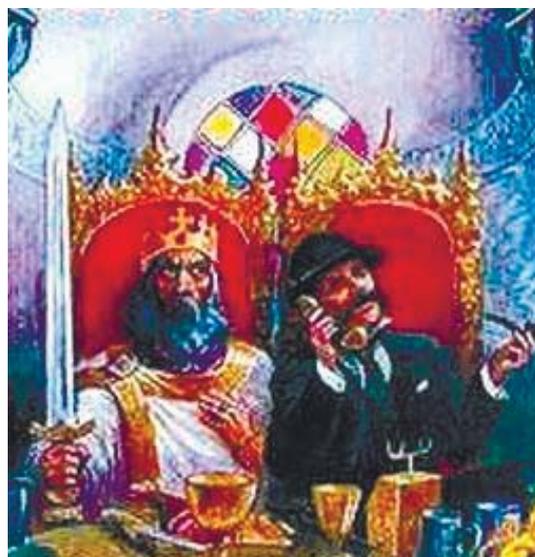
Десятилетний князь Игорь оказался великолепным мальчишкой! Пусть он находит совершенно естественным то, что смерды голодают (уверен, что в Новгороде может голодать только бездельник), походя разбивает нос стражнику и боится невидимых «чуров» - зато не боится врагов и точно знает, зачем и для чего родился на свет: чтобы блюсти и защищать Русь.

А самое известное произведение этого ряда - роман **Марка Твена «Янки при дворе короля Артура»**.

Возникновение легенды о мудром короле, сумевшем собрать вокруг себя всё самое лучшее, самое честное, доблестное и прекрасное, что только могло породить его время, относится к шестому веку, но разрозненные сказания были объединены в эпическое полотно лишь в пятнадцатом столетии английским писателем Томасом Мэлори. В девятнадцатом Артуровский цикл обрёл невиданную популярность, вплоть до того, что само имя «Артур», забытое на тысячелетие, вернулось в активный обиход.

По современной классификации эти легенды - типичное «фэнтези», ведь наряду с людьми в этой фантастической Британии живут волшебники, драконы, феи и Маленький народец зелёных холмов... В итоге реальные приметы времени вплотную смыкаются с миром фантастики и приключений, и вот уже читателю раннее средневековье кажется Золотым веком человечества! А скептически настроенный американец эти представления высмеял так, что не оставил и камня на камне от очередной легенды о потерянном рае! Сумев при этом высмеять именно наивность своих современников.

Итак, механик, мастер на все руки, привыкший в жизни рассчитывать только на себя, свято верящий в благотворность технического прогресса и американскую мечту, иными словами, настоящий янки - неведомым образом провалился в шестой век и попал ко двору легендарного короля. В мир без техники, без знаний, без элементарных бытовых удобств. Здесь поверят любой выдумке, любой сказке из уст «благородного» - вот рыцари и соревнуются в сочинении хвастливых вран о драконах и великанах. А простонародье чувствует себя почти счастливым, если может просто «жить и не умирать». Здесь владелец земли - полный хозяин тех, кто живёт на этой земле, и только ему решать, прикончить ли подданного сразу, или прежде помучить в меру своей изобретательности. А уж что здесь считается «святой жизнью»!

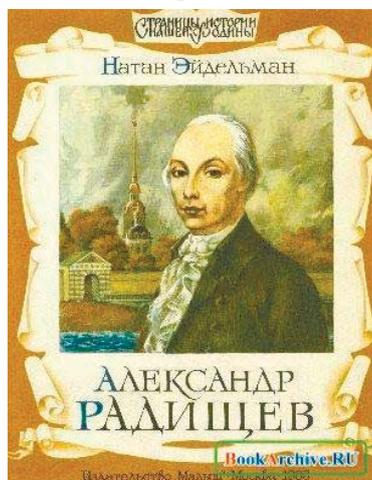

Но и эта реальность, с точки зрения янки совершенно непригодная для жизни, создаёт незабываемые характеры. Прекрасен и сам король Артур, и его рыцари – Тристан, Ланселот, Персифаль... Пусть они остаются детьми своего тёмного века, но подвиги, которые они совершают – настоящие. Подвиги духа.

Безусловно, прочитав озорную пародию Твена, захочется узнать, «как оно там было на самом деле», прочесть и исторические хроники.

ПОВЕСТЬ – БИОГРАФИЯ

Рассказы о людях замечательных, о героях, творцах и первопроходцах - в наши давние школьные годы это был не просто самый популярный жанр исторической прозы. Это был без преувеличения воздух, которым дышали все «дети читающие». А совершенно не читающих просто не было.

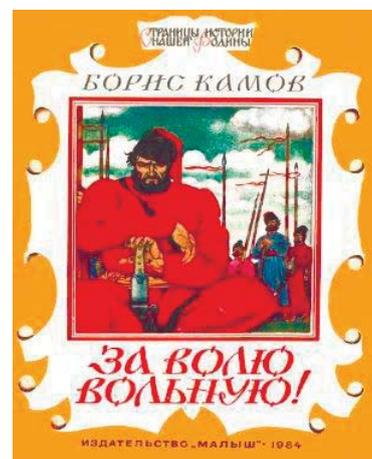

Этим и была вызвана всеобщая подростковая уверенность в том, что мы живём во время благополучнейшее - и - скучнейшее! Ну где и в чём нам проявить себя во второй половине двадцатого столетия, когда даже научные открытия совершаются буднично, в стенах лабораторий? И не откроешь даже самого маленького необитаемого островка... И даже просто шпагой не помашешь в тёмном переулке - только в спортивной секции Дворца пионеров!

Но для убеждения в том, что всё интересное - в прошлом, надо было это прошлое достаточно хорошо себе представлять. Призадуматься... значит, если подростки не будут никак ПРЕДСТАВЛЯТЬ себе прошлое, у них и не будет никаких критериев для оценки настоящего?

Не с этим ли я сталкиваюсь почти ежедневно? Старшеклассники (подчёркиваю - нормальные!) не могут выговорить ничего не говорящее им словосочетание «мыс Дежнёва» или фамилию «Беллинсгаузен». Не могут сказать, в честь какого «командора» названы Командорские острова, и кого это ставил в пример «юноше» Маяковский, какого-такого Дзержинского?

Но ведь этого НЕ МОЖЕТ БЫТЬ! И тем не менее, это ФАКТ. Объяснение которому вижу только одно - упущен тот возраст, когда человек болеет мечтами о «геройстве», когда способен переживать подвиги предков эмоционально. А это - 9-12 лет. И что же, подростки не хотят знать?! Хотят, жадно хотят! Но для этого нужны не только усилия учителя и заинтересованность родителей. Для этого необходима воля сильного, дееспособного государства.

Не поверили, когда я сказала, что нам рассказывали и читали о великих путешественниках, поэтах, учёных и героях революции... ещё в детском саду! Пришлось принести толстую пачку тонких детских книжек про Беринга и Нестерова, Афанасия Никитина и подвиг «Варяга», про Дениса Давыдова и Гангутское сражение... И всё это - издательства «Малыш». Для детского сада и начальной школы.

И список фильмов - и биографий, и просто исторических, на которые мы ходили всем классом. Выдерживая неравные баталии с верзилами - старшеклассниками в тесной кассе кинотеатра.

И фильмоскоп - ископаемую технику прошлого века, с двумя сотнями диафильмов. Про Спартака и Гагарина, про Суворова и Магеллана, про Пушкина, Байрона, Надежду Дурову...

Тишина в классе стала подавленной. Наконец, её нарушил девичий голос:

- А мы всё детство в Барби проиграли!

И эта фраза девятиклассницы достойна стать афоризмом. Хочется верить, что хотя бы не приговором.

«Не любить историю может только человек, совершенно неразвитый умственно» - эта цитата из Белинского украшала собой наш школьный кабинет истории. И после первых же уроков по этому, совершенно новому для нас предмету мы все, весь четвёртый класс готовы были с этим согласиться! Теперь я знаю, что «не любить историю» школьник может

лишь при одном условии: если учитель - редкостная бездарность. А любви не в последнюю очередь способствует учебник, написанный талантливо.

Наш учебник, скромная серо-зелёная книжка с иллюстрациями на каждой странице, был написан так, что каждый параграф представлял собой, по сути, законченный рассказ с завязкой-кульминацией-развязкой. С героем, которым можно было восхищаться, в которого хотелось играть! А главное - с чёткими моральными оценками. Никаких «с одной стороны... с другой стороны...» Нет, люди на этих страницах или безобразны, или прекрасны.

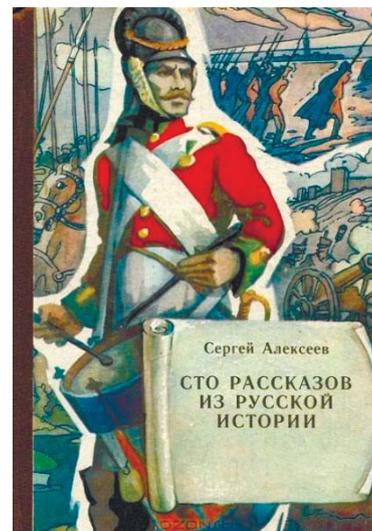
Оправдан ли такой подход? Ещё раз сошлюсь на Льва Толстого, уверенно считавшего, что «любить ребёнка должен научиться прежде, чем знать». Только тогда он вырастет представителем своего народа.

Книжка стала любимой. Не просто обязательная - учебник! А значит, автор был талантлив редкостно... Это был детский писатель **Сергей Алексеев**. Кому, ну кому могло прийти в голову снять его учебник с производства по причине... «излишней художественности»?!

Тогда автор переработал его в книжку **«Сто рассказов из русской истории»**. В таком виде она выдержала множество переизданий, издаётся и сегодня. «Азбука патриотизма для детей»!

И сегодня, когда ломаются копыта вокруг «истории в школе», когда всерьёз предлагается издать учебники, в которых не было бы «ничего, кроме дат и фактов, а выводы дети сделают сами», просто теряешься... То ли авторы этой светлой идеи никогда не видели живого ребёнка, то ли сами детьми не были? Не догадываются, что информация без эмоций детям просто безразлична?

А тем юным читателям (да и взрослым тоже), кто не хочет ограничиваться «азбукой», наверное, интересно будет узнать о целой библиотеке исторических повестей, написанной Сергеем Алексеевым именно и специально «для начальной школы».

Написать о крепостном праве так, чтобы десятилетние читатели не просто поняли, а испытали всю гамму чувств - от сострадания до ненависти?! Вполне возможно, если читатель сможет ассоциировать себя с главным героем! Как в **«Истории крепостного мальчика»**.

Повесть начинается с того, что восьмилетнего Митьку вместе с его матерью выводят на рынок. Барину нужны деньги - и приказчик (такой же крестьянин!) - расхваливает живой товар:

- Баба смиренная, работающая...

Но покупательницу интересует только мальчишка. Суёт приказчику «красную цену» - три рубля, Митьку вырывают у матери... обморок матери никого не волнует.

У барыни Мавры Ермолаевны хозяйство крошечное и крепостных всего только двое стариков - Архип да Варвара. Кажется, должны бы жить дружным мирком? Но нет, каждую субботу старая барыня собственноручно сечёт своих старых холопов, «чтобы не баловали и барскую руку помнили». А они сами и заготавливают розги - порядок знают! Но Митька почему - то такого порядка знать не хочет... Убедившись, что из строптивого мальчишки не выйдет «исправного» мужика, барыня продаёт Митьку соседу - эстету в крепостной театр.

Увы, и для просвещенного хозяина, и для его немца - управляющего крепостные актёры - прежде всего - крепостные. Живые вещи. И Митька, и маленькая балерина Даша...

И что же - все молчат и терпят? Нет, но за каждым шагом-словом следят «верные барские холопы». Следят - и доносят.

А управляющий - управляет с немецкой методичностью. И если от его «управления» кто-то погибнет - барин не взыщет. «Взыскал» Митька. Когда по вине «немца» умерла Даша, Митька подпёр снаружи дверь его флигеля - и поджёт. «Убийца»?!

Побег. Гибель на зимней дороге, казавшаяся неизбежной - и почти сказочное спасение. Молодой офицер Вяземский берёт найдёныша «в денщики».

Столица, весёлая офицерская жизнь, театры, дуэли... А потом - армия. Штурм Измаила. Митька спасает раненого Вяземского - и получает медаль «за спасение русского офицера» из рук самого Суворова!

Радуюсь за полюбившегося героя, читатель готов поверить, что судьба вознаградила мальчишку. Теперь они с «барином» - братья по оружию. Но дальше?! Проиграв в карты всё, что можно и нельзя, Вяземский проигрывает и Митьку.

Не может быть?! Ведь прекрасный же человек, как он мог?!

Да, вот так и постигается простая истина: даже и прекрасный человек мог поступить безобразно, если закон это позволял и даже предписывал. И этот закон - безликое чудовище, КРЕПОСТНОЕ ПРАВО.

Митька опять в бегах. Найдёт ли он лучшую долю? Не будем делиться с детьми своими законными сомнениями... а вдруг? Ведь хоть и очень редко, но случаются чудеса?

Восстание декабристов - эпизод русской истории, который ставит в тупик историков.

Как случилось, что на самодержавие посягнули те, кто был опорой самодержавия - люди, казалось бы, кровно заинтересованные в его незыблемости?! Что было общего у аристократов - и разночинцев, генералов - и поручиков, прагматиков - и поэтов? Почему у этого странного общества не было единой программы захвата власти? А главное - каковы были их планы на будущее?! Ответов много, соответственно много и оценок. Порой - прямо противоположные.

Написать о декабристах так, чтобы было интересно и взрослым - и вполне доступно десятилетним? **Сергей Алексеев** справился с этой «невыполнимой» задачей легко и изящно. Его повесть «**Декабристы**» - это рассказ не столько о событиях, сколько о людях...

В Петропавловской крепости, в одиночных камерах каждый остался наедине со своей совестью. Басаргину представилась возможность бежать, но его остановила мысль о том, как он сможет объяснить это своей дочке? Ведь его друзья пойдут на каторгу... так простит ли его Оленька?

Фонвизина сторожили его солдаты - и они попытались организовать побег своему капитану. Но нет - не пошлёт он своих людей сквозь строй!

Митьков болен чахоткой - и его мать долго обивала пороги прежде, чем ей разрешили передачу. Ей разрешили - а больше никому! Узнав об этом, Митьков стал уговаривать охрану разнести продукты по соседним камерам. И все эти слухи просачивались в город, и люди опасливо шептались: «Каковы молодцы! Не могли ТАКИЕ ради зла бунтовать!»

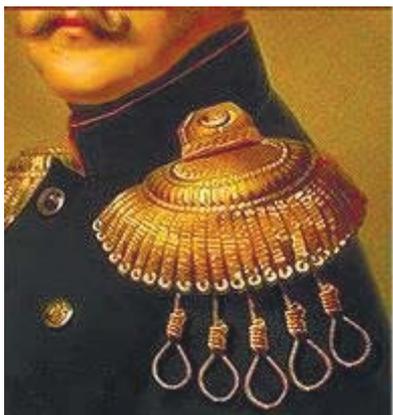
Вот эта фраза - и есть лейтмотив повести. Офицеры, солдаты, жёны и невесты декабристов, и даже их дети, уже рождённые в Сибири - ТАКИЕ, что смело можно брать себе в образец любого. Вот жёны декабристов - юные изнеженные княгинечки, на которых крестьяне просто не могли надивиться: «И чему вас отцы-матери учили? И на что вы годны?»

Но не смеялись - жалели. И помогали, чем могли - ведь «барыни» по полгода просили, умоляли, требовали разрешения уехать из блистательного Петербурга... на каторгу. К мужьям, лишённым права переписки. Мария Волконская как-то подсчитала, что за месяц написала родственникам каторжан 200 писем. Александрина Муравьёва успевала и больше! Связные... Это от них Петербург узнал о том, что в Читинском остроге специально для этих страшных преступников построена тюрьма без окон, что князья работают под землёй в цепях, а вес кандалов - полтора пуда, что свидания с жёнами им разрешены не чаще двух раз в неделю...

А невесты? Разрешение на венчание в остроге дано только двоим. И если Варенька Шаховская уехала в Сибирь самовольно - вслед летит строжайший приказ: ни в коем случае не допустить её брака с Петром Мухановым! Молодые люди прожили почти рядом (что такое по сибирским меркам полтора года вёрст) восемь лет - до самой смерти верной невесты.

Двадцать два года добивалась разрешения поехать к сыновьям Прасковья Михайловна, мать Бесстужевых. Не добилась! И после её смерти к братьям поехали сёстры - Елена, Мария и Ольга.

И вот - царская милость! Детей, рождённых в Сибири, можно отправить к родне в столицы, но с непременным условием - сменить им фамилии! Оскорбление... Никита Муравьёв всё же решается отправить свою двенадцатилетнюю Ноннушку к бабушке. Тут же приказ с курьером: «Везти девицу в закрытой карете, с родными встречаться отнюдь не позволять, зачислить в мещанское отделение». Даже не дворянка... Не стала Ноннушка отзываться на придуманную фамилию, не стала скрывать своего происхождения, и с бабушкой тайком встречалась, и рассказывала о каторге всем, кто хотел знать. Всё-таки осталась Муравьёвой!

Интересно, что автор никак специально не пытается «очернить государя - рыцаря», которого ныне так модно превозносить. Портрет Николая I складывается из его собственных приказов и поступков (все подлинные), а вывод сделать несложно. Вольно или невольно, но даже отзывы иностранных дипломатов звучат убийственным сарказмом: «Удивительно милосердие нового государя - повесил всего пятерых!»

Но как же, стараясь предусмотреть каждую мелочь, император не заметил ни школ, ни самодеятельной Академии, устроенных декабристами? Ни их стихов, прозы и рисунков, ни их агрономических достижений? Достаточно сказать, что до декабристов в Сибири вообще не было огородов!

Если бы этих молодых людей раскидали по разным острогам - по одному, вероятно, затерялись бы. Но все вместе они - непобедимый форпост русской культуры.

Так что же это за восстание, что за явление - декабристы? Очевидно, общее и главное у всех этих людей одно - невозможность быть сытыми среди голодных, счастливыми среди несчастных. Бунт воспалённой совести.

«Небывалое бывает». Пушка свалилась под откос. Вытащить её на дорогу - задача непосильная для целого взвода солдат! Но вот - остановился возле них капитан. Глаза круглые, усы кошачьи, рост... выше любого гренадёра на две головы! Подхватил плечом пушку, вытолкнул на дорогу - да и поскакал дальше. А следом скачет курьер:

- Служивые! Здесь государь не проезжал? Что? Капитан ростом в косую сажень?! Дурни, какой же это капитан? Это сам государь Пётр Алексеевич!

Вот так, на скаку, врывается Пётр в детскую книжку... Сказочный богатырь!

Начиная эту повесть, автор отлично сознавал, что вступает в соперничество с самим Алексеем Толстым. И не побоялся даже процитировать несколько эпизодов толстовского романа: о том, как царь побил Меншикова за взятки, и о том, как молодой боярин за границей только и научился, что «вместо «батюшка» говорить «фатер», вместо «матушка» -

«муттер». Но здесь с первой же страницы становится ясно - богатырь сдвинул с места махину - страну, опираясь на рядовых! Прислушиваясь к мнению солдат, матросов, мастеровых...

Вот поручик Вяземский обучает новобранцев маршировать. У каждого к одной ноге привязано сено, к другой - солома. «Право-лево» не знают, а сено с соломой не спутают!» И что же? Вскоре - образцовая рота!

Вот школы везде пустуют, и только в Серпухове - дети учатся! В чём дело? Оказалось, воевода приказал солдатам водить детей в школу под конвоем. Водили целую неделю, пока не убедились дети, что в школе не страшно. Наоборот - интересно! Теперь ходят сами.

А вот рядовой солдат подсказывает царю, как подойти к вражьей крепости неожиданно: протащить корабли через лес, просекой! Трудно? Так какое же дело без труда получится... И протащили, и победили! Только погиб умница - солдат. Похоронили с офицерскими почестями.

Петербург - прорыв в будущее - строился на земле, которую Европа признает русской лишь через девять лет! А пока на всех картах «Ингерманландию» рисовали шведской провинцией... И эту стройку - по пояс в болоте, мы видим глазами мальчонки Никитки, который приехал с отцом Силантием. Никитка ещё не строитель, он просто вычерпывает воду из землянки - бесконечные дожди... Простудился Никитка - а помощи никакой, в этом «городе» и врачей - то нет. Так и умер. Недолго прожил после того и Силантий - и его по первому морозу схоронили. Да, теперь мы знаем, что «город на костях» - это, мягко говоря, преувеличение, смертность была вполне «среднерусской». Но несложно понять и тех, кто слагал эти мрачные мифы - люди не понимали, зачем, ради чего эта авральная стройка! И что и кому мог объяснить царь? И как? У него и телевидения-то не было...

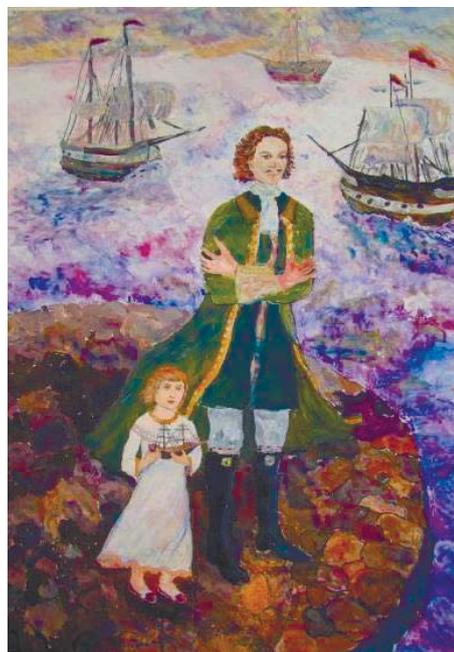
Да и хотел ли государь быть понятым всеми? О деле заботился, не о собственной славе... Вот умный мужик Данила, казалось бы, умно объясняет соседям, зачем России нужно море. И почему ради выхода к морю можно и колокола перелить на пушки. Но новые налоги... «Придёт время - быть царю в ответе за то, что с мужика три шкуры дерёт!» И донёс же кто-то из соседей на Данилу в Тайный приказ, вздёрнули мужика на дыбу! И тут в избу вошёл сам царь:

- За что человек на дыбе?

- Смутьян!

Промолчать бы Даниле, а он:

- Грабитель с большой дороги... не забудет народ... не помянет добрым словом...

Гаркнул Пётр, чтоб смутьяна повесили, да и убежал. Видать, и умному мужику невдомёк, что и воевать, и строить можно только засчёт мужика, что нет у царя других денег, кроме налогов!

И вполне понятно, отчего и почему для тех, кто вынес на своём хребте тяжесть реформ, Пётр был «антихристом», и почему для потомства он стал «Великим».

Вообще рассказывая о Великих, Алексеев везде, где только можно, показывает своих героев глазами людей обыкновенных, рядовых, безвестных. Нередко - глазами детей. И постепенно вырисовывается картина, наводящая на очень тревожные мысли о судьбах отечества: перед нами как будто две совершенно разных России!

Когда в сегодняшней школе детям пытаются объяснить, каким разбойником-грабителем был Стенька Разин, дети недоверчиво смеются: «Плохим человеком пиво не назовут!» И ведь они правы. Читая повесть «**Грозный всадник**», любишь разинцами (чего стоит одна только Алёна-старлица!), и Разиным. И почти не замечаешь его победителя, «тишайшего» царя Алексея Михайловича. В детстве не замечаешь, потом сообразишь, что это ведь именно он тихо-мирно присоединил Украину...

Невозможно не полюбить маленького пугачёвца Гришатку из повести «**Жизнь и смерть Гришатки Соколова**», невозможно не понять, за что он так восхищается «государем Петром Третьим». И почему ничуть не разочарован, узнав, что «государь» - самозванец. Верноподданический восторг сменился настоящей любовью к человеку, самому справедливому на свете! Доброму к народу - и оттого беспощадному к его угнетателям. Но если тут же прочесть книжку того же автора «**Екатерина Великая**»? Победа Пугачёва означала бы гибель и государства, создаваемого Екатериной, и молодой русской культуры!

А Суворов - из какого он лагеря? Такой демократичный, такой совершенно свой для солдат, такой чужой для напыщенного петербургского «света»? Не углубляясь в дебри европейской политики, автор делает акцент на создании Суворовым русской национальной армии. Нет, конечно, мы помним заслуги Петра I, Румянцева, Потёмкина, но именно Суворову удалось сделать армию не просто социальным лифтом - средством воспитания нации. Вот по приказу Суворова солдата разложили на лавке и врезают шомполами. А он стоит рядом и приговаривает в такт:

- Жителя не обижай! Он тебя кормит!
Солдат - не разбойник, солдат - защитник!

Оказывается, рядовой Пень в только что взятом турецком городе ворвался в дом, где остались одни женщины, и набил себе за пазуху, что понравилось. Позорит Россию!

Не пользуясь услугами «генеральского» повара, питался Суворов из солдатского котла. Если находил обед дурным - интендант тут же слетал с должности. Ежедневный контроль! А требование, чтобы «каждый солдат знал свой маневр», забота о просвещении воинов? Если на любой, самый неожиданный вопрос, солдатик отвечал уставным «не могу знать» - виноват был нерадивый офицер!

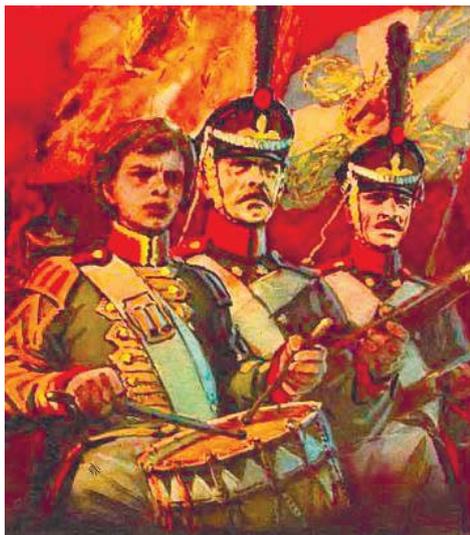
Обучение армии было поднято на высоту, в восемнадцатом веке невиданную. А главное - умение воевать без поражений. Семьдесят сражений - семьдесят побед.

Но вот Александр Васильевич приезжает в своё имение. Здесь он - просто барин. И горбатая старуха шамкает, что её выпорол управляющий за недоимку - три рубля...

- Правильно! И впредь за недоимки буду батогами жаловать! А почему парни, как дубы вымахали, а не женаты? Невест нет? Закупить и завтра же повенчать!

Мужики не ропщут - знают, что у других господ хуже. Но оправдание ли это для великого полководца?!

А он не нуждается в оправданиях. Потому, что это благодаря Суворову и воспитанной им армии потомки тех крепостных живут в России и говорят по-русски. И когда офицер при его штабе щеголяет своим французским, своими парижскими духами и туалетами, Суворов - внук шведа и сын армянки, гневно обрывает его болтовню:

- Гордись, дурак, что ты - россиянин!

Но неужели ничто не может сплотить и направить к единой цели эти две России - государство и тех, на кого это государство навалилось всей своей неподъёмной тяжестью?! Может - иноземное нашествие, реальная угроза. Отечественная война.

Полгода - в истории всего лишь мгновение... Но именно столько продлилось единение государства и народа в противостоянии объединённой Европе, в войне 1812 года. И об этом - пожалуй, самая сильная повесть Алексеева «Птица - Слава».

А о том, как народ взял, наконец, свою судьбу в свои руки, Алексеев рассказал в повестях «Братишка», «Сын великана», «Октябрь шагает по стране».

Что, руки, в которых оказалась власть, были не очень умелыми? Пожалуй. Но задача наша и наших детей - не ныть о том, что деды - прадеды делали что-то не так, как хотелось бы нам сегодня, а учесть их опыт и сделать больше и лучше.

И чтобы ответить на такой вызов времени, надо свою историю любить и знать. Но главное - любить!

Немногим авторам удаётся рассказать о жизни «простых» людей так, как **Борису Привалову**. Чтобы читатель буквально «услышал» не то, что их голоса, но и запах прелых овчин и вечных кислых щей. Но при этом не морщился, а пытался понять, как и почему при жизни на грани физического выживания всегда находились люди, способные думать не только о себе? Такие, как Петрушка из повести «Петрушка - душа скоморошья».

Сегодня профессия актёра, певца - мечта для многих и многих. А как же - популярность - поклонение фанатов - гастролы по всему миру... и деньги. Но что могло побудить человека выбрать эту профессию лет пятьсот назад? Когда популярность означала только большую вероятность попасть за решётку? Гастролы - пешком или, в лучшем случае, в санях - в любую погоду, ночлеги на свежем воздухе. А деньги...

«Кто не даст пирога - того схватим за рога! Кто не даст гроша - у того тоща душа!»

Это были не назойливые побирушки, от которых откупались подачками, лишь бы шли дальше! Нет, это были Актёры. Песни, музыка, пантомима, фокусы, дрессировка животных, акробатика - им было подвластно решительно всё! Самые желанные гости на праздниках, ярмарках, и даже в боярских теремах - и самые опасные вольнодумцы, несущие в народ крамольную мысль и живое слово.

...В город Полонск на зимнюю ярмарку пришла дружная ватага. Её глава Потихоня - силач, скоморох по прозвищу Грек - фокусник такой, что глядя на его номера, суеверный народ крестится. Есть в ватаге и акробат, и музыкант, и «коза» - плясун. И медведь, «брательник Михайло» - тоже замечательный артист. Он даже «читает книги» с видом, невероятно глубокомысленным, и публика, почти сплошь неграмотная, очень его за это уважает! А младший в ватаге, Петрушка, умеет решительно всё.

Скоморохи уже полгода живут впроголодь - копят каждый грош на выкуп двух старших товарищей. Посадил их в «яму», то есть в тюрьму, боярин Безобразов, и назначил за них огромный выкуп - сорок золотых!

Жаловаться некому, искать правды негде. В этом обществе раз и навсегда определено, что одни люди правят, другие воюют, третьи - молятся. А огромное большинство - это потомки библейского Хама, им заповедано трудиться. И если человек выбирает себе небогоугодное занятие скомороха, актёра, он - никто. Он идёт против божьей воли, он - преступник уже потому, что преступна его профессия.

Мальчишка не вызовет ничьих подозрений, и отвезти деньги доверено Петрушке. Они так надёжно зашиты в пояс... Ватага уходит дальше, а Петрушка... ему пригодятся все его умения, храбрость, смекалка, чтобы проделать в одиночку путь не очень дальний, но очень опасный.

На постоялом дворе случайные попутчики не хотят с ним делиться ухой, переругиваются, мёрзнут потому, что печка не горит - её мажут глиной. Засыпают, просыпаются, разбуженные маленькой внучкой хозяйки, бранятся... Петрушка решает развлечь ребёнка - лепит из мягкой глины кукольную головку, насаживает на палец и начинает сыпать прибаутками! Девочке нравится, но не совсем:

- Куклы так не говорят!

- А как говорят куклы?

- У них куклячьи голоса! - смеётся девчушка, и тут же начинает «озвучивать» новорожденного персонажа, мальчика. Петрушка срочно лепит вторую головку - боярина. И это вредное и жадное существо озвучивает сам. Попутчикам уже не до сна! Косясь на зрителей, Петрушка «поддаёт жару», а они хохочут:

- Ай да малец! Ну прямо скоморох!

Если есть в истории театра эпохальные открытия, то это - куклы на пальцах, было эпохальным. Рождение русского кукольного театра. Дело за малым - сделать ширму, за которой не будет видно кукольника. И Петрушка её придумывает!

Но как же он, такой находчивый, позволил себе выпить с боярскими слугами? Что они ему подмешали?! Когда проснулся - пояса с деньгами уже не было... А позже узнал, что проснуться ему ещё очень повезло - слуги Безобразова выследили его ватагу. И убили.

Впору теперь счесть себя свободным от обязательства? Озаботиться собственным выживанием? Но скоморохи были выкуплены из неволи вовремя! Неужели Петрушка мог столько заработать кукольными представлениями? Нет, хоть успех ему и сопутствовал, столько не заработаешь. Пригодились и актёрские навыки, и талант фокусника. Кого сейчас удивишь «волшебной» шляпой с двойным дном? А боярские слуги и в самом деле поверили в волшебство - шляпа сама родит деньги! В любом количестве! И ... купили чудесную шляпу у пожилого «иностранца»! Загримировался Петрушка, объяснил ломанным русским языком, что шляпа кормит его всю его долгую жизнь, но теперь уж ему, старому, скоро помирать - так готов её уступить всего за сорок золотых... Грешно?! Нет, вполне справедливо наказать мерзавцев. Хотя бы так.

Дознались - догадались, кого ловить, кого выслеживать. Но... попробуй, поймай! Ширма складывается лёгким движением руки, куклы - в сумку, и вот уже скоморох смешался с толпой. А толпа не выдаст. Да и многие скоморохи освоили новую специальность - кукольников! И очень хочется верить, что жил скоморох Петрушка долго и счастливо. А его детищу, его любимому персонажу, кукле Петрушке, суждена жизнь вечная.

А если правитель и его безвестный подданный встретятся – познакомятся, найдут общий язык просто как обыкновенные мальчишки? Вот так, как в повести **Марка Твена** «Принц и нищий»...

Наверное, нет в истории ни одного правителя, вокруг которого не слагались бы легенды. Но даже на этом фоне история английского короля Эдуарда Шестого - нечто, не совсем обыкновенное. Ведь если человек становится королём в девять лет и умирает в шестнадцать? Да ещё в те времена, когда отношение к детству вовсе не было восторженно - сентиментальным? Казалось бы, всё, что должно от него остаться - это тире между двумя датами? А осталась прекрасная легенда...

Люди попытались объяснить себе, как и почему этот мальчик так старательно вникал в государственные дела, так желал прекращения религиозных раздоров. А самое интересное - почему добился приостановки драконовских законов против безработных? В шестнадцатом столетии Европа впервые столкнулась с безработицей, как явлением, и единственным средством борьбы с этим злом король Генрих Восьмой, отец Эдуарда, считал... виселицы. В его правление было повешено более шестидесяти тысяч «бездельников»!

«Природное мягкосердечие?». Нет, не только. Для принятия этих решений нужно чёткое представление о проблемах, стоящих перед страной. Хорошие, добросовестные советники? Или... в легенде есть какая-то доля истины? А легенда повествует о том, что Эдуарду довелось пожить не только во дворце, не только в искусственном мирке. И увидеть настоящий народ, а не только придворных, которых называют «народом» короли. Маленький король познакомился с настоящей жизнью - и эта жизнь его ужаснула. Зато понял, как прожить достойно - помочь своим запутавшимся соотечественникам!

И под пером Марка Твена история начинается, как авантюрный роман: на принца залюбовался уличный мальчишка. Просто посмотрел сквозь решётку. Но даже это показалось стражнику непозволительной дерзостью: ударил! Да так, что оборвыш упал...

Увидев такое, Эдуард отчитал стражника, и пригласил мальчика к себе. В гости.

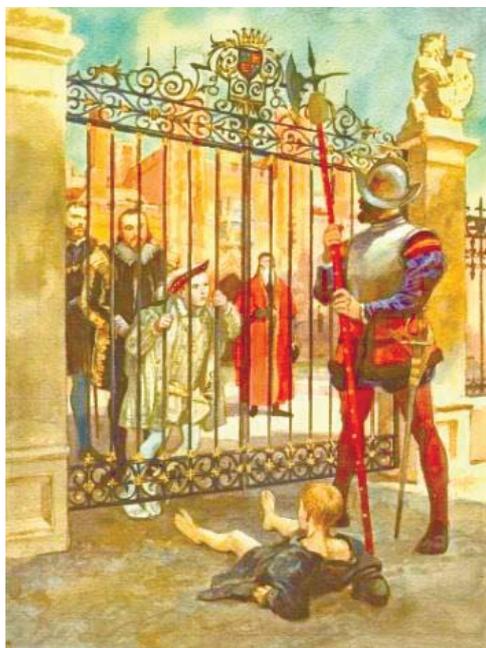
Том Кенти и мечтать не мог о том, чтобы переступить порог королевского дворца! А как Эдуарду нравится роль радушного хозяина, как он угощает гостя и расспрашивает о его жизни! Готов даже позавидовать - его-то не отпустят играть, плескаться в реке, драться на палках... у него уроки-церемонии-заседания. У счастливого Тома есть мать, а у него давно умерла. Сёстры? Какое совпадение - у каждого из них по две сестры! Но Эдуарду этикет предписывает беседовать с юными леди, как со взрослыми. Вот если бы хоть на минуту почувствовать себя такой вольной птицей, как Том, если бы примерить его одежду!

Мальчики меняют одежду, недоумённо смотрят в зеркало: как будто и не менялись! Даже близнецы нечасто бывают столь похожи!

А дальше? Дальше по нелепой случайности во дворце останется Том. А Эдуард - «на свободе». И окажется, что эта «свобода» почти несовместима с жизнью!

По дорогам бредут толпы отчаявшихся людей, согласных на любую работу, но всё, что им может предложить родина - это избавление через повешение - многие из них вынуждены красть, чтобы жить. Причём воровством считается даже охота - ведь леса принадлежат королю, а значит, и лесная дичь - тоже!

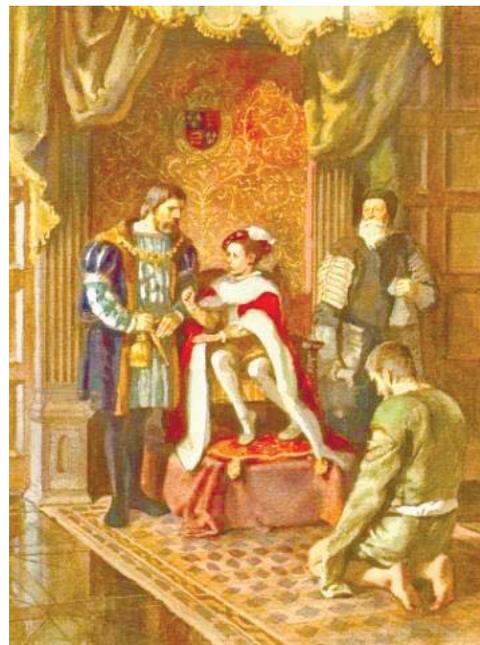
В своих бедах многие склонны винить... колдунов, ведьм и вообще всех, кто молится «не так». Сожжение «вероотступниц» - развлечение для толпы! Но тёмных людей, балансирующих на грани голодной смерти, можно пожалеть. А вот сытый барон, обманом отбирающий у брата наследство и невесту... А судья, готовый отправить ребёнка на виселицу

по одному подозрению в грошовой краже? И как отнестись к изуверу, вполне бескорыстному, и потому особенно страшному - монаху-отшельнику?

«Народ» для маленького короля - это уже не толпа, орущая приветствия. Это - люди, в огромном своём большинстве - несчастные. Возлагающие надежды на нового короля.

До Эдуарда, затерянного в этом море житейском, доходят слухи, что новый король «вроде как слегка не в себе, а только не мешало бы таким сумасшествием заразиться иному здоровому - он судит не по законам, а по справедливости!» Но кто же этот «новый король»? Неужели... уличный бродяжка Том Кенти?!

А если бы Эдуарду суждено было вырасти? Можно только фантазировать о том, каким бы он стал. И совсем не исключено, что Великим.

Но можно ли предугадать? Задаваясь этим вопросом многие, очень многие писатели вглядываются в детство людей, ставших гордостью человечества.

Так, как **Александр Волков** в своей повести «Скитания».

Не так уж много известно историкам о детстве Джордано Бруно, но опираясь на некоторые факты, Александр Волков создаёт повествование, поистине захватывающее.

Если мальчишки не было дома всю ночь, а под утро он появился весь в страшных ожогах, что должны подумать родители?! Где уж им догадаться, что их восьмилетний Фелиппе... постоял за честь родной Италии! Очень уж нагло вёл себя Родриго - испанец, вот и пришлось поспорить с ним, кто храбрее. Подняться ночью к самому кратеру дымящегося Везувия! Очень было страшно, особенно когда путь преградил поток раскалённой лавы. Зато как посрамлён Родриго! Отец не только вырвал у него клятву не лазить по вулканам, но ещё и дал нагоняй за то, что он вообще унизился до спора с итальянцем - сыном побеждённой нации...

А ведь на первый взгляд жизнь в маленьком городишке Нола, что у подножия Везувия - настоящий рай! Нигде так ярко не светит солнце, нигде не вызревают апельсины слаще, чем в Счастливой Кампанье. А если у мальчугана ещё и любящие родители, и верные друзья, и самый лучший в мире учитель... Нет, школы в жизни этих детей нет. Не положена. А учитель - это единственный грамотей, отставной офицер. Любит он своего единственного ученика, и затаённо вздыхает, что не может отвечать на все его вопросы. Уже не может... И зачем малышу знать, «что такое звёзды»? И чем не устраивает его наивно-поэтическое объяснение мамы: «Это глаза ангелов, которые следят за нами, грешными людьми!»

Но и мама, простодушная крестьянка, начинает понимать, что уютный и понятный мирок Нолы для её сына слишком тесен. И именно она не задумываясь согласится надолго расстаться с единственным ребёнком, когда представится возможность учить его в настоящей школе - в Неаполе! Огромный шумный город, переполненный самым разнообразным народом со всего света, живёт жизнью, совершенно незнакомой - морем! А в школе на первых порах самое интересное - это новые товарищи. Потому, что прежде всех наук - латынь.

Пока не заговоришь на ней свободно, ничего не поймёшь ни в математике, ни в логике, ни в астрономии.

Но Фелиппе Бруно словно и не заметил «трудности» мёртвого языка - заговорил на нём и пошёл дальше. Даже придумал собственную систему - для обучения начаткам латыни новичков. И тут же был обвинён в вольнодумстве - его система не соответствует канонам!

А какие прекрасные глаза смотрят на юного школяра из глубины ювелирной лавки! Это Ревека, пятнадцатилетняя дочь менялы. Вот если бы спасти её от какой - нибудь беды... Фелиппе ещё не подозревает, что девушке и в самом деле грозит беда - её просватали за старика. А узнает - поможет сбежать! И родные не ужаснутся, не станут напоминать, что стена между добрыми католиками и отверженными евреями - непробиваема. Если девица решится сменить веру - какой это будет праздник для всего католического Неаполя!

Да, помимо главного героя в повести есть ещё и главная героиня. Это - католическая церковь. И читателю непросто сразу определить отношение к этой «героине», непросто ответить на детский вопрос: «хорошая она или плохая?»

Когда необъятно-толстый монах обижается, как это ему могли предложить небогоугодное блюдо - колбасу, это просто забавно. Но уже не хочется смеяться, когда на празднике святого Януария фанатичная толпа готова растерзать иноверцев. А когда та же толпа поклоняется трём черепам святого Егудилла? Один череп - пятнадцатилетнего святого, другой - тридцатилетнего, а третий остался после его смерти...

Ничто не ускользало от наблюдательного Фелиппе, и тем не менее, в шестнадцать лет он примет постриг в ближайшем Доминиканском монастыре. Станет «смирненным братом Джордано». Почему? Просто определил своё призвание - НАУКА. А наука ещё не вышла из монастырской кельи. В монастырях богатейшие собрания книг, при монастырях университеты, в университетах преподают научные светила - и только монахов учат бесплатно!

Картины жизни монастыря - настоящего государства в государстве - поражают наглядностью, живостью и многообразием ситуаций и характеров... Очень скоро брат Джордано станет «восходящей звездой доминиканцев», доктором богословия. На него возлагали такие надежды, что даже закрыли глаза на явную ересь: вынес из своей кельи все иконы, оставив лишь распятие!

А другие «братья»? Как и почему оказались в монастыре они? Почти все - в поисках сытой и лёгкой жизни, но читателю не стоит спешить с обвинениями. Вот, например, Алессо Ронка: сирота из рыбацкой деревни. У него три сестры «в батрачках маются», так он, единственный мужчина, и решился на такой «прорыв» - выучиться и стать священником в своём приходе. Нелегко ему даётся наука, зато - отличный друг. И читатель готов будет поздравить Алессо, когда он, наконец, получит желанную должность, а сам новоиспечённый священник испугается за своего друга. Столько лет охранял этого рассеянного и доверчивого Джордано от всех врагов и завистников... Как же теперь без него?

Увы, предчувствия не обманули верного Алессо - очень скоро Джордано придётся бежать из монастыря. Сменить одежду и имя, заново защититься на степень доктора философии и стать бродячим учёным. Впереди - все университеты Европы! Швейцария, Германия, Франция, Англия...Оправдал надежды наставников?

Нет. Вывод о том, что бог «растворён» в природе и вне природы не существует - это слишком! Бесконечная Вселенная с бесконечным множеством «солнц» - звёзд и «земель» - планет, населённых существами, столь же, а может быть, и более разумными, чем люди Земли - это слишком! Ибо в таком мироздании нет места Богу...

Понимал Рим, с кем имеет дело? Да. Римский папа Климент VIII требовал «любой ценой вернуть Бруно церкви - это один из самых светлых умов нашего века». Формального отречения от «заблуждений» было совершенно достаточно для долгой и безбедной жизни «в лоне любящей матери» - католической церкви!

Автор избегает мрачных подробностей о святой инквизиции - её судопроизводстве, практике добычи показаний и наказаний. И финал звучит торжественным аккордом: «Воздух родины оказался отравленным - Джордано Бруно взошёл на костёр - и в бессмертие».

Биографии людей, оставивших столь яркий след в истории, интересны всегда. Даже если они написаны авторами, не слишком талантливыми. Недостаток художественных достоинств в книгах серии «Жизнь замечательных людей» с лихвой искупался невероятными сюжетами, уникальными характерами, автор которых – сама жизнь.

А если писатель – автор биографической повести, ещё и талантлив?

Сегодня Михаил Афанасьевич **Булгаков** возведён в ранг «классика, обязательного к прочтению и к восхищению». И на фоне его «**Мастера и Маргариты**», «**Собачьего сердца**» или «**Дней Турбиных**» как-то не очень заметна скромная биографическая повесть «**Жизнь господина де Мольера**». А тогда, когда Булгаков был известен лишь немногим литературным гурманам? Чтобы снять с полки и прочесть книжку из серии ЖЗЛ про Мольера, надо было знать, кто такой Мольер... Очень вовремя попал мне в руки том «Всемирной литературы» с десятком мольеровских пьес!

«Смешные жеманницы»... Две барышни приехали из провинции в Париж, и решили вести себя по – столичному. Теперь со своими гостями они разговаривают только так:

- Ах, маркиз, сядьте же, наконец! Не будьте так жестоки к этому креслу, которое уже четверть часа простирает к вам свои объятия!

«Мещанин во дворянстве». Пожилой купец Журден мечтает о дворянском титуле. Если не для себя, то хотя бы для любимой дочки: ищет ей жениха - дворянина. А сам, чтобы соответствовать будущей знатной родне, учится музыке, риторике, танцам, фехтованию... Но сколько ни платит учителям, а служанка Николь владеет шпагой лучше!

«Мнимый больной». Как легко зарабатывать на доверчивых простаках! Выучи полтора десятка фраз по-латыни, запомни, куда вставлять клистир - и сойдёшь за врача!

«Тартюф». Невероятный проходимец духовного звания являет чудеса изворотливости - даже неудачи оборачиваются его победами! Только это уже не смешно, а почти страшно - ведь дурачит он людей честных... (Кстати, самым лучшим Тартюфом в кино был Михаил Боярский).

Каким же должен быть Мольер - автор этих искромётных комедий?!

И вот вместе с Булгаковым мы погружаемся в мир, вроде бы, хорошо знакомый по романам Дюма. Перед нами Франция семнадцатого столетия. Париж - столица мира. Но это какой - то «другой взгляд»... Ах, вот в чём разница! У Дюма такие персонажи, как Планше или Гримо - лишь комический фон для главных героев, а здесь парижское простонародье - и есть собирательный Главный Герой. Занятый борьбой за существование. Со своими удачами, неудачами, несчастьями и нечастыми радостями. Вот честный буржуа Поклен, мебельных дел мастер, трудами всей жизни достиг высокого звания Королевского обойщика. Он не просто поставщик двора, он удостоен чести менять королю тарелки за обедом! На большее человеку незнатному рассчитывать в жизни и не приходится, но как это объяснить сыну?!

Мальчишка ещё не знает, чего он хочет, но ЭТО ему неинтересно! Что ж, пусть учится в колледже де Бове - полезно для будущих связей, там ведь учат и принцев.

Но когда Жан Батист, получив солидный диплом... собрал компанию таких же ненормальных и открыл театр в кое - как отремонтированном сарае?! Лопнуло терпение папаши Поклена!

И вот, сначала провинция, а затем и Париж узнали Мольера, актёра и автора «фарсов балаганных, но надо признать, очень-очень смешных». Труппа приглашена ко двору, и впервые в истории королевского театра придворные не смотрят на короля - они смотрят на сцену. Не ждут реакции Величества, чтобы реагировать точно так же, а самозабвенно хохочут! При первом же появлении Мольера на сцене! А при первой же произнесённой им фразе хохот превращается в настоящий грохот - заливаются даже охранники-мушкетёры в дверях, хотя им-то уж смеяться не полагается ни в коем случае!

Почему?! Да хотя бы потому, что люди, привыкшие видеть на сцене «античных богов», или, в крайнем случае, слащавых «пастушков», увидели самих себя, своих друзей и знакомых. На сцене жили, ссорились, мирились, влюблялись обычные парижане - знатные и не очень, умные и не очень... Аристократы, купцы, учителя, ремесленники, слуги, адвокаты, доктора, ревнивые мужья, лукавые жёны...

И Мольер становится придворным комедиографом. А это одновременно и удача, и трагедия. Причём трагедию зависимости от короля, взбалмошного, упрямого и отнюдь не обладающего художественным вкусом, Булгаков ухитряется показать изящно и даже местами забавно... Ситуация была знакома ему самому очень хорошо, но он не ждал и не хотел жалости. Ни к себе, ни к Мольеру. Ведь на первой же странице он представляет читателю своего героя так:

- Этот мальчик станет более известен, чем ныне царствующий король Людовик Тринадцатый. Он станет более знаменит, чем следующий король - Людовик Четырнадцатый, хоть этого короля и назовут Король-Солнце!

И неужели Мольер не понимал, как изменчиво это «счастье»? Но если он не боялся наживать врагов, издеваясь над нравами аристократии в «Амфитрионе» или «Дон Жуане», значит - главным для него всё же было не сохранение расположения Его Величества, а любовь и поддержка публики. Демократической публики. Того самого простонародья, к которому великий драматург принадлежал по рождению.

Повествование насыщено такими подробностями, столькими бытовыми деталями, что иллюзия «путешествия во времени» - полная. И понимаешь - это написано с любовью к герою. А ведь часто, слишком часто во всех этих «биографиях великих людей» - лишь неуклюжая имитация любви и восхищения!

Книга, написанная ещё в 1938 году, была напечатана лишь в 1962 потому, что для серии биографий «Жизнь замечательных людей» составители нашли её...

«излишне художественной»!

Парадокс - читать мы любили, но на школьных уроках литературы откровенно скучали. Почти все и почти всегда. Почему? Тогда наивно полагали, что «школьные начальники» нарочно набрали в программу книг, то ли слишком взрослых, то ли слишком скучных. Вот если бы мы «проходили» то, что читаем для себя!

...Это был единый сплав, драгоценный слиток: роман **Алексея Толстого «Пётр I»**, иллюстрации к нему Дементия Шмаринова, так много говорящие воображению, и великий фильм, снятый ещё в 1936 году. Фильм, который мы готовы были смотреть столько раз, сколько его покажут по телевизору и в кинотеатре, буквально путешествуя по времени на два с половиной столетия назад. Не задаваясь «классово-сознательным» вопросом, «может ли царь быть хорошим». Мы же видели то, что видели! Человека, рядом с которым жизнь была бы прожита не зря...

Тогда мы, семиклассники, ещё не знали, что у книги и фильма один автор. Что сценарий был написан Толстым на одном дыхании, и в него вошли те события, которые должны были войти в роман, в его неоконченную третью часть! Но даже не зная чувствовали, что фильм - прямое продолжение книги. Пухлый том не пугал своей толщиной - наоборот, это была такая возможность пожить в другой эпохе. Но кем из героев мы могли себя вообразить, кому посочувствовать?

Петру? Но он для читательского «сочувствия» слишком сильный. Даже в самом начале, в десять лет! Он ещё не знает, как собирается жить, но догадывается: мир так интересен и так велик, что оградиться от него стенами Кремля - значило бы стать беднее последнего нищего! Нет, у него будет и войско, пусть поначалу «потешное», и корабли, и немецкая слобода, и море, и Соловки, и Европа. И друзья, совсем уж самодержцу не положенные. Ведь у «нормального» государя должны быть только слуги, подданные!

«Влезть в шкуру» Евдокии - первой жены Петра, было совершенно невозможно. Просто потому, что она не находила (да и не пыталась найти) ничего такого, что было бы ей и мужу одинаково интересно. Ну не хочет за книжками сидеть - это нам, лентяям, было понятно. Но как не захотеть съездить на море или в Париж?!

Их сын Алексей вызывал жалость. Пусть брезгливую, но - жалость. Разве мало мы видели вокруг изнеженных созданий, которых мамы не отпускали даже в пионерский лагерь? И вот от такого вдруг потребовали стать работником, а то и героем?! Что только не придумывал, чтобы ничего не делать!

«Катеринушка, друг сердешненькой» - вот кому мы, девочки, от души завидовали даже тогда, когда обещали друг другу, что сами - то «никогда-никогда не выйдем замуж»! Вторая жена. Любовь на всю оставшуюся жизнь!

А Меншиков, Бровкины, преображенцы и молодые бояре, посланные учиться, художник Андрюшка Голиков и механик Андрей Нартов... вот если бы оказаться среди них, если бы так, как они, знать, для чего учишься! «Стать полезным государю и Отечеству»...

Ну а что делать с теми, кто не хочет? Для кого учиться - слишком трудно, государь - слишком требователен, а Отечество... «Деды - прадеды без наук жили - а не глупее нас были!» «Тем и славна была Россия, что прикрывши срам лица брадою, аки голубь в святом неведении, возносила молитвы!»

А мы не знали, что делать вот с этой страшной толпой, вопящей про конец света и царя-антихриста! И готовы были принять простой царский рецепт: «Всем вплоть до ангельского чина, выходить на работу! А кто дерзнёт ослушаться»... Далее - варианты. Дубина, топор, кнут... А разве это неправильно, если в результате - Полтава? Гангут? Петербург? Ну хорошо, признай за каждым право жить, как хочет - вряд ли кто вообще тогда встанет с дивана. Закон сохранения энергии - он ведь действует не только в физике. Но уж тогда - никаких побед.

Весь класс обошёл номер журнала «Советский экран» - старое интервью с актёром Николаем Симоновым:

- Вы не похожи ни на одно из тридцати восьми известных изображений Петра...

- Значит, стану тридцать девятым - и самым похожим!

- Но как Вы сможете восстановить его манеры? Или походку?

- Зачем? У меня другая задача. Сыграть начальника, о котором можно только мечтать. Царя, которому не стыдно служить.

Мы, благодарные зрители, готовы были подтвердить - актёру это удалось в полной мере!

И вдруг... оказалось, что роман «программный!» Мы будем «проходить» его по литературе в десятом классе! Обрадовались! И вот - дожили... Темы сочинений:

«Классовая ограниченность Петра - реформатора». «Столица, чужая России». «Свет и тень в характере Петра». «Цена реформ».

Скучи-и и-ща!

Хорошо, что некоторые исторические повести всё же избежали такого занудного «классового анализа». Владислав Глинка в число обязательных авторов не входил никогда, и его «Повесть о Сергее Непейцыне» не замучена ни школьными разборами, ни сочинениями!

Сегодня, когда на живой памяти не осталось ничего, имеющего отношения к русскому дворянству, сколько людей вдруг начали искать у себя благородных предков! И ведь находят! И рассуждают о «настоящей дворянкости» с придыханием благоговейным... По-человечески это понятно: противоестественно не знать своих предков, дальше бабушки. Ничего нет хорошего в потере понятий родословной, рода. Но... дворянство в России – это был всего 1% населения. При этом «настоящими дворянами» были и гоголевские помещики, и лесковские однодворцы, и толстовские сиятельства, и чеховские ничтожества. Между собой эти люди не нашли бы ничего общего!

А кому и что могло сказать скромное имя русского дворянина Сергея Непейцына, первым сражением которого стал штурм Очакова, а последним - Бородино? Рядовой истории...

Начинается рассказ картинками барской жизни, уютной, сытой и бестолковой. Но вот - по небрежности сгорел барский дом, и дяденька Семён Степанович, герой-подполковник, захвативший на краткую побывку, спасает из огня семью брата. Только брата спасти не успел.

Маленькие племянники с этого дня росли врозь. Младшенький Осип, матушкин любимчик, без конца ныл и лупил чем попадая нянек. Няньки у матушки и считались виноватыми: «не могут угодить дитяте!» И тут же добрая матушка продавала холопских детей, как щенков.

А старший, семилетний Серёжа, оказался на руках у Ненилы, чудесной сказительницы, особенно любившей сказки «про страшное». Например, про медведя на деревянной ноге: «Скрипи, нога, скрипи, липовая! Где-то баба не спит, моё мясо варит, мою шёрстку

прядёт»... И нашёл ведь медведь коварную обманщицу, и «приел». И правильно - не смей и зверя обмануть, если зверь к тебе с добром приходил!»

После очередной победы русского оружия в имение возвращается дядюшка, и деятельно перестраивает усадьбу, налаживает хозяйство, находит время и для Серёжи - учит ездить верхом. Но вот Серёжа, по примеру маменьки, сунул няньке в бок кулаком: «Отстань, зуда!» И впервые увидел дядю Семёна в гневе:

- Одну лапу ещё сосёшь, а другой тиранствовать норовишь?! Уж если хочешь мне любезен быть, так и скотину ударить не моги, не то, что человека!

Поостынув, дядя объяснит уже спокойно и веско:

- Нельзя человека бить оттого только, что тебе захотелось, особливо если он сдачи дать не смеет! Ударить позволительно лишь чтобы остановить несправедливое, чтобы слабого от сильного оборонить! А теперь смотри, что на новых изразцах нарисовано - написано. Умел бы читать - прочитал бы. Хочешь, научу?

Так началось воспитание - обучение будущего русского офицера...

Берётся дядюшка учить и младшего племянника, Осипа. И ужасается его душевной пустоте. Вернее - полному бездушию, и в то же время - успехам в учении: «Ум его проснулся! Если ещё и душу разбудим - прямыми братьями станете».

Прошло десять лет - и вот уже братья под Очаковым. Осада крепости затянулась, от безделья Осип режется в карты, дерётся с шулером и гибнет на первой же дуэли.

Сергей искалечен при штурме. Потерял ногу в восемнадцать лет... Не выжил бы, если бы не камердинер Филя! А дальше будут скитания по петербургским кабинетам на деревяшке с прошениями о дальнейшей службе. Предложение об отставке почти оскорбит - ничего ещё не успел сделать для отечества! Долгие беседы с дядюшкой приняли новое направление: Сергей задумался о воле для мужиков. Но для дяди Семёна это - начало конца государства:

- А мы с тобой - разве вольные? Крепостные государыни и Отечества... Вот твой Филя - прекрасный человек, а только и в нём я не уверен. Думаю, он и сам в себе не уверен! Ведь если у человека никогда не было денег, и вдруг - сразу много, как он себя поведёт? Никто этого не знает! А если никогда не было воли?»

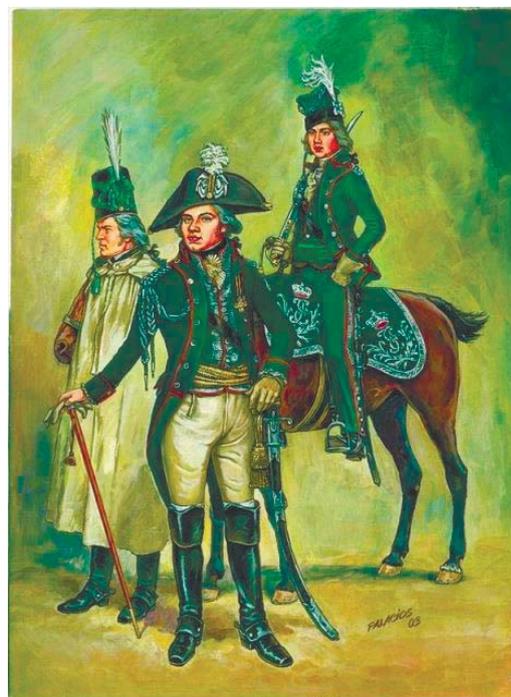
Сергей всё же вручает Филе «вольную». И слышит в ответ: «Зачем, батюшка, если душа у меня крепостная? Или плохо я служил, или надоел?! Ну и не обижай!» И барин почувствовал себя чуть ли не виноватым... Будет и невеста, польстившаяся на состоятельного жениха, но за глаза прилепившая ему, одноногому, ехидное прозвище... Нечаянно услышал.

И вдруг появился Сергей Непейцын в свете... снова на двух ногах! Чудо? Наверное, он не спешил никому ничего объяснять. Назначение на службу получил. Снова сел на коня с твёрдым намерением вернуться в строй. Вполне возможно с чудесным пружинным протезом работы самого Кулибина!

Вторая книга о жизни рядового русского дворянина называется «Дорогой чести».

Как-то смешно на фоне такой судьбы выглядят карточные «долги чести» и та «честь», которую положено защищать от каждого косога взгляда...

И уж совсем невозможно заподозрить, что «честь» - исключительно принадлежность благородного сословия. Как будто само слово «благородный» изменило значение! Ведь изначально оно означало всего лишь принадлежность к роду «благодарному», то есть не занятому физическим трудом!

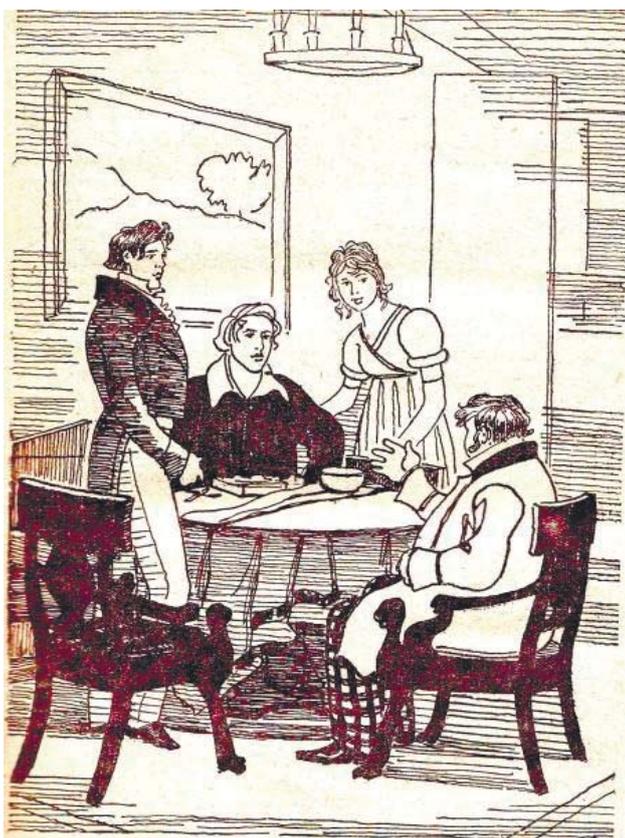

Маргарита Ямщикова (псевдоним - Александр Алтаев) - автор ста пятидесяти исторических повестей для юношества. Странно, что лишь немногие из её произведений переиздавались, и почти все стали библиографической редкостью. Ведь среди них не найдёшь даже относительно слабых! Это не дамский роман в историческом интерьере, это действительно история. С невыдуманными героями. Известными и не столь известными, но ничуть не менее интересными.

О чём или о ком повесть «Пасынки Академии»? О том, что была у крепостных мальчиков совершенно законная возможность «выйти в люди», стать не просто свободными, а господами! Дворянами! Для этого надо было «всего-навсего» окончить Академию художеств в Петербурге. Конечно, с разрешения своего ХОЗЯИНА. Академия была единственным высшим учебным заведением России, куда принимали крепостных.

Одни господа желали иметь собственного «маляра - живописца», и требовали от своих холопов отличной успеваемости, другие же с помощью Академии делали дворянами собственных внебрачных детей, и их успехами не интересовались - был бы диплом. Но в одних классах с этими «пасынками Академии» учились и «вольные», и даже небогатые дворяне. Было бы преувеличением сказать, что на несколько лет они стали одной семьёй - нет, они соперники. Но соперники в служении музам. Барской спеси или рабской приниженности эти стены не видали! Удивительное сообщество людей увлечённых, любознательных, талантливых.

Но вот, представитель одной из знатнейших фамилий, граф Фёдор Толстой, оставляет военную службу и поступает в Академию, чувствуя своё призвание. Семья возмущена

настолько, что отказывает ему во всякой материальной поддержке: аристократ-художник?! Позор! На его стороне только старая няня Ефремовна: «Не будешь, Феденька, счастлив без Академии? Ну и живи счастливо, а из чего щи сварить, я всегда найду». Значит, это Ефремовне мы обязаны появлением одного из лучших русских скульпторов.

Теперь в особнячке графа - художника собираются те, кого спустя два поколения назовут «интеллигенцией». Здесь не меряются знатностью и богатством. Здесь читают стихи и обсуждают новинки литературы и живописи, здесь делятся творческими планами и мечтают прославить Россию. Здесь замечают друг друга, влюбляются и даже решаются объясниться в любви племянница графа Машенька и молодой художник Сергей Поляков.

- Серёжа, вы любите всё, что люблю я... вы очень красивы, Серёжа!

- Я крепостной...

- Но ведь после Академии вам сразу дадут чин и дворянство. И мы обвенчаемся!»

«Счастье было так возможно, так близко», но... Несколько господ решили не отпускать своих крепостных, и шестерым «пасынкам Академии» за месяц до выпуска объявляют, что они исключены. Господа забирают их в свои имения. Поляков ещё оказался в лучшем положении - его хозяйка, Елизавета Хитрово, живёт в Петербурге. Но все просьбы знатных друзей её крепостного «маляра» ей просто смешны - почему это она должна отпускать того, кто может «представить её хоть в виде Омфалы, хоть в виде Цереры»? Сергей пытается примириться со своей участью, но чувствует - жизнь проходит мимо. Бежать? Куда? Ах, не

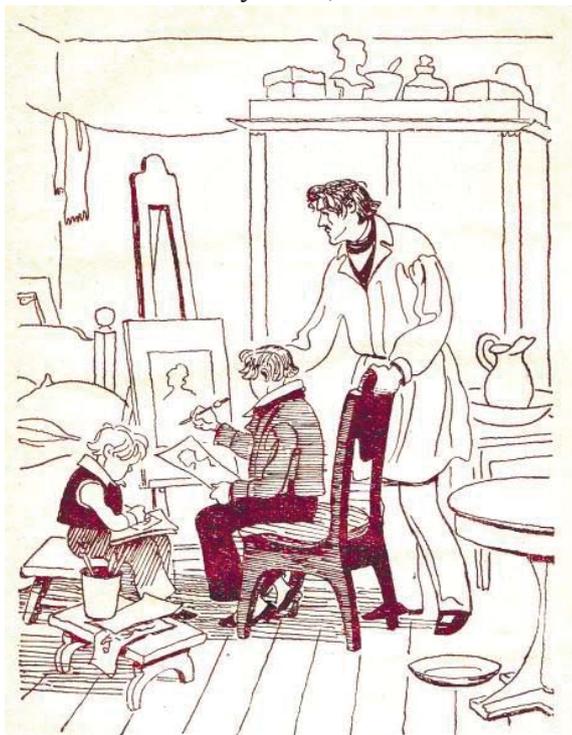
всё ли равно! И Машенька готова ему помочь, готова стать соучастницей. Счастлива была бы убежать с ним, но очень больна... она умрёт зная, что её любимый свободен!

И вот - жизнь скитальца, а попросту говоря, беспаспортного бродяги. И при всякой возможности - занятия рисованием, ведь Сергей даже мысли не допускает, что с любимым делом, с профессией можно расстаться. Как же Василий Тропинин, великий художник, до шестидесяти лет был крепостным - и сумел сохранить не только мастерство, но и живую душу? Как он понимает Сергея! Но сам - сам спасается только работой. Всё ещё надеется выкупить из крепостного состояния своего сына.

А в это время... в Петербурге восстание! За волю! Неужели?!

Как горько читателю сознавать, что надежды героя напрасны - декабристы не победят.

Тихая пристань, спокойная жизнь будет недолгой, но всё-таки будет - в имении петербургского друга, помещика Елагина. Сергей станет учителем его сыновей. И один из его учеников, Александр Агин, станет известным художником, первым (и, пожалуй, лучшим) иллюстратором Гоголя. Это ему предстоит создать те самые «портреты» гоголевских помещиков, которые вот уже полтора века украшают собой все школьные хрестоматии! Но почему урезанная фамилия? Агин, а не Елагин? Горький парадокс русской жизни - эта помещичья семья - сами жертвы общественного порядка. Мать этих мальчиков - крепостная крестьянка. Родня запретила Елагину жениться на ней, он не настаивал. И так любил, и так жили хорошо, дружно. Но вот- простудилась Параня и умерла! И теперь её сыновья числятся крепостными у собственного отца. Как бывшие крепостные, они не унаследуют фамилию отца, но всё же выйдут «в люди». Один путь мальчикам - в Академию!

внимание и даже состоял с ней в тайной переписке» князь Сергей Трубецкой. Легко проверяемо - надо поискать в доме князя... Но князь тоже исчез!

Могли быть образцами благородства и люди незнатные, могли демонстрировать и прямо противоположные качества те, кто находился на самом вершине социальной пирамиды. По праву рождения...

То, что весной 1851 взбудоражило весь Петербург - полицию, жандармерию, наследника престола и даже самого императора, не имело никакого отношения к политике. Просто бесследно исчезла жена коммерции советника Жадимировского. Советник уверял, что на жену «обратил особое

На первый обывательский взгляд дело было ясно: представитель золотой молодёжи, ошалев от вседозволенности, украл чужую жену! Но почему галантному приключению надо было придавать характер едва ли не государственного преступления? Во все концы империи были разосланы приметы беглецов, и любые сведения тут же поступали непосредственно к императору. Если донесения о похожих путешественниках поступали со стороны границ - западной или южной, следовало распоряжение усилить наряды, проверить и перепроверить. Если же шпики уверяли, что видели их в Вологде, Костроме или Ярославле, Николай раздражённо бросал бумаги под стол: «Не такие они дураки, чтобы бежать в Россию, а не из России!»

Беглецов поймали лишь через три месяца в Редут - Кале. Чуть - чуть не ушли... Тут же последовал приказ везти их в Петербург... в разных каретах. Ни в коем случае не дозволяя переговариваться.

И Жадимировская разговаривала только со своими конвоирами:

- Что будет с князем Трубецким? Всю вину я возьму на себя, ведь это я уговорила его увезти меня от мужа, от человека, жить с которым я не хочу и не буду! С Трубецким - хоть в Сибирь на поселение! А если не позволят - в монастырь!

Трубецкого же спросили без церемоний: как он посмел украсть любовницу?

- Мы не были любовниками!

Дело принимало оборот, совершенно неожиданный...

Уже в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, собравшись с мыслями и обуздав чувства, князь пишет «объяснительную записку» о том, что Лавинию Александровну он знал ещё ребёнком, и тогда ещё был тронут её несчастным и жалким положением в семье - родители откровенно пытались продать единственную дочь как можно дороже. Наконец, их выбор остановился на советнике Жадимировском, человеке весьма несимпатичном, которого Лавиния полюбить не могла. Даже ежедневные побои «любящих» родителей не помогли, и девушка дала согласие на брак, только получив уверение жениха, что он «избавит её от домашней тирании.»

Это совершенно совпадало с показаниями молодой женщины: жених обещал ей «быть для неё только покровителем, отцом, и не иметь с нею никаких сношений, кроме братских». Но после свадьбы стал добиваться её любви... побоями. И выгонять на улицу.

Свидетелем была вся столица - смеялись и заключали пари, когда и чем кончится этот странный брак! И только светский ветропрах Трубецкой - пожалел...

Год в равелине, затем - служба рядовым на Кавказе. Награды за храбрость, возвращение дворянства, перевод в Оренбург, и наконец - отставка. Отбытие в имение под Муром. Под секретный надзор. Но даже усердная полиция далеко не сразу обратила внимание на мальчика - слугу, сопровождающего князя. Тем более, что на полпути «мальчик» куда - то исчез, а появилась «экономка». Стоит ли уточнять, что это была Лавиния Александровна?

Хотелось бы написать, что жили они долго и счастливо, но увы... Счастливо, да. Но - недолго. Всего два года. После внезапной смерти князя Лавиния Жадимировская сразу покинула имение и удалась в монастырь.

Но почему высочайшие особы обратили на эту историю своё высочайшее внимание?!

Очень просто. При первом же явлении на придворном балу юной Жадимировской, на неё обратил внимание сам император Николай! Женщина была уведомена о царской милости, готовой на неё излиться, но в отличие от всех прочих, ответила резким отказом. Не этим ли было вызвано неудовольствие её мужа - ведь при дворе именно жёны открывали мужьям небывалые возможности!

Император терпеливо ждал «падения крепости», но ему предпочли другого.

Это только один из многих очерков в двухтомнике «Алексеевский рavelин». Другие истории ничуть не менее удивительны! Кладезь для режиссёров - берите! Снимайте фильмы о русских людях, о неповторимых русских характерах!

Вот так же, как писатели спешили запечатлеть мгновение. Словно боялись, что в реальность таких событий и таких людей потомки просто не поверят.

Повесть **Константина Станюковича «Севастопольский мальчик»** была написана специально для детей, но в двадцать первом веке становится хорошим тоном подобную литературу от детей прятать! Не толерантно, и вообще... международные соглашения запрещают участие детей в боевых действиях!

Но когда, в каком веке детям можно было объяснить, почему они не имеют права мстить за погибших родителей? Или даже просто видеть, как погибают свои - и не схватиться за оружие самому? Не встать возле пушки на место павшего артиллериста?

1854 год. Крымская война.

Матросский сын Маркуша никогда не задавался «деликатным вопросом» - чья вера лучше, просто в Севастополе какого только роду-племени народу не было, и одиннадцатилетний мальчуган был в наилучших отношениях с целым миром. Пока не пришли враги...

Откуда что взялось! «Не посмеют! - уверяет Маркушка себя и других, - жидки эти гличане против нас, наша вера крепче!»

В переводе с детского на русский это означает, что с позиции силы разговаривать с севастопольским мальчиком НЕЛЬЗЯ. Со взрослыми русскими - тем более. И вот - город превращается в крепость, простреливаемую насквозь. Здесь больше никто не застрахован, даже душа обороны - адмирал Нахимов.

На глазах у Маркуши умирает раненый отец. Потом - пригревший мальчишку «дяденька Бугай». Едва ли не единственным близким человеком остаётся «милосердная барыня» - медсестра. Но и она работала, не щадя себя - да через полгода и умерла. Схоронили с ранеными в братской могиле...

И Маркушка явился на Четвёртый бастион. Самый опасный. И не попросил - потребовал, чтобы его научили стрелять из «мортирки»:

- Я за них, может, десять французов убью!

«Он делал то, что делали все, и гордился, что и он, мальчик, убивает людей... и как это легко!» И капитан Бельцов, недавно потерявший сына, любовался им и чувствовал, что ТАКИМ сыном он мог бы гордиться.

- Ты, Маркуша, теперь всегда будешь при мне! Всегда.

Это - последняя повесть Станюковича, завещание внукам. Особую убедительность, особый вес этому «завещанию» придаёт то, что написана книга, по сути, о собственном детстве.

Это одиннадцатилетний Костя Станюкович вместе с другими мальчишками и девчонками носил на бастионы воду и еду, удивляясь постоянным перебоям в снабжении защитников города. И доставлял письма, и перевязывал раненых, и помогал на земляных работах, а случалось, и палил из «мортирки». И это не было «игрой в солдатики», это - всерьёз. Не книжный - настоящий севастопольский мальчик получил две медали «За оборону Севастополя».

И наконец - факт, в который сегодня даже нелегко поверить: Костя был сыном адмирала. Именно такими были представления русских офицеров о чести и достоинстве: не прятать своих детей «от доблести, от подвигов, от славы». Они должны быть достойны отцов не в каком-то «завтра», которое для них в этом аду может и не наступить, а уже сегодня.

«Запечатлённое мгновение», картины окружающей действительности могут быть восприняты и как призыв к немедленным переменам – если действительность омерзительна!

«Маленькая женщина, которая вызвала большую войну» - так назвал президент США Линкольн писательницу **Гарнет Бичер-Стоу**. Войну Севера и Юга за отмену рабства в Южных штатах.

А какое нам дело до Штатов и рабства? Взрывная книга из девятнадцатого века... теперь ведь это памятник эпохи, не более? С таким предубеждением открывает «**Хижину дяди Тома**» сегодняшний читатель, и с первых же страниц понимает, почему дядя Том - «один из самых влиятельных литературных героев мира», а роман, написанный скромной учительницей, стал одним из вечных спутников человечества.

Это не столько о неграх и рабстве, сколько о природе человека, которая остаётся неизменной во все времена. Измени законы сегодня, дай рабов любому из нас - и история повторится! Не верите? Думаете, уж мы-то - гуманисты? Но ведь точно так же думают о себе все хозяева живой собственности в романе, и почти все они - действительно, гуманисты...

Вот хотя бы мистер Шелби, у которого рабам даже разрешено заводить семьи. Их венчают, как белых, и они это ценят! Платят хозяину искренней привязанностью. Но хозяин проиграл крупную сумму... долг чести... и с великими терзаниями совести он продаёт своего лучшего-любимого раба дядю Тома. Клятвенно обещает его выкупить, «как только будут деньги». В придачу к Тому продаётся и такая мелочь, как четырёхлетний Гарри, сынишка служанки Элизы.

Новый хозяин Тома, Сен-Клер, персонаж, которым автор откровенно любит. Умница, красавец, любящий отец, бесконечно снисходительный к окружающим и щедро наделённый чувством юмора. Но это типичный литературный «лишний человек» - высказывая самые глубокие мысли о природе рабства и угнетения вообще, он ничего не собирается менять ни в своей жизни, ни тем более в жизни общества. Пережив личную трагедию, Сен-Клер безвольно спивается, и с каждым днём всё менее способен заняться делами - освободить тех, кому он обещал свободу.

А мистер Бэрд, который с немалым риском для себя спасает беглянку Элизу с маленьким Гарри? И он, и его жена - такие люди, что прочтёшь о них - и словно погостишь у хороших друзей. Но! Этот самый мистер Бэрд - сенатор, и только вчера он проголосовал за закон, обязывающий всех белых сдавать беглых негров властям! Сам сдать не может, но уверен, что без рабства рухнет родная Америка...

И на невольничьем рынке покупатели не свирепствуют, а пекутся о собственной выгоде. Разве это грешно? Купить мальчишку - подростка - это поступок хозяина, а его мать, которая на коленях умоляет КУПИТЬ и её вместе с сыном? Да это же просто бросить деньги на ветер - надолго ли её хватит, этой изработанной клячи...

Люди на этих страницах совсем неплохие, просто живущие так же, как их деды и прадеды. В книге только один хозяин - садист. Плантатор Легри. А значит, перед нами не «клевета на великую страну», в чём пытались обвинить автора при жизни, а почти анатомическое исследование общества, поражённого раком. Рабством.

Ещё проще любому из нас представить себя на месте невольников. Ребёнку - на месте Гарри или Топси, девушке - Розы или Эммеины... И несложно понять Касси, у которой отняли двух детей - а третьего, последнего она отравила. Вспоминая об этом много лет спустя, Касси скажет: «Это один из немногих поступков, которым я горжусь!»

И как два противоположных полюса - Прю и Джордж.

Старую пьяницу Прю хозяева порют каждый день - крадёт их деньги и пропивает! И вот она совершенно потухшим голосом рассказывает, как всех её детей распродали ещё грудными, а последнего хозяйка, правда, не продала, но... запретила кормить! «Он плакал, плакал, и умер... Только когда напьюсь - и не слышу его плача...»

А Джордж, талантливый механик - самоучка, бежит в свободную Канаду, отстреливаясь от преследователей. Спасает себя и свою семью.

А вот главный герой, дядя Том... это человек, не полюбить которого просто невозможно. Но как нам сегодня понять, почему он даже не помышляет о том, как взять свою судьбу в свои руки? У него было столько возможностей бежать, но каждый раз он боролся с соблазном, открывая Библию... «Рабы, повинуйтесь господам своим...» Остаться честным перед самим собой, жить в согласии с собственной совестью - это ему удалось, но...

Современники сделали вывод: христианское смирение не спасёт слабых и не вразумит сильных. И победили силой оружия.

Но снова и снова возникал вопрос: а не лучше ли оставить «детей природы» в покое? Не использовать, как рабочий скот, не «тащить в цивилизацию», а просто жить на одной планете, не замечая друг друга?

И если «не замечать», то ради сохранения многообразия человечества, или во имя сохранения... природных курьёзов?!

Людоедство на островах Новой Гвинеи было легализовано ещё во второй половине двадцатого века. Сейчас этот милый народный обычай существует нелегально. Впору возмутиться непроходимой дикостью! Но если вникнуть, расспросить «дикарей» - в их поступках обнаруживается и логика, и этика. Только совсем другие...

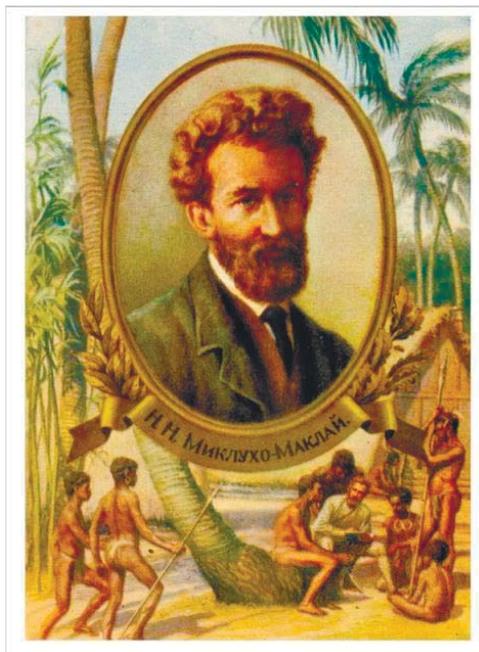
- Вы ведь там, в Европе, воюете. В войнах гибнет много людей, а всё равно никто никого не может заставить жить по-своему. А мы ни с кем не воюем, мы просто раз в пять лет съедим чужака, и все об этом узнают, и к нам не суются!

Так многие ли решатся погостить у папуасов даже сегодня?

Ада Чумаченко в своей книге «Человек с луны» рассказывает о путешественнике, который решился «погостить» у них первым.

Когда в 1871 году русский этнограф Николай Николаевич Миклухо-Маклай отправился на Новую Гвинею, не только обыватели, но и серьёзные учёные сочли это какой-то изощрённой формой самоубийства. Тем более, что ехал он без охраны и без оружия. Просто пожить среди людей, считавших себя единственными людьми на Земле. Узнать их обычаи, язык, познакомиться с образом жизни, чтобы ответить на важнейший вопрос: является ли человек единым биологическим видом? Дарвинизм ведь ничего не говорит о том, от одного ли вида обезьян произошёл человек, или от разных, «более человекообразных» и «менее».

Дневники «Маклая», украшенные рисунками, не просто документ - они сами по себе чтение увлекательнейшее! На их основе написано несколько повестей, в том числе и «Человек с Луны». Но почему рисунки, а не фотографии?

Лапай — уроженец островов Нинго (?).
Рис. сделан 2 октября 1879 г.
во время третьего посещения
Миклухо-Маклаем о. Луб

Просто карандашу тогда доверяли куда больше, чем фотокамере.

Первый день на острове. Николай Николаевич углубился в лес по едва заметной тропинке. Он не замечал нескольких пар глаз, следивших за ним, но... едва в просвет между деревьями показалась деревня, путешественник был окружён. Полдюжины воинов, вооружённых копьями! Как объяснить, что он - не враг? И папуасы увидели, что странный человек... хочет спать! Выразительно зевнул, сел возле дерева, прислонился к стволу...

В тот день пришлось вернуться на корабль, так и не разглядев посёлок, но на завтра встреча оказалась уже почти дружеской: папуасы пришли в восторг от ярких материй, бус, железных гвоздей и ножей. Щедро заплатили фруктами и поросятами, и даже любезно доставили плоды своей земли на корабль. Но когда пришелец объяснил мимикой и жестами, что корабль уйдёт, а он останется, туземцы испугались! Много дней прошло прежде, чем учёный понял: испугались за него! И не смогли тогда, сразу объяснить, что они -то люди хорошие, но у них очень злые соседи. Съедят они доброго белого человека!

Можно ли было устоять от соблазна объявить себя колдуном?! Оказалось, что пришелец может воду остановить (здесь никогда не видели зеркала), а может и поджечь! Очень эффектно горит спирт, но добрый колдун никогда не подожжёт моря!

Беспредельно наивный народец? Но разве не так же наивен в их глазах Маклай, который не ориентируется в тропическом лесу, не знает ни здешней кулинарии, ни здешних обычаев? Кто бы мог подумать, что завоевать доверие папуаса можно, подарив ему прядь своих волос! Стоит ли говорить, что через неделю волос у Маклая почти не осталось, зато доверяла ему теперь вся деревня Горенду?! Сколько юмора, сколько забавных моментов возникает от самого обыкновенного «твоя-моя не понимай!» Но ведь это совершенно неизбежно при встрече людей разных культур, и ни в коей мере не означает, что встречаться им не стоило!

Общий язык был найден - выучил. И очень скоро папуасы говорили: «Слово Маклая - одно». Не лжёт! Даже тогда, когда сказать правду - опасно... Однажды его друг, папуас Туй, спросил от том, о чём люди Горенду не могли прийти к единому мнению:

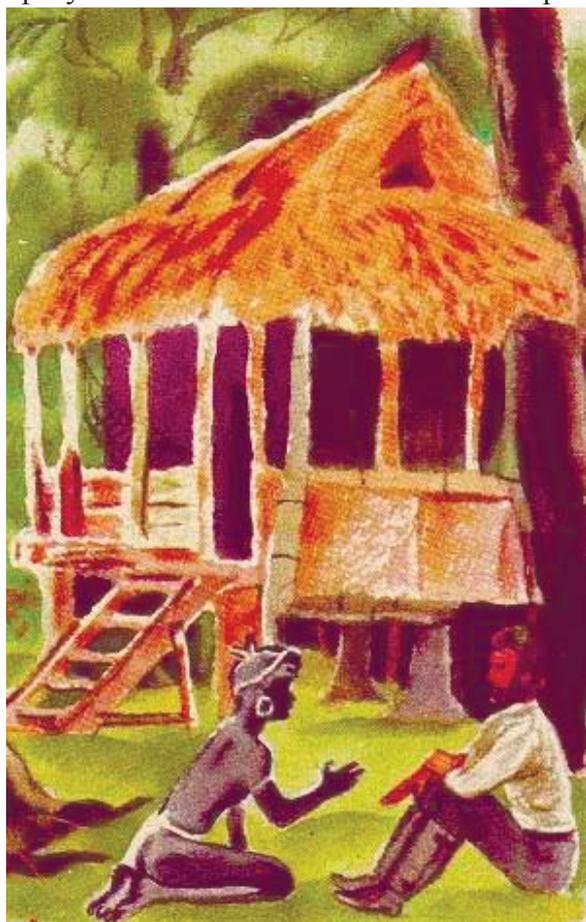
- Скажи, Маклай, можешь ли ты умереть?

Соврать? Или сказать правду, чтобы узнали «злые соседи»? Поразмыслив, Маклай поднял копьё и протянул Тую:

- Проверь!

Туй понял. И проверять не стал. Резко сменил тему разговора, заинтересовался картой острова, только что начерченной Маклаем. Дорисовал на ней залив. Вот тебе и «недо-человеки»...

И соседи оказались вполне вменяемыми. Правда, хотели начать войну, но для их вразумления хватило нескольких выстрелов в воздух. А ещё предложения прислать в Горенду невесту и всем вместе устроить весёлую свадьбу. Идиллия?

Увы, не совсем. Но главные трудности - это непривычная пища, климат, насекомые... В период зимних дождей Николай Николаевич был близок к отчаянию - тропическая лихорадка отнимала и силы, и вообще желание жить... Беспощадная природа, которая не оставляет людям «свободного времени» на «развитие». Только на элементарное выживание! Болеют папуасы точно так же, и внушительный запас лекарств пригодился куда больше, чем бусы и ткани.

И когда через полтора года пришёл корабль, чтобы забрать учёного в Петербург, папуасы сложили длинную печальную песню, о том, как завянут даже их вечнозелёные пальмы, если к ним никогда не вернётся «человек с Луны», друг издалека.

Он возвращался дважды. И добился того, чтобы на этот берег не посягали никакие колонизаторы - оставили его своеобразным заповедником человечества начала времён.

Третьего возвращения Маклая ждут на Новой Гвинее до сих пор...

УЧИМСЯ МЫСЛИТЬ...

Любимейшим журналом был «Наука и жизнь». Читаешь – и почти физически чувствуешь, как умнееешь! А из колоссального многообразия научно-популярной литературы для детей было даже трудно выбрать что-то «самое-самое». Кажется, читали всё подряд!

И едва ли не первой научной книжкой, обошедшей класс, оказалась книга **Павла Клушанцева «Отзовитесь, марсиане!»** Ничего удивительного, ведь тема космоса была темой десятилетия.

«Мы ленивы и нелюбопытны»... так ли это? Иногда с этим наблюдением Пушкина хочется согласиться. Сейчас, когда можно узнать едва ли не всё на свете, просто кликнув мышкой, попробуйте спросить старшекласников: «Что такое парсек?» Если ответит хоть один из сотни - это будет чудом.

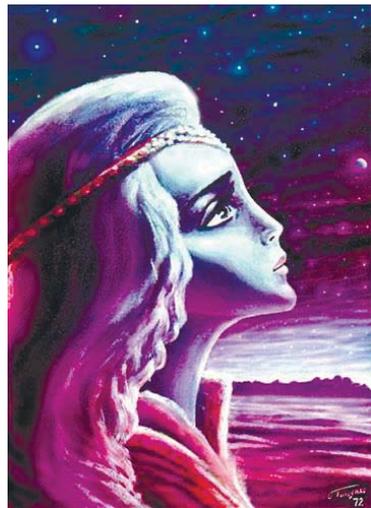
Ста московским школьникам задали вопрос попроще: «Что такое Марс?» 89 ответили: «Шоколадка». 10 - «Звезда». И только ОДИН сказал: «Это имя древнеримского бога войны, в честь которого названа планета. Но ведь любознательность - нормальное врождённое чувство, которое можно искусственно погасить, задушить на корню, а можно и поддержать, не позволяя угаснуть!

«Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе»...

Почему таинственная тревожная красная звезда, названная в честь бога войны, притягивала взгляды и дразнила воображение всегда? Даже тогда, когда люди ещё и не догадывались, что это - не светлячок на небесной тверди, а ближайшая к нам планета?

И какая загадочная планета... Исчерченная прямыми линиями каналов, с белыми полярными «шапками» (вода?), с голубовато - зелёными пятнами, меняющими очертания (колонии лишайников? ЖИЗНЬ?!). Не доказано, но теоретически жизнь на Марсе возможна, к температуре на его экваторе могли бы приспособиться и мы с вами.

Писатели - фантасты создали на Марсе целые собственные миры. Очень разные. Но все они были убеждены в том, что Марс - это будущее Земли. Старая планета. Мир, погубленный его обитателями. Техническая цивилизация, зашедшая в тупик.

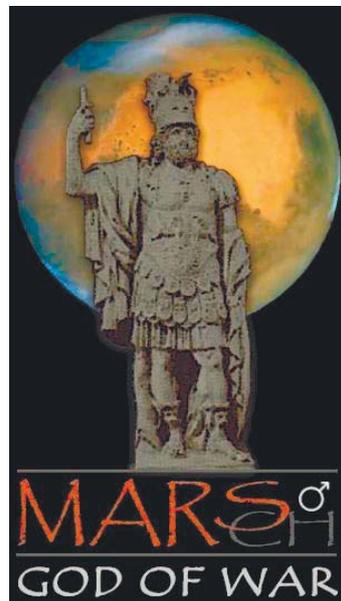

В повести Алексея Толстого «Аэлита» марсиане очень похожи на землян. Коварные жестокие властители не замечают, что их власть становится всё более призрачной просто потому, что их мир движется к естественному, природному концу - Марс теряет остатки атмосферы, исчезла вода, и всё, созданное людьми, засыпают мёртвые пески. И не всё ли равно, послушен ли народ своим правителям или готов взбунтоваться? В любом случае - безвыходность. Агония. Но пришельцы - земляне рассказывают о своей цветущей планете, и вот уже Аэлита готова бежать с «сыном неба» на Землю!

Не судьба... Но ещё много лет среди неразборчивых сигналов с Марса инженер Лось будет слышать её голос: «Где ты, где ты, сын неба?!»

Что ж, встреча двух миров может быть и такой - дружеской. А может быть...

Современник Толстого, английский писатель Герберт Уэллс, представлял её себе совершенно иначе! Если марсианская цивилизация гораздо старше, то... как через тысячелетия будет выглядеть человек? Да, он станет повелителем невообразимой техники, но... прогресс избавит его от необходимости двигаться (и мышцы больше не будут нужны), химическую пищу незачем будет жевать и переваривать... Нужен будет только мозг (многократно увеличившийся в объёме) да пальцы - нажимать кнопки!

И вот такие «люди будущего» - мозги со щупальцами в страшных машинах - тренажерах покидают свой гибнущий мир, чтобы освоить Землю. Эти существа лишены эмоций, предельно рациональны. Созданное людьми им не нужно, а значит, подлежит уничтожению. И уничтожается лазером. Лучами. А вот люди нужны - в качестве живых сосудов с идеальным питанием - кровью!

Конечно, было бы замечательно найти в космосе друзей. Да ещё таких прекрасных, как Аэлита. Но какова вероятность того, что мы будем настолько похожи? Что сможем понять друг друга? Увы, столкновение цивилизаций грозит гибелью той, которая не сможет себя защитить. Ведь в человеческой истории было именно так - почему же должно быть иначе в истории «межпланетной»?

Но могут же пришельцы быть гуманистами? Наверное, да. Но и в этом случае контакт вряд ли мог состояться, если они навестили Землю примерно сорок тысяч лет назад. Встреча должна была получиться, как в известной песне Высоцкого:

«...мозга у пришельца килограмм примерно шесть,
Ну а у наших предков только челюсти да шерсть»...

Но за кого же наши предки могли принять пришельцев? Ведь эти «сыны неба» прилетели в огнедышащих лодках, и были одеты в сверкающие шкуры, и головы их окружали прозрачные сферы...

Ответ ясен - за богов. А поскольку рассказы о пришельцах совпадают у разных народов, даже разъединённых океаном, смело можно предположить - «марсиане» пытались идти на контакт, но к этому оказались не готовы земляне.

Вопросов в книге гораздо больше, чем ответов, и это понятно - ведь даже сейчас наши знания о «красной планете» отрывочны, фрагментарны. Более того, Марс загадал человечеству новые загадки! Очень похоже, что один из его спутников, Деймос - полый внутри. Но ведь если это так, он...искусственного происхождения! А геометрически правильные пирамиды в марсианских песках? А загадка загадок - марсианский Сфинкс, устремивший взгляд в небо?

И если мы хотим, чтобы наши дети искали ответы, постараемся не отмахиваться от их вопросов! Если не всё знаем сами, помогут книги. Такие, как «Отзовитесь, марсиане».

Астрономии в школах больше нет. Почему? Неужели единственная настоящая цель - отучить поднимать глаза к звёздам? Задавать вопросы? Мечтать?

А что такое «парсек» - знают ВСЕ выпускники школ 60-70 лет. Единица измерения расстояний в космосе, равная расстоянию от Солнца до ближайшей к нам звезды Проксима Центавра.

Ничуть не менее, а то и более увлекательными оказывались книги, в которых скучнейшие школьные предметы – физика, математика или география, представляли областями собственного поиска и сериями увлекательнейших личных открытий.

Кто же не знает фамилии чудака, который отказался от миллиона! Хотя не всякий вспомнит, за что ему был присуждён миллион. Но в семидесятые годы у школьников были сверхпопулярны книги его однофамильца, **Якова Исидоровича Перельмана**, замечательного педагога и популяризатора науки. Его «**Занимательная геометрия**», «**Живая математика**», «**Занимательная астрономия**», «**Фокусы и развлечения**», «**Мировые дали**» казались бы написанными сегодня, если бы не детали, почти незаметные: в опытах, похожих на фокусы, используются весы с разновесами или керосиновая лампа. Увы, автор книг,

неспособных устареть, умер весной 1942 года в блокадном Ленинграде. А его «Занимательная физика», вышла в свет ещё в 1913 году!

Передо мной книга «**Занимательные задачи и опыты**».

В первой её части ничего «волшебного», сложного. Просто старший братец развлекает младшего: задаёт вопросы. Например: «Вот тебе открытка. Сможешь прорезать в ней дырку такого размера, чтобы просунуть в неё голову? Нет?! А я прорежу такую, что мы пролезем в неё вдвоём!»

А поставить стакан с водой на лист бумаги, стоящий на ребре? А опустить сахарок на дно миски с водой так, чтобы он остался сухим? А заставить плясать по столу бумажных куколок? А выдуть такой мыльный пузырь, чтобы внутри него оказалось ещё несколько пузырей? Несложно, надо только знать, как!

Да это ещё что! Не хотите ли сделать в комнате... привидение? С помощью одного большого зеркала получится просто «страшная» тень, а система из двух зеркал действительно способна показать «призрачную фигуру»!

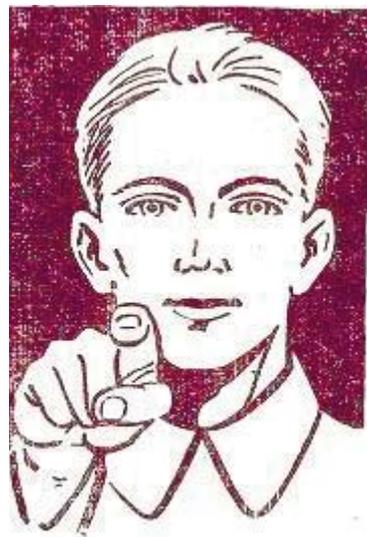

Опыты со звуком могут показаться не столь интересными? Напрасно! По крайней мере один из них я повторяла не раз, и всегда с неизменным успехом: ксилофон из бутылок! Великолепный эстрадный номер для любительского концерта хоть в полевых условиях; нужны только 16 обычных стеклянных пивных бутылок. Полчаса работы над «настройкой инструмента» - и пожалуйста, несложные мелодии получаются чисто и красиво.

А вот раздел «не верь глазам своим» - о зрительных иллюзиях - неизменно вызывает смех. Начинаешь по-

нимать смысл поговорки «врёт, как очевидец»! Мы же ВИДИМ, что одна линия на рисунке короче, другая - длиннее, но если измерить их циркулем... они одинаковые! Одинаковыми оказываются и человечки, один из которых кажется нам, очевидцам, высоким, другой - низеньким. И круги, нарисованные на бумаге... вращаются, мы это видим! Хотя и понимаем, что это невозможно. И задумывались ли вы, почему икона, как правило, «следит» за нами взглядом? Объяснение этой иллюзии - под рисунком, человечек на котором не только «смотрит» прямо на зрителя, но и тычет в зрителя пальцем!

Остроумные задачки о работе, весе, ценах убедят любого в том, что математика может быть и весёлой. А порой математическую задачку может задать и произведение литературы! Например: Гулливер рассказывает, что лилипуты сшили ему костюм, сняв только две мерки. Длину будущего изделия

(от плеча до колена) и... обхват большого пальца руки. Возможно ли это? (Да, если знать, что большой палец ровно в два раза тоньше запястья, запястье вдвое тоньше шеи, а шея - талии).

А зачем Свифт в своём романе так дотошно перечисляет количество выпитых Гулливером бочек вина? И количество лошадей, которые его перевозили, и количество тюфяков, на которых герою было всё же очень жёстко спать? Неужели лишь для того, чтобы с помощью цифр создать иллюзию достоверности? Нет, Свифт совершенно точен в расчётах! Единственная «ошибка», которую может обнаружить придирчивый читатель - это в главе про библиотеку великанов. Если великанские книги выше наших в 12 раз, их высота чуть больше двух метров. Зачем же их читать с помощью приставной лестницы? Но и здесь Свифт не ошибся! Книги 18 века были по формату больше современных вдвое, а значит, у великанов они высотой около пяти метров!

Развлечения для любой компании - «фокусы» со спичками, стаканами, монетами. Способ при помощи нехитрых арифметических действий угадать возраст собеседника. Пасьянсы из домино (магические квадраты и прогрессии), несколько способов измерять без измерительных приборов... Что измерять? Да хоть площадь комнаты, хоть высоту Египетской пирамиды!

Кто-нибудь ещё сомневается в том, что мир цифр может быть очень и очень увлекательным?!

А географией мы, шестой класс, заинтересовались исключительно благодаря книгам – и вопреки «училке – геогрыже».

И одной из первых прочитанных оказалась единственная в школьной библиотеке, основательно затрёпанная книжка **Марты Гумилевской «Как открывали мир»**.

Сложно поколебать уверенность десятилетнего человека в том, что предки были хуже нас. То ли слабее, то ли глупее, да и вообще... люди тогда ничего не знали о мобильниках!

Но, юный друг мой, напряги воображение: представь себя, умного, сильного и современного, в мире без мобильника. И даже без колеса! Нужна крыша над головой - строй дом своими руками. Хочется есть - изволь поохотиться, порыбачить, или разорить соседей. Возникнет ли тогда у тебя вопрос: «А что там, за горизонтом?»

Да не всякий даже решался лично проверить, что скрывается за горой или рекой! Это сейчас для нас всё неизведанное - таинственное «отодвинулось» в далёкие туманности, а давно ли «точно знали», что в соседней земле живут люди с песьими головами?!

Как, наверное, хотел восьмилетний мальчуган по имени Пиопи уехать далеко-далеко, чтобы самому взглянуть на таких странных людей! Но неприлично ему было покидать Египет - ведь Пиопи был фараоном. И поручил он своему военачальнику Хени отправиться в таинственную страну Пунт и привезти ему оттуда диковинных карликов, рассказать обо всём, что увидит в пути, и записать рассказ для всех, кто захочет прочесть!

Была ли это самая первая географическая экспедиция? Кто знает... Это было почти четыре тысячи лет назад, и мудрец Хени, наверное, был первым, кто не просто рассказал, а записал рассказ о своём путешествии. Недальним оказалось путешествие, немного Хени успел увидеть и узнать? Ни городов, ни дорог, ни машин... только верблюды и тростниковые лодки на вёслах. Повторишь? В двадцатом веке норвежский путешественник Тур Хейердал рискнул повторить - отправился в плавание через океан на тростниковом плоту, доказывая не только безграничность возможностей человека, но и возможность расселения людей по отдалённым островам ещё в древности. Один из величайших подвигов во имя науки!

Но ведь вдали от земли ориентироваться можно было только по Солнцу и звёздам? Искусство, подвластное немногим, и почти никто из мореходов не рисковал «отрываться от земли» - терять из виду берега. Даже после изобретения компаса! Но Америки открывают те, кто рискует. И именно Колумб первым нарушил «традицию» плавать исключительно вдоль берегов или от острова к острову. Дерзнул плыть в полную неизвестность. А средняя скорость каравеллы была - 5 километров в час. Великие географические открытия совершались со скоростью пешехода!

И какова же была благодарность христианнейших королей Фердинанда и Изабеллы?! Они ожидали из-за океана золота для наполнения испанской казны, а получили какие-то острова, которые из-за отдалённости вряд ли когда вообще принесут доход! И словно в насмешку адмирал привёз мешки с семенами - картошкой, кукурузой, табаком и какой-то совсем уж бесполезной экзотикой, именуемой «томато»! Адмирал был арестован и вернулся из третьего плавания в цепях, а его «бесполезные» семена оказались истинным сокровищем, ценнее любых драгоценностей - ведь уже через полвека кукуруза и картошка увеличили пищевые ресурсы Европы в два раза!

Увы, совсем нечасто путешественниками двигал чисто научный интерес - в путь их гнала жажда обогащения. Настойчивые поиски пути в Индию, к алмазам, самоцветам и пряностям, сухопутными путями и водными, продолжались не одно столетие. И далеко не все искатели обладали такими замечательными литературными дарованиями, как Марко Поло или Афанасий Никитин.

Но какие выгоды могла принести Австралия? Виллем Янц «набрёл» на неё нечаянно,

и сам не смог оценить своего открытия. И Джеймс Кук, и Абель Тасман полагали, что нашли «самую южную землю», а проникнуть южнее не сможет уже никто. Даже если гипотетическая «Антарктида» существует, люди её никогда не увидят!

И русская экспедиция Лазарева и Беллинсгаузена оказалась едва ли не единственной, которая не преследовала никаких «практических» целей, только и исключительно научные. Ведь тогда, в начале девятнадцатого столетия, невозможно было себе и представить какое-то освоение и использование ледяной шапки планеты!

Поистине на наших деревянных кораблях плавали железные люди!

А если предложить читателю сделать географические открытия самому? Возможно ли это, когда не осталось ни одного неоткрытого островка?! Да, **Михаилу Ильину** это удалось. Его озорная книжка «**Приключения Захара Загадкина**» - приглашения к открытиям!

Где только не побывал юнга Захар Загадкин! Во всех океанах и на всех континентах. Кажется, пора бы перестать удивляться? Но нет, так удивительна, так прекрасна и разнообразна наша планета, что рассказов о путешествиях и приключениях хватило не на одну книгу. И каждый рассказ - не столько повествование, сколько географическая загадка, над которой очень интересно поломать голову, развернуть карту...

А знаете ли вы, что в девятнадцатом веке педагоги-новаторы учили детей читать по географическим картам? Попутно рассказывая о том, как устроен мир. И география - наука, для которой достаточно зрительной памяти и любознательности, усваивалась без малейшего напряжения, попутно!

И вот так же, легко и между прочим, станет знатоком географии тот, кто прочтёт рассказы о приключениях юнги с картой в руках. Попробует сам найти ответы на вопросы:

- Может ли остров располагаться сразу в трёх полушариях?
 - Какой город стоит на 101 острове?
 - Может ли завтра снова быть «сегодня»?
 - В какой точке Земли часы никогда не врут?
 - Бывают ли грибы выше деревьев?
- И даже «Где Конец света»?

Ответы в конце книжки есть, но не спешите заглядывать в них сами и подсказывать маленьким читателям - ведь ничего не может быть слаще самостоятельного открытия!

Поначалу автор, Михаил Ильин, хотел ограничиться циклом рассказов о географии Советского Союза. Рассказать любознательным школьникам об интересных, необычных названиях городов, загадочных именах рек и гор (происхождение многих топонимов давно забыто!). О географических курьёзах (про ту Армению, что в Азербайджане, и про тот Азербайджан, что в Армении). О курьёзах лингвистики (в маленьком Дагестане более тридцати языков, и жители соседних сёл договариваются друг с другом на общем - русском!). О редких природных явлениях (побирушке говорили, что бог ей подаст - а он и в самом деле подал. На двор свалились монеты прямо с неба!)

Цикл радиопередач по этим рассказам выходил в эфир несколько лет, с 1958 по 1965 год. А затем была выпущена книга, в которой герой путешествует не только по стране, но и по всему миру.

И внуки тех, первых читателей и радиослушателей непременно увлекутся путешествием по невероятной планете Земля. Вместе с юнгой Захаром Загадкиным.

А разгадывание загадок человеческой психики, человеческой природы и человеческого общества увлекло позже. Уже в старших классах.

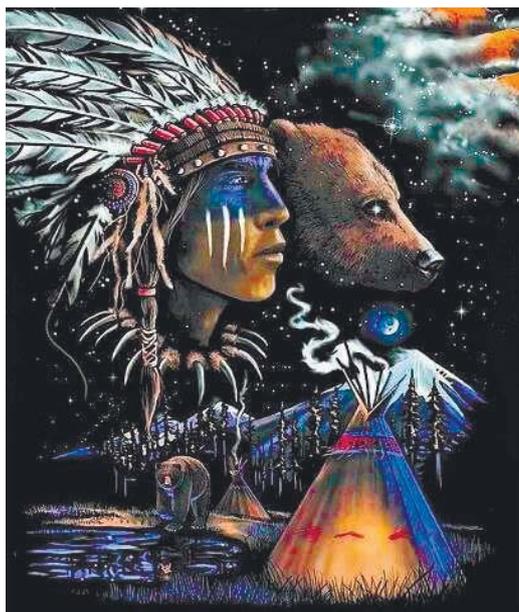
То, что «бога нет» - в этом и сомневаться – то казалось странным. Не помню никакой специальной «борьбы с религией» - религии в нашем детстве просто не было. Молодой город, молодое население, ни одной церкви. Но понимание того, что религия – не просто героиня занятых рассказов из учебника истории, а часть жизни для немалой части человечества – это было. И вызвало жгучий интерес, как всё неодобряемое, как всякое инакомыслие. И если в руки попала книжка **Александра Каждана «Как человек создал бога»...**

А разве не наоборот? Разве не Бог создал человека? Вопрос может показаться таким же «безответным», как и классический «Что появилось раньше - курица или яйцо?» Но попробуем разобраться. Выяснить для начала... ну хотя бы... кто такой «чур»? Тот самый, которого дети призывают криками «Чур меня!» И какими неприятностями может угрожать чёрная кошка? И зачем взрослые люди, совсем не расположенные играть, оставляют на могилах конфеты? А загадочные считалки, вроде «Дождик-дождик, пуще! Дам тебе я гущи!» Что такое «гуща» и зачем она нужна дождику?!

В нашем сознании понятия «бог» и «религия» сливаются, однако эти приметы и обычаи - наследие тех времён, «когда бога ещё не было». Единственным средством воздействия на враждебную природу была магия - обряды задабривания стихии (дождя!) и предков (чуров и пращуров). Вот и угощали дождь какой-то загадочной «гущей», а покойников - чем повкуснее. И рассчитывали на защиту и покровительство добрых чуров!

А как многообразны мифы о сотворении мира и человека! Сколько народов - столько поэтических сказаний, и во всех в начале начал - животное - предок. Родоначалник и покровитель. Нет числа священным животным: бизон и змей, олень и голубь, кит и медведь... Но позвольте... ведь на этих «родоначалников» охотятся? Ведь их едят?!

Противоречие... И объяснение ему у всех одно: так любил Родоначалник людей, что очень хотел сделать мир удобным для них. И принёс он в жертву себя и своих потомков. Вот почему чем больше едим - тем больше ценим и уважаем. Потому, что принимаем в себя частицу Великого Предка, становимся причастными чуду!

Мифы о Великой Матери - наследие времён матриархата. В одних мифах это Мать мира, в других - Мать верховного божества, творца мира.

Но у всех народов подчёркивается то, что казалось чудом - мужа у Матери Мира не было. Впрочем, Мужчина в мифах не был обижен - ведь у всех народов был (и есть!) культ Героев. Первоначально - высших существ, учителей и покровителей, позже - лучших из людей.

А представление о том, что даже неодушевлённый предмет, если он принадлежал «великому предку», несёт в себе доброго духа, способного помочь, поддержать?

Вот так, не на уроках, а просто прочитав интересную книгу, несложно запомнить, что такое «магия», «тотемизм», «анимизм»... Но были ли эти древние представления религией? Да. Потому, что религия - это не просто вера в некие сверхъестественные силы, управляющие миром не по законам физики, химии или логики, а только по своему желанию. Нет, это ещё и представление о возможности связи, общения с этими силами, о возможности обратиться к ним с просьбой и получить ответ, тем более

благоприятный, чем больше человек сможет понравиться божеству. Щедрой жертвой или правильным поведением.

Представление о бессмертии богов - достижение цивилизации, относительно недавнее - Эллада. В более ранних культурах боги вполне смертны, но наделены чудесной способностью воскресать! Зима - смерть божества, весна - его новое пробуждение. И если где праздновался день рождения бога - то непременно 25 декабря. Случайно ли такое совпадение у разных народов?

Нет, подсказку нам даёт солнечный календарь. Ведь именно 25 декабря световой день прибавляется на одну минуту, иными словами, Свет побеждает Тьму!

Очень интересно отразились в мифах перемены в социальной жизни людей. Воспоминания о Героях - это сказания о титанах, сыновьях Матери-Земли. Мудрейший из них, Прометей - тот, кто подарил людям не только огонь, но и знания.

Если бы мог подарить ещё и бессмертие - стали бы жители земли равными богам... Но и так ревнивые боги Олимпа были возмущены - ведь своим образом жизни они похожи на чванливых греческих аристократов... Могли ли они простить Прометея?!

А представления о справедливости отразились в рассказах о загробном мире, где каждому воздаётся совсем не по знатности или богатству, а по действительным заслугам. Причём наибольшая заслуга - не спрятаться от мирских соблазнов, а прожить среди этих соблазнов - и суметь их избежать самому, и помочь другим прожить честно.

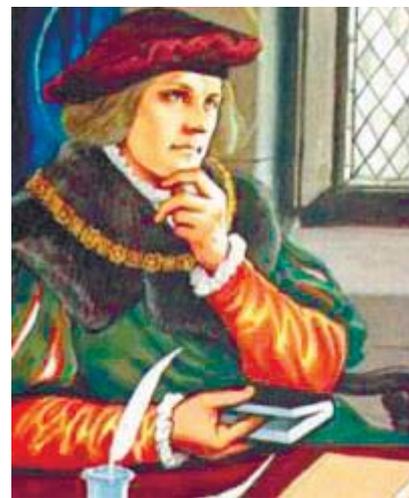
Окончательно перерождение религии в идеологию рабовладельческого государства - это «достижение» древнего Рима. Ведь именно там провозглашали богами... императоров. И даже не уважаемых покойников, а правящих, живых! Боги хозяев жизни, покончить с которыми предстояло народному богу, «богу бедных и простых».

Книга издана в самые, казалось бы, «безбожные» времена - в 1962 году, но попробуйте найти в современных учебниках столь интересный, простой и понятный рассказ о путях человеческой мысли, о поисках человеком своего места среди людей и своего предназначения!

А размышления о путях развития человеческого общества? О его наилучшем устройстве? Имена Мора или Кампанеллы были нам смутно знакомы – встречались в «Истории средних веков». Но могли ли их фантазии заинтересовать двенадцатилетних? Не попади в руки сборник «Утопический роман» несколько лет спустя – так и остались бы незнакомцами...

«Знатоки», конечно, знают всё. Но и они совершенно растерялись, прочитав неожиданный вопрос: «Какому государству, кроме СССР, мог принадлежать такой герб: серп и молот в окружении колосьев»?

Оказалось, Утопии! Автор, **Томас Мор**, объяснил его так: «Труд ведёт к изобилию!» Это было написано в XVI столетии, когда труд считался проклятием... И как могли усомниться в этом английские крестьяне? Бесплодная заболоченная почва, труд на которой позволял только «жить - и не умирать», но и с такой земли их массово сгоняли ленд-лорды - им оказалось гораздо выгоднее овцеводство, торгующая шерстью! «Овцы пожрали людей».

Неужели люди не умнее четвероногих? Неужели нельзя обратиться к их разуму, помочь им понять, что именно делает их несчастными? Быть может, выход будет найден, хотя бы потомками? И лорд-канцлер Англии Томас Мор пишет рассказ о путешествии в неведомую страну где-то в южном полушарии. О том, что его поразило. В гостинице у него никто не попросил денег за услуги, а когда предложил сам - объяснили иностранцу, что денежной системы у них нет. Как?! Все получают за труд продуктами и прочими благами? Но это же так неудобно! Ах, трудятся здесь все, кто только может? А вот в этом что-то есть... особенно если вспомнить, сколько людей в родной Англии ничего не производит - знать, духовенство, армия. А женщины? Это же половина населения! Но, с другой стороны, женщина незаменима дома!

И путешественнику объясняют, что «дом» и работа здесь вполне совместимы потому, что рабочий день - всего шесть часов, и потому, что почти у всех «работа» - не выходя из дома! Первые этажи обычных жилых домов - это мастерские, где работают, как сказали бы сейчас, «по семейному подряду».

За шесть часов не успеешь устать настолько, чтобы не захотеть заняться чем-то ещё! И к услугам утопийцев библиотеки, художественные студии, научные лаборатории, лектории... Все учёные в этой стране - бывшие ремесленники, раскрывшие свои таланты в свободное время!

А дети в свободное от школы время, переходя группами из одной мастерской в другую, учатся разным ремёслам и искусствам. Они просто обязаны раскрыть все свои склонности и способности! «Отдых» для подростка - это смена занятий, а безде-

лье - мать всех пороков. Интересно, что девочки здесь учатся наравне с мальчиками. (Ничуть не сомневаясь в их способностях, Мор дал своим дочерям университетское образование.)

Потрясённый путешественник узнаёт, что детей здесь учат едва ли не с грудного возраста. Причём не за партой, а во время совместных прогулок. Ведь жить им предстоит среди сверстников - вот и надо как можно раньше определить своё место среди своего поколения. Понять, умный ты или глупый, сильный или слабый... Одежды маленьких детей богато расшиты драгоценными камешками, а взрослые одеты в однообразные костюмы, по описанию очень похожие на джинсовые. Удобно, практично, но неужели этим людям не хочется пощеголять - покрасоваться?

Забавна сценка, где Мор заходит в столовую (продукты здесь можно брать домой, но мало кто хочет возиться - общепит на высоте). Соседями по столу оказываются мама с сыном - мальчиком лет десяти. Мальчуган шепчет довольно громко:

- Мама, это что, сумасшедший?

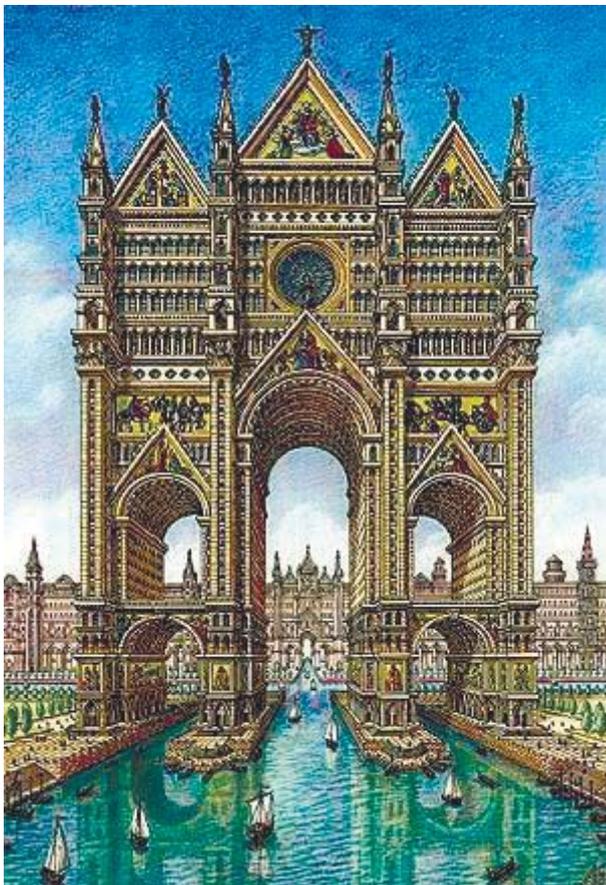
- Нет, просто иностранец.

- Сударыня, а что ваш сын увидел во мне такого «сумасшедшего»?

- Извините... золотую цепь на шее. Ведь у нас в золотых цепях ходят рабы!

Рабы?! В этом обществе всеобщего равенства?! Но из разъяснения становится понятно, что рабом никто не рождается, и никто не остаётся навсегда. Это преступники, осуждённые к тяжёлым и неприятным работам на определённый срок. Поразительно: едва ли не все преступники, дела которых приходилось разбирать честному судье Томасу Мору, стояли перед выбором: умирать от голода или воровать. А здесь ведь голодных нет? Тогда почему? Увы, очень трудно переделать человеческую природу, главные пороки которой - жадность и тщеславие, стремление иметь больше, чем у соседа. Утопийцы с этим борются. У них даже закон такой, чтобы семьи раз в десять лет переходили жить в другой дом - необходимое есть у всех, необходимого - достаточно. Но законов мало, главное - воспитывать людей в убеждении: ценность человека в том, что он умеет, а не в том, что имеет!

- А как же сельское хозяйство? Ведь именно труд на земле - самый тяжёлый?
- Слишком тяжёлый, чтобы возлагать его только на определённые группы людей. На земле работают все горожане по одному месяцу в году, обычно во время уборки. Это справедливо - ведь есть хочется всем.
- Горожане? Но ведь есть чудачки, любящие сельскую жизнь и сельский труд?
- Да, это призвание. Таких людей немного. Они живут за городом, это специалисты, распорядители сельских работ.

Выясняется, что за городом расположены так же и больницы, и не только потому, что больным нужен свежий воздух, но и во избежание эпидемий. Одно из самых поразительных прозрений - ведь во времена Мора ещё ничего не знали о материальных носителях заразы, и полагали эпидемии проявлением божьего гнева! Уровень медицины в Утопии высок, но всё же врачи - не боги... Неизлечимым больным здесь принято говорить правду. Если попросят избавить их от столь тягостной жизни - просьба будет уважена. Узаконенная эвтаназия! Впрочем, подталкивать к такому решению запрещено - каждый решает сам. Если решит жить, сколько получится - заботиться о нём будут.

А как же религия? Здесь полная свобода убеждений, неслыханная веротерпимость, но к атеистам всё же относятся настороженно, не доверяют им государственных должностей. Почему? Так ведь человек, который сегодня не признаёт над собой высшего авторитета, завтра может решить, что всё позволено, и злоупотребить властью!

Армия? Призывная - здесь все мужчины умеют владеть оружием. Никому утопийцы не навязывают свой образ жизни, но всегда готовы его защитить.

Когда книга вышла в свет, автора совершенно серьёзно спрашивали, где эта счастливая страна?! Готовы были сорваться туда на ПМЖ... Увы, этого не знал и сам автор, ведь «утопос» по-гречески «место, которого нет». Хотя координаты этой «Нет-ландии» выяснить совсем несложно - для этого надо лишь взять карту мира, сложить её пополам, по экватору, и посмотреть, где в южном полушарии «отпечатается» Англия. Да-да, рассказывая о географии неведомой страны, её климате и почвах, городах и занятиях населения, Мор описывает родную Англию. Намекает соотечественникам: «Вот, как могли бы жить МЫ!»

Не поняли или не захотели понять? Во всяком случае Его величество Генрих VIII этой книги, как будто, и не заметил. Первый коммунист Европы был казнён за отказ признать короля главой церкви - англиканской церкви, самим королём Генрихом и придуманной! И был канонизирован католической церковью, признан святым.

А великий роман дал толчок развитию общественной мысли. Многие и многие мыслители задумались о переустройстве общества на началах разума и справедливости.

А тому, кто хочет перепугать доверчивого обывателя «ужасами коммунизма», за страшилкой далеко ходить не надо. Достаточно пересказать отрывки из книги **Томасо Кампанеллы «Город Солнца»**.

Что это - продолжение «Утопии» или полемика с нею? Во всяком случае, Кампанелла полагал, что меры, предложенные Мором для исправления человеческой породы совершенно недостаточны. И «поправил дело» радикально - в его городе Солнца вообще нет собственности, нет разделения на «твое» и «мое». Причём общие здесь и жёны, и дети. Обидно? Нет, ведь мужья здесь тоже общие. Семья упразднена, но... как же потомство? До выведения его в пробирках ещё не додумались.

И Кампанелла находит выход: временные пары здесь подбираются «начальством» исключительно по физическим данным - дети должны быть идеально здоровы! Тем мужчинам, у которых здорового потомства быть не может, а природа требует своего, предложат бесплодную женщину - эти ошибки природы поступают в общее пользование. Воспитание здесь может быть только общественным!

Никто здесь не знает ни своих детей, ни своих родителей. «Отец» или «мать» - так здесь обращаются ко всем, кто на 25 лет старше. А «брат», «сестра» - это сверстники.

В результате - преступлений на имущественной почве больше нет. Одному человеку немного надо, каждый понимает, что за двоих не съешь и на двух кроватях сразу не уснёшь, а проблема оставить наследство не стоит: детей обеспечивает государство, взрослые участвуют в общем труде и получают из общего котла. Инстинкт собственности убит начисто! Но это - не единственная цель. Главное - улучшение человеческой природы.

«Евгеника» - это слово ещё не придумано, но цель уже провозглашена. Селекция людей, создание народа, совершенного умственно и физически, абсолютно прекрасного. Словно предвидя будущие обвинения в прагматизме и бездушии, Кампанелла уверяет, что граждане - солярии наделены не только острым разумом (учатся на протяжении всей жизни!), но и утончённо - духовны, душевны. Преданные и нежные друзья. И всё же любовь для Кампанеллы - не более, чем допустимая радость жизни. Допустимая, пока она не во вред общему делу.

Достойнейшим здесь почитают того, кто не просто изучил больше наук и искусств, а ещё и умеет применять их с пользой для соотечественников. Как смешны соляриям соседи по планете, которые считают ремесленников - неблагородными, а благородными - тех, кто ничего не умеет, и неспособен прожить без толпы лакеев! Особенно странно презирать труд земледельца - ведь именно он «приводит в движение все силы человека, и все его способности».

Религия в этом государстве обязательна, как регулятор общественной жизни, как опора всеобщей нравственности. Но эта религия не похожа на «родной» Кампанелле католицизм, это - культ одушевлённого Космоса, миропорядка, требующего содержать в порядке и малый, доступный человеку мир - планету Земля.

А порядок состоит и в том, чтобы истреблять захватчиков, избавлять народ от тирании, изгонять правителей, «слабых и ничтожных». «Сначала ведь всё исторгается и искореняется, и только потом - создается и насаждается».

Труд здесь понимается, как первейшая потребность человека, как дело чести, как средство самоутверждения. Автор очень озабочен тем, чтобы не упустить ни одного таланта, выявить и развить каждое дарование ещё в детстве. Правда, способ этого выявления способен вызвать улыбку у современного читателя - это тщательное составление гороскопа на каждого новорожденного!

Но вот что в городе Солнца действительно оказалось шагом вперёд в сравнении с Утопией - это всеобщая механизация труда. Не полукустарные мастерские, как у Мора, а фабрики! Машины, приводимые в движение не мускульной силой человека, а энергией

воды, ветра, солнца. Технику для нужд производства здесь придумывают учёные, опираясь на открытые ими законы природы!

А ведь это написано в то время, когда наука принципиально не желала иметь ничего общего с «низкой реальностью», учёным назывался тот, кто прочёл больше всех книг и может кого угодно переспорить на диспуте. Предложить этим людям облегчить труд ремесленника? Засмеяли бы... А у соляриев машины работают даже на полях! И в результате всеобщей занятости и всеобщей механизации рабочий день удалось сократить до четырёх часов. Для свободного развития человека необходимо время, свободное от забот о хлебе насущном - здесь это аксиома.

Союз науки и производства, понимание того, что истинное богатство человека - свободное время, непрерывное образование, воспитанное самолюбие, побуждающее развивать все свои природные задатки - разве не об этом сегодня мечтаем и мы? Разве этим можно напугать? И даже идея селекции человека - евгеника считалась перспективным научным направлением до середины двадцатого века! И отказались от неё единственно потому, что возобладали идеи «толерантности», терпимости к любым отклонениям - физическим, умственным и нравственным.

И если есть на свете «книги - герои», то «Город Солнца», несомненно, одна из них. Ведь автор стал одним из руководителей восстания против захватчиков - испанцев. Восстание в Калабрии было подавлено, Кампанелла схвачен. Дело передано в святейшую инквизицию, ведь мятежный монах - ещё и известный составитель гороскопов, астролог. Вот бы, кроме имён сообщников, добиться от него ещё и признания в ереси... Придёт время, Кампанелла напишет в своей книге: «Что касается свободы воли, солярии уверены, что человек свободен. Ибо одного уважаемого ими философа не заставили заговорить и под сорокачасовой жесточайшей пыткой!» Это он о себе... Снятый с пыточного станка - «вельи», Кампанелла не сомневался, что долго не проживёт. Но как же страстно ему хотелось рассказать погрязшему в заблуждениях человечеству о лучшем устройстве жизни! И когда родные были допущены с ним проститься, неукротимый мятежник попросил у них только бумаги и чернил. Искалеченной, едва повинующейся рукой он вывел на первом листе заглавие будущей книги: «Город Солнца»...

Однако возможен и ещё один вариант будущего! Французский поэт **Сирано де Бержерак** не предложил его человечеству, а просто рассказал о нём. Как очевидец.

Кто же не знает Сирано - бесшабашного дуэлянта, первую шпагу Парижа?! Острому поэта и дерзкого вольнодумца? Кто же не понимает, что это - привычная маска, защищающая душу - такую ранимую и такую высокую?

Именно таким предстаёт Сирано в популярнейшей пьесе Эдмона Ростана, именно таким его знают и любят читатели. И сложно поверить в то, что драматург этот образ... обеднил. Реальный Сирано был много интереснее своего сценического воплощения!

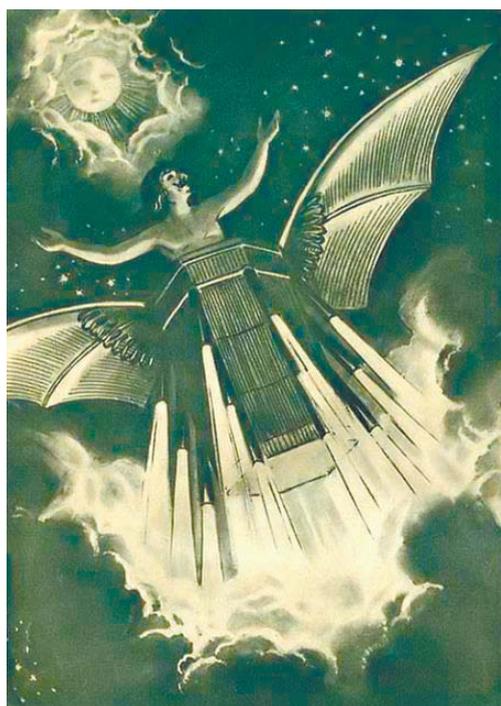
Нет, всё это было - дуэли и битвы, стихи и приключения. Но были и личные знакомства с Мольером, Гассенди, Кампанеллой... Были и надежды на светлое завтра - на баррикадах фронды парижане узнали господина де Бержерака и как воина, и как поэта, откликавшегося на события едва ли не каждого дня! Но даже знакомство с реальной биографией Сирано не объясняет ровным счётом ничего. Он остаётся одной из самых загадочных фигур и в истории литературы, и вообще... в истории. Почему?

Чтобы это понять, достаточно хотя бы поверхностно познакомиться с его романами. Законченным - «**Государства Луны**», и незавершённым - «**Империи Солнца**».

Какая сила может преодолеть силу земного притяжения? Может быть... сила испарения? Все мы видим, что ноч-

ная роса исчезает с восходом солнца - притягивается к светилу. А что если рискнуть? Сирано набирает в склянки утреннюю росу, обвешивается ими, и взлетает! (Двигатель на основе испарения сегодня считается принципиально возможным).

Но увы, бутылки с росой не смогли вынести его за пределы атмосферы. Повисел в воздухе, пока под ним поворачивалась земля - и приземлился в Канаде. Пришлось ещё и отбиваться от обвинений в колдовстве! И уже из Канады Сирано улетает в космос на снаряде, который сконструировал сам: это три бочки, каждая из которых начинена ракетами для фейерверка. Сгорая в нижней бочке, ракеты поднимают снаряд. Догорая, они поджигают ракеты в средней бочке - и снаряд поднимается выше облаков... а благодаря последней «порции» ракет путешественник вырвался из пределов притяжения Земли! Трёхступенчатая ракета, которая будет сделана лишь триста лет спустя... Фантазия? Но как фантазия могла подсказать что-то об ощущении страшной перегрузки при взлёте и о невесомости за пределами атмосферы?!

Фейерверки сгорели, но движение продолжается - по инерции. И вот уже отважный космонавт падает на Луну вниз головой, хотя не переворачивался. Луна притягивает!

В лунном мире расположен рай. А чем же ещё покажется вольнодумцу мир, где вольнодумство, атеизм, свобода поиска - это норма? Вот и неожиданный собеседник, демон Сократа (тот самый, который внушал древнегреческому философу здравые мысли) выбрал для себя именно это место жительства. Приятно ему жить в мире, где никому не приходит в голову преследовать свободную мысль! На земле, наверное, ужаснулись бы, услышав, что каждый крупный организм состоит из великого множества мелких (клеток). Да-да, каждый, и человек - тоже! Клетка будет открыта через полтора века...

Интересно здесь живут люди: совсем не по -земному, а - наоборот! Здесь Сирано всегда прокормится - ведь за еду и жильё здесь платят не деньгами, а стихами! Здесь не знают других сражений, кроме интеллектуальных. Здесь взрослые дети вовсе не обязаны повиноваться родителям - наоборот! Потому, что благородные помыслы - удел молодых, и потому, что они более способны к действию! О нет, люди здесь вовсе не жестоки - вон взрослый сын, раздражённый тупостью папаши, сделал себе для нервной разрядки чучело, весьма похожее на отца - и лупит его палкой... И девушки здесь не ждут, когда родители подыщут им жениха - им лучше знать, какого отца они хотят для своих детей!

А понятие о красоте здесь своеобразное - нос у здешних жителей считается чем длиннее, тем красивее. Курносые вообще лишены гражданских прав!

Но самое интересное - вещи, в окружении которых живут обитатели этого рая. Вот, например, у каждого есть такая серьга, вернее, клипса, которая нашёптывает на ухо новости. А хочешь музыку - так и музыку! А в кармане аппаратик, похожий на часы. Он показывает и время, но он - книга! Поставь стрелочку на то название, или на ту главу, на которой остановился вчера - и «часы» тебе будут читать дальше человеческим голосом! Есть и такие чудеса, которые нельзя носить с собой, они стоят в домах. Например, большой кристалл, в грани которого увидишь и то, что далеко, и то, что было, и то, что будет...

- А у нас ещё многие думают, будто Солнце вращается вокруг Земли, - смущён Сирано.

- Это всё равно что, глядя на жареного рябчика, думать, что вокруг него вертели печку! - улыбается Демон.

Если бы действие происходило на Земле, пусть даже на отдалённом острове, вероятно, Сирано поднял бы тему власти. Но в лунном мире «народ» столь же разумен, как и

король (упомянуто, что король там есть, и он никогда не откажется выслушать любого подданного - лишь бы тот рассуждал здраво). Но в таком случае - что это за общество, в котором форма государственного правления уже не имеет значения? Знания обеспечили высокий уровень жизни всем, и люди живут без оглядки на власть, просто её не замечают? Неужели...

Да! Три автора - Мор, Кампанелла и Бержерак изобразили три стадии развития человеческого общества. Доиндустриальную, индустриальную и постиндустриальную, главная ценность которой - информация, знания, и о построении которой мы в своём двадцать первом веке ещё только мечтаем.

Но... как?! Фантастических идей у Бержерака столько, что хватило для развития фантастики на триста лет вперёд, но ведь даже самый безудержный фантаст, как принято считать, не может придумать ничего такого, на что в его времени не было хотя бы намёка! А намёка на космические полёты и всеобщую компьютеризацию во «времена мушкетёров» точно не было...

Роман - версия Александра Казанцева «Клокочущая пустота» предлагает ответ. В начале повествования Сирано - мальчик-немножко-лучше других, а в конце - контактёр с гостями из будущего. Кто знает...

Педагогические сочинения были где-то далеко за пределами наших интересов. Кроме одного. Если на обложке знакомое имя – **Джанни Родари**, а название так аппетитно – «**Грамматика фантазии**», книга заслуживает того, чтобы её раскрыть!

Это написано для детей, но адресовано взрослым. Никакого парадокса. Ведь самые маленькие ещё не умеют читать, а будить их творческие способности - пора!

Считается, что в дошкольном детстве заявляют о себе только выдающиеся музыканты? Что будущего художника можно заметить и поддержать годам к десяти, писателя - лет в двенадцать, а гений математики заявляет о себе ещё позже? Да, это верно, но ведь в основе любого таланта - способность видеть в жизни что-то не совсем обыкновенное. ФАНТАЗИЯ!

И это качество можно разбудить даже у тех, кто ещё не умеет говорить!

Как заставить ребёнка есть? Родари полагает, что заострять внимание

на его аппетите совсем ни к чему, но если вы считаете иначе... вспомните момент из фильма «Джентльмены удачи». Целая детсадовская группа не хочет есть! - А в космонавты хотите? Полетят только те, кто съест космический завтрак! Тарелки опустели со скоростью звука. А с совсем маленьким можно поиграть и в «непослушную ложку», и в «рассеянную маму». То к глазу поднесёт ложку, то к носу - а задача ребёнка навести порядок в происходящем - поймать ртом! Для детей чуть постарше - «костюмерная». Корзина с одежками, не совсем обычными. Возможность примерить на себя роль взрослого. Или персонажа прослушанной сказки.

А сколько вариантов у всем известной игры « в слова»! Ассоциации, рифмы, буриме... От самых простых, для трёхлетних, до сложных, способных увлечь и взрослых.

Игра в числительные способна дать такую пищу воображению, что тут уже один шаг до сочинения собственных сказок! Каким должен быть «трижды-пёс»? Или «Тригорова»? А «много или мало» - «У хозяина было тридцать машин - мно-о-ого! И было у него на голове тридцать волос... много?»

Есть и такие игры, которые стоит вспомнить - были известны во всём мире, а теперь - подзабыты. Например: группа участников отвечает каждый на один вопрос. Вопросов обычно шесть, но может быть и больше:

- Кто? Где? Что делает? Что говорит? Что сказали люди? Чем кончилось?

Затем ответы прочитываются вслух. Может получиться и подобие анекдота! «Покойник на Пизанской башне вязал чулок и сказал: «Сколько будет трижды три?», а люди запели «Услышь мою боль!», а закончилось со счётом три-ноль!» - это у Родари.

А у нас за новогодним столом сочинилось такое:

«Водопад Ниагара курит сигару и держит гитару, он говорит: «любимый мой Даль, придёт ли не менее милый Стендаль?» Но громко запел чужак Мендельсон, и в результате ушёл без кальсон». Мы не хотели никого обидеть, само получилось - и это был отличный повод посмеяться! И это - для любого возраста.

Так же, как и рецепты сочинения стихов, загадок и даже сказок, простые настолько, что ещё не родился тот, кто не сумеет ими воспользоваться! Вряд ли в результате получится нечто, достойное внимания потомства... ну а вдруг? Да даже если будет написана эпиграмма, дружеское послание или поздравление в стихах - разве этого мало?

Схема написания сказки - ведь это, по сути, тоже вопросы, на которые надо ответить, только их не шесть, а несколько больше (от двадцати до тридцати). И эти вопросы приведены в книге - отвечайте хоть сами, хоть вместе с детьми, создавайте свои неповторимые истории!

«Вырастить» новую сказку можно, например, полистав телефонный справочник, или просто покопавшись в памяти - какая фамилия покажется вам самой забавной? Каким должен быть её носитель? «Бейбаклушин» или «Нетудыхата» - готовые герои!

Ещё один путь сочинения сказки - «если бы»... Придумать невероятную ситуацию - и её логическое развитие. Предложив своему четырёхлетнему сыну «поиграть» на тему «если бы пол стал потолком», я получила не совсем то, что ожидала. Вместо логики - «одушевление» и превращение предметов. Но ведь тоже интересно:

- Тогда люстра торчала, как свечка, а мы ходили-ходили по потолку, а в дверь не выбраться! И вылезли в форточку. А все вещи задумались о жизни: шкаф думал, что он самый большой - так и самый главный, а плите жарко, а кровати тяжело, а креслу тесно, а картина только и думала, как бы покрасоваться! И теперь на нас сердились соседи не снизу, а сверху!

Или... или попытайтесь вывернуть наизнанку сказку, всем известную. И разыграть её в лицах! Ну хотя бы про хитрую и вредную Красную Шапочку, которой повстречался волк, безобидный и простодушный.

Домашний театр, хоть кукольный, хоть с «настоящими» актёрами, может стать лю-

бимой игрой на несколько лет. А ведь это - небывалый простор для всех видов творчества, от тренировки памяти (заучивание ролей) до рисования декораций и сочинения стихотворных пьес.

Покупать для этой цели готовые наборы кукол даже вредно - ребёнок способен оживить своими руками и своей фантазией любой предмет вплоть до обычной ложки! И не надо пугаться, что «так не останется времени ни на что другое». Дети вовсе не требуют таких больших жертв! Достаточно подсказать - показать - направить. Дать толчок. Дальше - сами...

И был вопрос, который интересовал решительно всех: насколько правдивы были наши любимые писатели? Какую книгу ни прочти – непременно задумаешься: неужели люди и события могут быть столь необыкновенными? Уж не наврал ли нам автор?

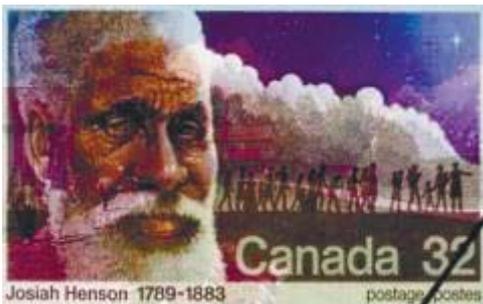
Одно из самых увлекательных сочинений о соотношении правды и вымысла в любимых романах – «**О чём умолчали книги**» Романа Белоусова.

Знакомы ли вам, читатель, эти имена: Джошуа Хенсон, Эли Уитни, Александр Селькирк, Том Бленкеншип, Джозеф Белл, Джон Вуд? Что-то смутно знакомо... а впрочем... скорее, нет! А соответственно: дядя Том, Джордж Гаррис, Робинзон Крузо, Гек Финн, Шерлок Холмс, Джон Ватсон? Да кто же их не знает?!

Жизнь изобретательнее любого романиста, и подлинные истории этих, и многих других живых людей под пером писателей обретали всемирную известность. А читателю оставалось только гадать: неужели эти люди и события не выдуманы?!

От подозрений и обвинений в слишком богатой фантазии и очернении своей страны годами пришлось отбиваться Гарриет Бичер-Стоу, автору «Хижины дяди Тома». Чтобы учительница, мать шестерых детей взялась за перо – что вообще должно было произойти?! Да просто в доме нередко находили пристанище беглецы из южных штатов. Беглые рабы. Каждый со своей неповторимой историей.

Мулат Эли Уитни сойдёт за белого, его нетрудно будет переправить в Канаду. Он изобрёл машину для трепания льна, заменившую труд двухсот рабов, но хозяин попытался вернуть изобретателя на плантацию... А женщина, имя которой осталось неизвестным? С ребёнком на руках она перебежала реку по льдинам, спасаясь от погони! Элиза...

Но вот – Джошуа, добродушный великан. Уже немолодой – на висках седина. Рассказывает, как всю жизнь служил одному хозяину, как спас жизнь его сыну (и не удостоился ничего, кроме словесной благодарности), как высоко ценили его честность и доверяли денежные дела, как отправляли с поручениями... Сбежать? Нет, обмануть доверие не мог. А почему наконец сбежал? Продал тот самый хозяйский сын, его «спасёныш»!

- Если бы вы об этом написали...

- Не умею. А как хотел научиться! – и Джошуа показывает рубцы на спине, оставшиеся с детства:

- Продал несколько яблок из сада и купил букварь. Думал – сам догадаюсь, как читать буквы. Хозяин заметил...

Хозяин был не только жадиной, но и трусом: закон запрещал учить негров грамоте. Побоялся оказаться преступником!

Вот так, от одних надёжных людей к другим, Джошуа добрался до канадской границы. Перебежал вброд пограничную реку и... упал на колени. Он хватал горстями землю, целовал её – и кричал изумлённым очевидцам:

- Я не сумасшедший, я просто сво-бо-ден!!!

Не раз и не два Джошуа пересекал границу, выводя к свободе других беглецов. Он осуществил свою мечту – научился грамоте. Стал проповедником, пастором общины, основал приют и школу для бывших рабов. И написал книгу о своей жизни под названием «Правда удивительнее вымысла». Его книга вышла в свет на несколько месяцев раньше «Хижины дяди Тома». Джошуа Хенсон и Гарриет Бичер-Стоу навсегда остались друзьями.

О каждом из персонажей своего романа, точнее об их живых прототипах, Гарриет рассказала сама на страницах двухтомного публицистического сочинения «Ключ к хижине дяди Тома».

Александр Селькирк тоже рассказал о своей жизни сам. Правда, полновесной книги о ирландского матроса не получилось, это был всего лишь очерк. Как сказали бы теперь, сырой материал. Но какой интересный! Не каждому доведётся пожить в одиночестве так,

чтобы «одиночной камерой» оказался необитаемый остров в тропических широтах! Поссорился матрос с капитаном да сгоряча и брякнул, что чем с такими людьми - лучше вообще без людей. Вот его и высадили на райский островок, который очень скоро стал казаться ему адом... Не получилось из него изобретательного и трудолюбивого Робинзона. За три года одиночества Селькирк почти разучился говорить. Несколько месяцев пришлось привыкать снова жить среди людей. Просто приключение, которое наполнилось философским содержанием под пером Даниэля Дефо!

А в крошечном городишке Ганнибале, что на Миссисипи, люди ещё обладали всеми достоинствами американских пионеров: они привыкли рассчитывать только на себя. Трезвые, честные, богобоязненные трудоголики, они просто отказывались считать человеком единственного на весь город пьяницу. Но у пьяниц тоже есть дети...

И как же этот юный Блэнкеншип не хотел выглядеть жалким! Жил в полуразрушенной лачуге, голодал, ходил в немыслимых лохмотьях - и подвёл под свой образ жизни целую философию: презирает он, видите ли, маменькиных сынков из душных домов. Он сам выбирает, что ему делать, с кем дружить, кому помогать... он свободен! Здоровый нравственный инстинкт действительно заменил ему воспитание - и домашнее, и школьное, и церковное.

Когда в Портсмуте открылся частный кабинет «врача и хирурга» Артура Конан-Дойля, это событие прошло незамеченным, пациентов у начинающего эскулапа можно было пересчитать по пальцам.

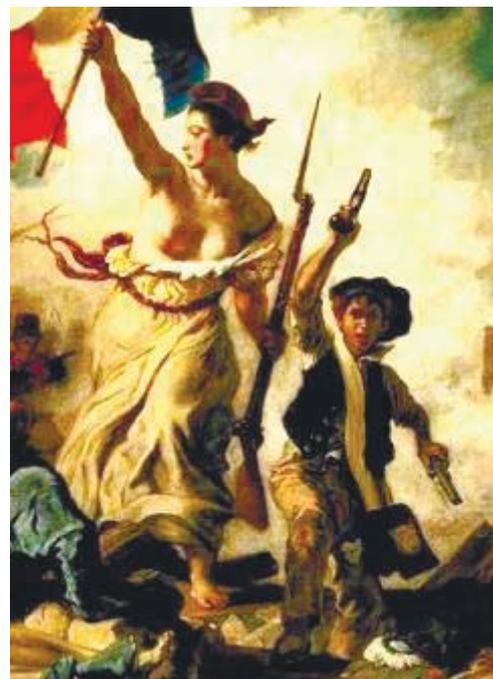
Стену кабинета украшал фотопортрет Джозефа Белла, профессора медицины, учителя Артура. Феноменальный был человек - любимец всех студентов! Стоило только больному появиться на пороге, мистер Белл тут же сообщал не только его диагноз, но и подробности его частной жизни, и факты биографии! Это казалось чем - то сверхъестественным... А что если написать рассказ о человеке с «рентгеновскими» глазами? Но в рассказе у него должна быть какая-то другая профессия потому, что таких врачей больше нет! Обыкновенный средний врач может быть в лучшем случае его помощником... Вот таким, как майор Вуд, с трудом нашедший себя в мирной жизни.

Интересно, что сам профессор Белл, хотя и был польщён своей ролью прототипа великого сыщика Шерлока Холмса, всё же указывал, что метод работы Холмса - да, действительно его. И внешность - тоже. Но вот характер...

Характером автор наделил его своим собственным. Ещё один прототип Холмса - сам его автор. сэр Артур Конан-Дойль!

«Отец Гавроша» - так подписал одно из своих писем Виктор Гюго. Но как звали Гавроша при жизни? Вот на этот вопрос затруднился бы ответить и сам автор. Жозеф Бара? Агриколь Виала? Дети народа, дети революции, образы которых к моменту написания романа «Отверженные» стали уже легендой - ведь они жили и сражались почти за полвека до событий, описанных в книге. Парижские мальчишки были тогда повсюду - в толпах, штурмующих Бастилию и королевский дворец, во главе марсельцев с барабаном, на баррикаде со знаменем, на переправе под огнём неприятеля... И сколько маленьких героев погибли безмянными! «Мальчишки бились, как великаны». Легенды о подвигах маленьких парижан продолжали жить в устной традиции и многие годы спустя. Одну из них записал Андерсен и превратил в рассказ «Маленький бедняк на троне Франции».

Мальчуган погиб в самый блистательный день победы, при штурме королевского дворца. Смертельно раненый, он упал в тронном зале, и его, истекающего кровью, положили на трон, обернув бархатом раны. Кровь струилась по королевскому пурпуру...

«Предсказал ли кто-нибудь этому малышу ещё в колыбели: «Ты умрёшь на троне Франции?!»

И точно такого же сорванца Гюго видел сам в июльские дни 1830 года на Елисейских полях. Мальчик был привязан к дереву «чтобы не убежал», как пояснил писателю усатый капрал. Его должны расстрелять. Гюго едва поверил своим ушам: казнить ребёнка?! Оказалось, этот оборвыш отправил на тот свет капитана, убив его наповал.

Удивительно, но по словам «отца Гавроша», даже лицом маленький герой был очень похож на мальчишку с картины Делакруа...

Ну кому и что в Париже могло сказать имя «Шарль де Батц Кастельмор»? Восемнадцатилетний дворянчик придумал, как придать себе больше важности: при дворе знают его двоюродного родственника, но этот кузен сейчас сражается в Испании. Наверное, никто не возразит, если безвестный провинциал назовётся его фамилией? «Д*Артаньян»...

Невинное самозванство мало помогло хитрецу, путь в жизни он себе пробивал не хитростями - шпагой. Известность и слава не заставили себя ждать - в первом же деле удалось отличиться так, что об этом написали все парижские газеты! На воротах осаждённой крепости Аррас, в которой укрылись испанцы, было написано: «Когда французы возьмут Аррас, мыши съедят кошек». Д*Артаньян ухитрился замазать слово «возьмут» и поверх написать «сдадут». Прodelал он это, за неимением кисти, перьями собственной шляпы, обмакнув их в краску.

Везде, где французские войска вели битвы Тридцатилетней войны, д*Артаньян был в первых рядах. А затем, став мушкетёром, навсегда связал свою судьбу с кардиналом Мазарини. Не раз хитрость и смекалка солдата выручали все сильного кардинала и маленького короля! В дни восстания 1648 года именно д*Артаньян ухитрился провезти сквозь толпу вооружённых, но ничего не подозревающих

горожан переодетых кардинала, короля и королеву. А в кого только ему не приходилось переодеваться самому, выполняя секретные поручения, проникая в одиночку в осаждённые крепости! Путешествовал под видом нищего, купца, слуги, немощного старца, монаха... Однажды прибежал в лагерь противника на разведку, прикинувшись дезертиром! И здесь его опознал испанский офицер. Приказ был категоричен - расстрелять! Но удалось бежать.

При этом слепым исполнителем чужой воли этот симпатичный вояка не был никогда. Он ещё мог согласиться получать деньги за дело, которое делали другие (король доверил ему ответственный пост «Смотрителя королевского птичника»!), но стать инспектором тюрьмы?!

- Я предпочту быть последним солдатом Франции, нежели её первым тюремщиком!

Жизнь, полная приключений, и героическая смерть. В бою. И всё же... Разве мог Шарль Кастельмор или, как он самовольно назвался, «граф д*Артаньян», рассчитывать на вечную память в потомстве? Разве мог он предположить, что через два столетия родится писатель Александр Дюма, который подарит ему бессмертие? И не только ему, но и его сослуживцам! Не друзьям, а просто товарищам - ведь вместе они могли находиться только в течение нескольких месяцев 1643 года.

Подлинных сведений о них сохранилось очень немного, достоверно известно лишь то, что все трое были мушкетёрами... Арман де Селлек д*Атос был смертельно ранен в уличной стычке вскоре после того, как в полк мушкетёров был принят Исаак де Порто. А Анри д*Арамиц - племянник капитана де Тревилья. И это почти всё. Отдадим должное мастерству писателя - создателя великолепной четвёрки!

Однако будет несправедливо обойти вниманием их противников?

Миледи... Многоликий ангел с десятком имён... помнила ли она сама, какое из них - подлинное? Не потому ли её титул превратился в прозвище?

Красива, умна, бесстрашна, артистична. И единственный «минус» этого характера, перекрывающий все плюсы - ЭГОИЗМ. Самый махровый, ничем не прикрытый, концентрированный! Абсолютная неспособность любить никого, кроме себя. Неужели такой характер можно выдумать?

При достаточном воображении - наверное, да. Но Дюма прекрасно знал золотое правило писателя: «Придумать типаж невозможно. Надо описать живого человека - и получится типаж».

У миледи было два живых прототипа. У одной дамы - современницы Дюма, в биографии монастырь, побег, клеймо... и долгая жизнь - с клеймом - в высшем свете! Дюма полагал, что колоритная авантюристка Жанна де ла Мот погибла, а ведь могли встретиться - в очередной раз сменив имя, Жанна перебралась в Россию, в Крым. И сейчас экскурсантам в Гурзуфе показывают Дом Миледи - её последнее земное пристанище.

У другой - современницы мушкетёров, - секретные поручения Ришелье и Карла Первого, бесконечные поездки из Англии во Францию и обратно, совершенная беспринципность и совершенная красота. И - похищение у самого Бекингема двух алмазных подвесков! Это Люси Карлайл, виртуоз шпионажа, двойной и тройной агент!

А Джон Мордаунт - имя подлинное. Согласно Дюма - это сын миледи, одержимый мстью за убитую мать. В жизни они с леди Карлайл родственниками не были, хотя знакомы, безусловно, были. Встречались при английском дворе, и даже почти одновременно позировали одному художнику - Ван Дейку. Но почему этот человек определён автором в герои - антагонисты?

Дело тут в политических симпатиях Дюма - он полагал, что любой революционер - негодяй, и приличных людей среди противников монархии не может быть в принципе! Тем более, если это - аристократ. А барон Мордаунт, лорд Питерсборо (таков его полный титул) действительно был другом и ярым сторонником Кромвеля!

До казни короля он, правда, не дожил - погиб в самом начале Гражданской войны.

А уникальное создание без характера - Луиза Лавальер? В жизни у королевской фаворитки характер был, да ещё какой! Любила короля, пока он позволял себя любить. На роль отставной любовницы не согласилась.

Оставила «милому Луи» троих детей - да и ушла в монастырь на все оставшиеся сорок лет. Там сумела выдвинуться, стать аббатисой. И осталась в памяти современников образцом душевной чистоты, неброского достоинства, совершенного бескорыстия. Правда, вспоминали, что у неё вроде бы был жених, который отошёл в тень, чтобы не мешать королю. Виконт де Бражелон...

Но сколько литературных загадок, видимо, останутся загадками навсегда! Фантастические события, описанные в старинных книгах - была ли у них какая-нибудь реальная основа? Почему авторство некоторых книг (замечательных!) не удаётся доказать? Почему некоторые «прототипы» так оскорблялись, узнав себя в литературных персонажах, что подавали на автора в суд? В том числе и немецкий барон, служивший в русской армии, по имени Карл Фридрих Иероним Фон Мюнхгаузен...

Путешествия «вслед за героями книг» - занятие, ничуть не менее интересное, чем знакомство с великими книгами, их авторами и персонажами. Это как визит в лабораторию алхимика, в которой медь превращается в чистое золото!

Были и такие книги, которые можно было читать только в читальном зале библиотеки. На дом они не выдавались! И библиотекарей можно было понять - ведь потеря даже одной книжки нарушила бы «комплектность».

Это не только энциклопедии, но и уникальное издание 60-70-х лет - **Библиотека всемирной литературы**.

200 пухлых томов в нарядных суперобложках, украшенных эмблемой - крылатым пегасом, скачущим вокруг земного шара.

Лучшие произведения лучших авторов пяти континентов, написанные за последние двадцать пять веков. Издание, совершенно уникальное, как по количеству произведений, качеству переводов и иллюстраций, так и по замыслу составителей, познакомивших соотечественников с литературой земной цивилизации.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

История создания этого книгоиздательского шедевра сама по себе заслуживает внимания и благодарной памяти потомков.

1919 год, Советская Россия. Гражданская война. Задача ликвидации неграмотности поставлена, но кажется практически невыполнимой - ни сил для этого, ни средств, ни кадров. И при этом волей новорожденного государства за один только 1918 год открыто более тридцати научно-исследовательских институтов! Это было сделано ещё и для того, чтобы прекратить «утечку мозгов» - бегство специалистов туда, где они могли бы продолжать работу. А как быть с интеллигенцией гуманитарной?

Невозможно вообразить себе тогдашний идейный разброд тонкого образованного слоя россиян! Пятьдесят мелких и крупных партий, члены всевозможных внепартийных комитетов, беспартийные, но сочувствующие, не сочувствующие никаким идейным течениям жрецы «чистого искусства»... Были и одиночки, ещё только ищущие свой путь в литературе и маститые литераторы, далёкие от восторга перед новой властью, но готовые работать на «аполитичной» ниве просвещения...

Что у всех этих людей могло быть общего?!

Это безошибочно угадал писатель, который сам по рождению к среде интеллигенции не принадлежал, и вероятно, поэтому смотрел на неё глазами исследователя. Максим Горький.

Общее - это таланты, которые требуют реализации. И, что не менее важно, воспитанное, впитанное сочувствие своему народу и стремление служить его благу. Именно то, что изначально отличало русского «интеллигента» от заграничного «интеллектуала».

И перед писателями была поставлена задача - подарить своему ещё неграмотному народу шедевры, созданные прозаиками и поэтами мира. Потому, что воспитывать начинающих читателей надо на самых лучших образцах.

Начали с того, что путём голосования решали, какие произведения какого автора достойны представлять какую страну. И вдруг оказалось, что никто ничего не знает о литературе Африки, Австралии, Южной Америки. Впору посылать туда экспедиции - за поэзией! А очень многие зарубежные романы были переведены небрежно. Ремесленниками, которые даже постеснялись огласить своё имя! Значит, переводы нужны новые. И романов, и поэм, и стихов.

Так как каждому произведению будет предпослана литературоведческая статья, для знатоков литературы это - просто край непечатый... А художники? Ведь каждая вещь должна быть проиллюстрирована, и если не классической живописью, то рисунками самых лучших иллюстраторов!

Замысел Горького удался блестяще - о работе в издательстве «Всемирная литература», о фанатичной увлечённости огромного коллектива вспоминают все, кто имел отношение к небывалому изданию: Маршак, Чуковский, Маяковский, Фурманов, Олеша, Катаев...

АХИЛЛ ТАТИЙ •
ЛЕВКИППА И КЛИТОФОНТ
ЛОНГ • ДАФНИС И ХЛОЯ
ПЕТРОНИЙ • САТИРИКОН
АПУЛЕЙ • ЗОЛОТОЙ ОСЕЛ

Первое издание Библиотеки Всемирной литературы выходило в свет с 1919 по 1929 год. Именно оно составило основу книжных собраний новых школьных библиотек, изб-читален и Красных уголков!

Спустя полвека советские книгоиздатели повторили подвиг Горького. Взяв за основу то, первое издание, они пересмотрели, расширили и дополнили список авторов, включив в новое собрание литературу двадцатого века. Хорошо это или плохо - включать в библиотеку классики то, что классикой стать ещё не успело? Ведь как считается, произведение вошло в золотой фонд, если оно интересно и через полвека? Несколько романов, поспешно включённых в собрание, остались памятниками своей эпохи. А ведь вместо них можно было бы включить... впрочем, не стоит давать рекомендации, список любимых книг, достойных представлять двадцатый век, каждый может предложить сам.

Но все достоинства первого, горьковского издания во втором сохранены и приумножены.

Сегодня полный комплект из 200 томов стал библиографической редкостью. Не пора ли намекнуть об этом новому поколению книгоиздателей?

Что такое? Кто такой? Самая первая энциклопедия.

Убеждённых противников печатной книги немного, но они есть. И главный их аргумент такой: «Маленькое электронное устройство вмещает гигантскую библиотеку! Не надо думать, где разместить книги, где достать, как найти нужную информацию - в кармане помещается база данных, какая нам и не снилась!»

Всё верно, но... почему же дети, имеющие под рукой эти баснословные сокровища знаний, уступают в образованности тем, у кого вообще нет компьютера? Почему победители олимпиад - из сельских малокомплектных школ, куда ещё не добралась всеобщая компьютеризация?

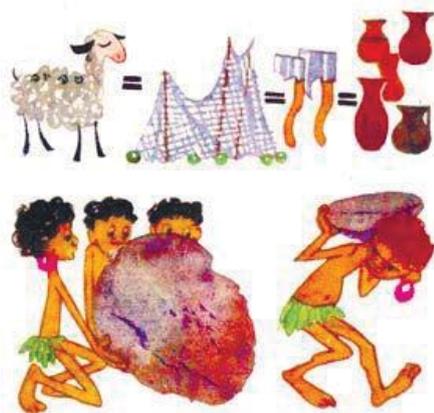
Один из возможных ответов будет таким: «Нельзя воспользоваться сокровищем, запертым в сундуке, не имея ключа от сундука». То, что сундук именуется ноутбуком, дела не меняет.

А «ключ» - это Энциклопедия. И не каждая, а лучше такая, в которой материал расположен по тематическому принципу. Или, как его ещё называют, «гнездовому». Заинтересовал вас, предположим, рассказ о греческих мифах - пожалуйста, рассказ о том, кем, когда и где они созданы.

Тут же по несколько строк о каждом из героев, о приключениях аргонавтов и победах ахейцев, а в конце - ссылки на пересказы мифов для детей и на наиболее удачные экранизации. Перелистнули страницу - а там статья о Можайском с чертежом его первого в мире самолёта... дальше - о музыке, её видах и жанрах, а на рисунке - все инструменты большого симфонического оркестра.

На букву А - авиация (и о настоящих самолётах, и об авиамодельном спорте), автомобиль (от самого первого, паровика Кюньо, модели 18 века), айсберг, акварель, алхимия... Б - бабочки, бактерии, балет, бог... Большие страницы, интересные рассказы, фотографии, карты, картинки... И всё это - детская энциклопедия для начальной школы «Что такое? Кто такой?» Выдержала несколько изданий, выпускалась в двух и в трёх томах.

В каждое издание время вносит что-то новое, а чем - то приходится жертвовать. Открываю страницу со статьёй «Пионерия» - а на ней значки и галстуки пионеров разных стран. Попробуйте узнать в интернете, как выглядел значок пионеров Англии - а интернет выдаёт, что в Англии были только скауты. Ошибается Яндекс - пионеры - «Лесной народ» - были. А галстуки у них были зелёные.

А вот эта картинка - великолепная иллюстрация к статье «Деньги». Прямой обмен безденежных времён.

Статьи об учёных, путешественниках, об открытии Земли и штурме Космоса, о лучших книгах и технических изобретениях - этим зачитываются и взрослые, каждый раз узнавая для себя что-то новое.

А таких статей в издании тысяча!

Факты истории и тайны ономастики (прочитав о них, каждый захочет узнать о значении своего имени!), известнейшие картины и оперы, спортивные игры, археологические находки и обмундирование разных армий...

Невозможно перечислить всё, что разместилось на тысяче больших страниц. И маленький читатель, полистав такую книгу, получает ориентир. Это - навигатор, с которым будешь точно знать, что именно «забывать в поисковик», чтобы не утонуть в океане информации, на 99% бесполезной, а то и вредной.

Где ещё увидишь столь лаконичное и наглядное изображение «теории эволюции»? Эти два пухлых тома, зачитанных почти до полного рассыпания страниц, я называю так же, как Ломоносов когда-то называл «Арифметику» Магницкого - «вратами своей учёности»! И не только я - на этой книге выросли уже два поколения в семье. Вырастет и следующее. Конечно, сейчас эти статьи кажутся короткими и недостаточно подробными, но ведь это написано «для начальной школы»! Для расширения кругозора, для знакомства с тем, о чём в семье каждый день не говорят, для самостоятельного чтения, рассматривания и поиска. Если бы дать их в руки каждому первокласснику...

Сегодняшний отличник знает меньше троечника шестидесятых лет. Это не ностальгический всхлип, это, как говорится, медицинский факт.

Родители отличника, пожалуй, возразят: зато он понимает в компьютерах! И вообще... одевались мы хуже, видели меньше, за границу не ездили! Зато...

Но ведь наша задача - не сравнивать призрачные «плюсы» с реальными «минусами», а искать путь подъёма к вершинам, с которых скатились, уже однажды их покорив.

Вот это многотомье - тот минимум, с которым мы, выпускники семидесятых, покидали школу. Годы издания – конец 60-х. Были в классе и счастливые обладатели первого издания Советской Детской энциклопедии, красочного и нарядного, конца 50-х лет.

«Пятёрка» по любому предмету была обеспечена, если возьмёшь на себя труд сделать «доклад» - выучить и пересказать главу из энциклопедии по теме урока. Ведь обо всём здесь рассказано куда живописнее, интереснее, чем в любом школьном учебнике!

Вот первый том, «Земля». О геологическом прошлом Земли от самого начала времён, о ранних формах жизни, о географии, исследованиях атмосферы и тайнах океана... Здесь же рассказы о первопроходцах, об открытиях неведомых земель и народов. И о «белых пятнах» - загадках нашей планеты, отгадать которые предстоит сегодняшним школьникам.

Том второй - «Космос». Предвкушение невиданного прорыва, триумфа человеческой мысли: «Человек выйдет в космос, возможно, раньше, чем эта книга попадёт к читателям»! Рассказы об астрономии и астрономах, снимки Земли со спутников, поверхности Луны и Венеры с космических станций... И конечно, карта звёздного неба, завораживающая своей таинственностью и своим величием.

В книгах о математике, помимо строго научных сведений, множество занимательных задач, похожих на фокусы - можно так потрасти

$$\begin{aligned}
 1 \times 9 + 2 &= 11 \\
 12 \times 9 + 3 &= 111 \\
 123 \times 9 + 4 &= 1111 \\
 1234 \times 9 + 5 &= 11111 \\
 12345 \times 9 + 6 &= 111111 \\
 123456 \times 9 + 7 &= 1111111 \\
 1234567 \times 9 + 8 &= 11111111 \\
 12345678 \times 9 + 9 &= 111111111 \\
 123456789 \times 9 + 10 &= 1111111111
 \end{aligned}$$

неискушённую публику... А несколько способов умножать и делить, не зная таблицы умножения? Так, как это делали купцы, неграмотные, но честные? Сосчитают - и приложат к результату «честное купеческое слово», что вернее любой бумаги с печатью!

А драматическая история развития наук? Физики, химии, медицины? А целый том, целиком посвящённый миру техники? С подробнейшими описаниями и чертежами действующих моделей, которые можно сделать в школьной мастерской! Где теперь человеку, далёкому от морских наук, найти полное описание оснастки парусного корабля с названиями каждой реи, стеньги, паруса...

Том под названием «Человек» посвящён природе человека как биологического вида, и как существа социального, сформированного обществом. Загадки сна, восприятия, таланта, гениальности, темперамента, воли, характера... Феномен самопожертвования, героизма. Задачи, стоящие перед биологией, по совершенствованию природы человека, а значит, и нашей жизни. И очерки обо всех видах спорта с подробным описанием, с чего начать самостоятельные тренировки, если поблизости нет спортивной школы.

История. Помимо иллюстрированных рассказов о пути человечества, списки исторических романов и повестей, посвящённых фактам и людям, как известным, так почти забытым. Таким, как рекордные по длительности морские переходы китайского мореплавателя Чжан Хэ, или Детские крестовые походы.

Отдельные тома посвящены литературе многих стран и народов и искусству. Всем видам искусства - от самых древних (танец, пантомима) до «технических» - фотография, кино. С рассказами о самых талантливых творцах и самых лучших образцах.

Но неожиданно самым читаемым у десятиклассников оказался самый «морально

устаревший» девятый том - «Советский Союз»...

Если бы мне пришлось разговаривать с человеком, ничего не знающим об этой «Атлантиде», я бы просто положила перед ним все двенадцать томов Советской Детской энциклопедии:

- Судите сами, что это была за страна, что за власть, которой были нужны такие образованные дети, которая сумела сделать престижным – ЗНАНИЕ!

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Забавный рисунок. Но что это – карикатура или пророчество? Наше завтра или уже сегодня?

Можно попытаться ответить на этот вопрос, опираясь только на собственные ощущения, можно - приводя статистику.

А вот американский фантаст **Рэй Брэдбери** ответил на него своим романом «**451 градус по Фаренгейту**».

Мир недалёкого будущего.

Мир, в котором люди не задают вопросов, да и вообще почти не разговаривают. О чём? И так всё ясно: работаешь - имеешь. Несложная работа - и колоссальный выбор развлечений. И если взрослые довольствуются гаджетами, то страсть подростков - автомобили. Скорость! Отправляясь компанией носиться на запредельной скорости, они не уверены, вернуться или нет - и в этом для них главная ценность прогулок. Взрослеть? Жить? Зачем?! Чтобы стать толстым и лысым» образцовым потребителем»?

О том, что можно стать кем-то ещё, ребята не подозревают.

А Гай Монтэг повзрослел. Работает. Он влюблён в свою работу пожарного, он наслаждается неуправляемой стихией, симфонией огня! Слышал, правда, что когда-то пожарные тушили дома, а не поджигали, но... разве это может быть правдой? Разве не всегда дома были огнеупорными?

Зачем поджигает? А думать - не его дело. Приказ! По приказу он направляет огненную струю своего брандспойта только и исключительно в те дома, где обнаружены КНИГИ.

Но сегодня произошло то, что нарушило его нерушимое душевное спокойствие: хозяйка дома, в котором было обнаружено преступное хранилище крамолы, не стала молить о пощаде. Она отказалась выйти. И сгорела! Жизнь без книг, очевидно, казалась пожилой женщине лишённой смысла.

Почему?! Что в них такого, в этих бумажных кирпичках?!

Ответа не находит, спросить некого. С женой не поговоришь - её уши вечно заткнуты крошечными наушниками, а бледные пальчики умеют только засовывать кусочки в тостер и нажимать на кнопки. Нет, она тоже живёт «не хлебом единым»:

- Когда мы сможем купить четвёртую телестенку?

- Мы третью купили только два месяца назад... А ты не помнишь, как мы с тобой познакомились?

- Нет... какая разница... это было так давно, - отвечает Милли, и спешит «общаться» с виртуальными «родственниками». Разговоры - отрывочные фразы ни о чём. Увлечателен сам процесс - ты говоришь, а тебе с экрана тут же отвечают герои сериала!

Монтэг пытается вспомнить, когда и с кем он разговаривал в последний раз? Не о еде, службе или вещичках, а по душам? И в памяти всплывает странный случай: когда он был маленьким, отключили электричество. Как будто вокруг него пропал весь мир! Тогда мама зажгла свечку - и в мире они оказались вдвоём. Ей тоже так показалось!

И вот - разговор. С живым человеком. Девушка, почти девочка, почему - то в поздний час на улице одна. Оказалось - просто вышла посмотреть на звёзды. Понюхать одуванчики. Встретить восход солнца. Её зовут Кларисса и, по мнению школы, она ненормальная, а сама она считает «ненормальной» школу. Ведь там не учат, и даже уже не делают вид, что учат. Просто пытаются держать под присмотром... Да, они с Монтэгом - соседи. А почему до сих пор не встречались? Да как-то... не принято теперь интересоваться, кто живёт в соседнем доме.

Что - то изменилось в жизни, а что - Монтэгу пока непонятно. Но каждый вечер он теперь как бы случайно встречает Клариссу. Говорит, слушает, думает, удивляется... а потом - следит за окнами её дома, и даже подглядывает! А как же можно сдерживать любопытство, если в окнах - не мертвенный свет экранов, если люди там просто... разговаривают!

- О чём?!

- О людях... о прошлом... о жизни...

- Рядом с Вами я чувствую себя старым!

- А почему у Вас нет дочки? Такой, как я?

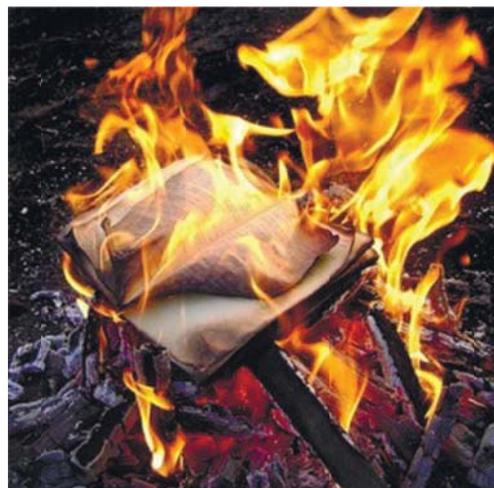
- Моя жена... она не хотела детей.

- Понимаю. Теперь мало кто хочет их иметь.

- Вы... вы читаете книги?

- У меня их нет...

Любовь? Нет, на роман здесь нет и намёка. Кларисса - Белая Ворона, Мыслящий Подросток. Пробудив в душе героя сомнение, просто сомнение в правильности жизни, она исчезнет. Исчезнет и из повествования, и вообще... из жизни. Погибнет под

старенького, вечно испуганного Профессора:

- Хотите Библию?

- Отдал бы правую руку за право владеть ею!

Монтэг принесёт ему Библию - незаметно вынесет с очередного пожара. И спросит, что же в них такого, в этих книгах?!

И услышит, что книги учат мыслить и действовать.

Так вот, что запрещено счастливым обитателям образцового общества - мыслить и действовать! Но почему никто не возражает? Неужели настолько запуганы?

Нет, дело не только в страхе. Просто культура - столь хрупкий цветок, что без «возделывания» - погибает. Исчезает за несколько лет.

Всё началось с того, что сто лет назад многие книжки сочли слишком толстыми, и начали выпускать пересказы. Затем - «краткие содержания». Хрестоматии «Вся классика под одной обложкой». Потом - десять строчек в энциклопедии... и всё. После этого люди сами повыбрасывали «печатный хлам». Отказались от привилегии МЫСЛИТЬ совершенно добровольно, и даже радостно.

Лишь после этого правящая элита обнаружила, что не мыслящее население управляемо абсолютно. Только тогда КНИГА была поставлена вне закона! Исключение сделано лишь для детей элиты - ведь эта каста должна остаться у власти навсегда.

Так что же - выхода нет?!

Есть. То, что не нужно этому поколению, может быть востребовано следующим. Ведь когда-то это уже было: разрушая ненавистный Рим, христиане разбивали статуи, сжигали библиотеки, убивали каждого, кто пытался защитить. Но нашлись те, кто закапывал, прятал, хранил для потомков.

Разве могли знать благородные Хранители, что потомков этот «хлам отжившего мира» заинтересует лишь в эпоху Возрождения, через тысячу лет?!

Став одним из Хранителей, Монтэг всё более проникается, казалось бы, иррациональной уверенностью, что новое Возрождение неизбежно, как после ночной тьмы - восход Солнца. А загадочное название повести объясняется очень просто: 451 градус по Фаренгейту – это температура, при которой вспыхивает и загорается бумага!

Отношение к книге, как к чему-то подозрительному, а то и опасному не ново. Вероятно, оно существует с тех пор, как существует сама Книга. Ведь и на Руси иные из наших предков изрекали: «Меньше знаешь - крепче спишь!», или «Не чти книг - не впадёшь в ересь!»

Так может, и в самом деле, можно обойтись комиксами про вампиров? А что - картинок много, «букоф» мало, голова не болит... Можно?

А вот на этот вопрос пусть каждый ответит себе САМ.

Об авторе

Баева Наталья Анатольевна - преподаватель философии, завуч НОУ «Школа экстерн» в городе Гатчина Ленинградской области. Автор нескольких книг, художник - иллюстратор.

Тел.+7 813 71 73 334 ; +7 911 913 37 13 Эл. почта: natbaeval960@yandex.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ:

От автора	3
Для чего нужна литература?.....	4
Авторская сказка.....	5
Не сказкой единой.....	33
Детям о Великой войне.....	48
Детям –о взрослых, взрослые – о детях.....	55
Библиотека приключений.....	83
Историческая повесть.....	106
Учимся мыслить.....	138
Вместо послесловия.....	162